

Филип Хосе ФАРМЕР

НОЧНЫЕ КОШМАРЫ

БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Ночные кошмары
Филип Хосе Фармер

Аннотация
Ночные кошмары
Часть 1. Обоюдоострый подарок
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Часть 2. Прикосновение звезд
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Часть 3. Эволюция Пола Эйра

Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Часть 4. Все дальше и дальше — все страньше и страньше…
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Безземельный пэр
Предисловие
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6

Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Рассказы ужасов
Волк, пуля и мотылек
Призрак из канализации
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Никто не идеален
Зло, будь добром

Аннотация

Первая повесть сборника «Ночные кошмары» — история о человеке, с которым после его первого знакомства с космическим кораблём начали происходить странные вещи…

Вторая повесть — история о лорде Грейстоке, благородном герцоге Великобритании, выросшем в диких джунглях. 1916 год. Разгар Великой войны. Министерство иностранных дел Великобритании узнает, что смертельная формула была украдена у союзников старым противником Шерлока Холмса, немецким агентом фон Борком. Майкрофт Холмс вызывает младшего брата Шерлока из отставки, чтобы спасти империю от нависшей угрозы.

Кроме того, в сборник включены рассказы про волка-оборотня, вампира, создание Франкенштейна и чудовища из слизи…

Библиотека фантастики и приключений

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2021

СЕВЕРО-ЗАПАД
2021

ББК 84 (7 Сое)-44 Ф24
Составитель серии *А. Лидин*
Ответственный за выпуск *Я. Забелина*
Ф24

ISBN 978-5-93835-154-7
ФАРМЕР Филип Хосе
«Ночные кошмары». — СПб.: «Издательство «Северо-Запад», 2021. — 334 с. — Библиотека приключений и фантастики.
ISBN 978-5-93835-154-7
© ООО «Издательство «Северо-Запад», 2021

Ночные кошмары

Часть 1. Обоюдоострый подарок
Глава 1

ПОЛ ЭЙР ВЫСТРЕЛИЛ в летающую тарелку.

В это ясное утро он вышел прогуляться на луг. Впереди раскинулась лесная опушка, разделенная надвое небольшим ручьем. Райли, сеттер, неожиданно напрягся. Опустив нос, низко пригнувшись, дрожа всем телом, он, словно магнит, указал на невидимую в траве перепелку. Сердце Пола Эйра забилось чуть быстрее. Впереди, в нескольких ярдах от Райли, рос куст. За ним должны были прятаться птицы.

Тарелки вырвались из зарослей словно ракеты. Будь Пол новичком, он, без сомнения, подпрыгнул бы от неожиданности. Казалось, что Земля произвела на свет несколько крошечных планет. Но их оказалось совсем не так много, как он ожидал. Только две. Ведущая — намного больше, чем другая, настолько больше, что Пол Эйр аж подскочил от неожиданности, хотя по звону дроби он сразу понял, что это не птица.

Концентрированный поток дроби, судя по всему, попал прямо в эту штуку. Тарелка заскользила

под углом в сорок пять градусов, вместо того чтобы упасть, как падает мертвая птица, и врезалась в нижние ветви дерева на опушке.

Пол Эйр автоматически выстрелил из второго ствола во вторую «птицу». Но он упустил ее из виду.

Тварь взлетела, как перепелка. Она была темной и около двух футов длиной. Или два фута шириной. Палец Пола Эйра надавил на спусковой крючок, и только потом он сообразил, что перед ним вовсе не крылатое существо.

«Это не живые твари, а искусственные создания, — подумал он. — Навроде огромного глиняного голубя».

Пол Эйр огляделся по сторонам. Райли превратился в черно-белую полосу — бежал так, словно за ним гналась пума. Он не издал ни звука. Казалось, он экономит дыхание, словно знает, что ему понадобится каждый атом кислорода. За ним тянулся след экскрементов. А впереди, в полумиле на холме, возвышались белый фермерский дом и два темно-красных амбара.

Роджер, сын Пола, рассказывал о минах, которые взлетали в воздух перед взрывом. Пес не был на цепи и не взорвался. То есть, когда тарелки рванули в небо, пес подскочил, хотя взрыва не

последовало. А может, взрыв заглушил звук выстрела из дробовика?

Пол Эйр покачал головой. Ничего подобного быть не могло. Если не… А может, какой-то догхантер заявился в его владения? Бессмысленное насилие было популярным в этой богом забытой стране.

Ситуация напоминала ту, что порой бывает, когда садишься в автомобиль, который отказывается ехать. Вы можете думать все что хотите и строить самые нелепые предположения… Но пока вы не откроете капот и не посмотрите на двигатель, вы не сможете определить причину поломки. Значит, ему нужно открыть капот.

Пол Эйр шагнул вперед. Единственным звуком был шорох северо-западного ветра, тихий, потому что лес стоял у него на пути. Голубая сойка и вороны, которые так шумели до того, как Пол Эйр выстрелил, затихли. А потом он заметил сойку, сидящую на ветке дерева. Казалось, она окаменела от шока.

Пол Эйр сказал себе, что надо действовать осторожно, но не бояться. Но если честно говорить, то испугался он всего три раза в жизни. Когда отец бросил его, когда умерла мать, когда Мэвис сказала, что уходит от него. И эти три события научили

его, что все не так плохо, как он думал в первый момент, и что бояться глупо и нелогично. Он, его братья, сестры и мать прекрасно обходились без отца. Смерть матери на самом деле сильно облегчила ему жизнь. И Мэвис не оставила его.

— Только лишенные воображения люди, королем которых ты являешься, не знают страха, — сказал ему как-то Тинкроудор. Но что этот изнеженный яйцеголовый знает о настоящей жизни и настоящих мужчинах?

Тем не менее Пол Эйр колебался. Он же мог просто уйти, забрать собаку и поохотиться в другом месте. Или, лучше, рассказать местному кузнецу, что кто-то установил странное механическое устройство в его поле.

Возможно, зрение подвело его, хотя ему и не хотелось в этом признаваться. За стеклами очков скрывались глаза пятидесятичетырехлетнего старика. Хотя для своего возраста он был в хорошей форме, лучше, чем большинство мужчин двадцатью годами моложе. Гораздо лучше, чем тот же Тинкроудор, который сидел на одном месте весь день, печатая свои сумасшедшие истории.

И все же окулист сообщил Полу Эйру, что ему нужны новые очки. Пол Эйр никому об этом не рассказывал. Он ненавидел признаваться кому

бы то ни было, что у него есть слабости. Когда у него появится шанс заказать новые очки, так чтобы никто, кроме доктора, не узнал об этом, он уйдет. Возможно, ему не следовало откладывать это дело…

Пол Эйр снова медленно зашагал по полю. Один раз он посмотрел в сторону фермы. Райли, не сбавляя шага, все еще бежал к дому. Когда он поймает Райли, то врежет ему несколько раз по носу и пристыдит. А если пес еще раз выкинет что-то в таком роде, он избавится от кобеля. Пол Эйр не видел смысла кормить бесполезнуюж тварь. Собака ела больше, чем стоила.

Пол Эйр мог себе представить, что сказала бы по этому поводу Мэвис: «Через одиннадцать лет ты выйдешь на пенсию. Ты хочешь, чтобы мы отправили тебя в газовую камеру, потому что ты бесполезный?»

А он бы ответил ей: «Но я не буду бесполезным. Я буду работать так же усердно, как и раньше, когда выйду на пенсию…»

Он был уже в десяти футах от леса, когда оттуда потянул желтый дымок.

Глава 2

ПОЛ ЭЙР ОСТАНОВИЛСЯ. Это не могла быть пыльца. Не то время года. И пыльца никогда не светилась.

Более того, облако расползалось с такой силой, что ветер не мог его заставить двигаться. Во второй раз он заколебался. Густой желтый туман был так похож на газ. Пол Эйр подумал об овцах, убитых в Неваде или Юте, когда армия выпустила нервно-паралитический газ. Может, и в самом деле газ какой? Но нет… Это было просто смешно.

Мерцающая дымка приблизилась. Мгновение, и Пол Эйр оказался в ней. На несколько секунд он затаил дыхание. Потом вздохнул и рассмеялся. Дымка на секунду отодвинулась от его лица и снова сомкнулась. А потом он заметил, что тут и там что-то сверкает. Еще не дойдя до деревьев, он увидел, как на траве, на руках и на стволах ружья появились крошечные пятна. Они напоминали золотистую ртуть. Он провел рукой по стволам, собрав странное вещество в две большие капли. Оно стекло, как ртуть, в чашу его ладони.

Его запах заставил сморщить нос, и, прихватив пригоршню земли, Пол Эйр поднес ее к липу,

пытаясь заглушить аромат странной жидкости. А пахла она спермой.

Именно тогда Пол Эйр заметил, что не перезарядил оружие. Он был потрясен. Он никогда не забывал перезарядить ружье сразу после выстрела, делал это автоматически, даже не думал об этом. А теперь, поняв, что оплошал, сильно расстроился.

Неожиданно дымка, или туман, или что бы это ни было, исчезла. Пол Эйр огляделся. Трава примерно в двадцати футах позади него стала слегка желтоватой.

Вздохнув, он не спеша отправился дальше. Перед ним лежала ветка, обломанная тварью. Впереди застыл густой и безмолвный лес. Пол Эйр продрался сквозь заросли колючего кустарника, откуда не раз выгонял кроликов. И теперь там оказался один длинноухий большой самец — прятался в хитросплетении шипов. Кролик видел охотника, понимал, что его видят, но не двигался. Пол Эйр присел на корточки, разглядывая зверя. Черные глаза кролика казались остекленевшими, а коричневый мех то тут, то там искрился желтизной. Зверек сидел в тени, так что солнце не могло создавать эти блики.

Потом Пол Эйр ткнул в кролика пальцем, но

тот не шевельнулся. Пол Эйр видел, что зверь сильно дрожит…

Через несколько минут Пол Эйр был на том месте, где приземлилась бы летающая тарелка, если бы продолжала снижаться. Но кусты тут были нетронуты, трава не примята.

Прошел час. Пол Эйр тщательно обследовал лес по эту сторону ручья и ничего не нашел, перешел ручей, которй нигде не был глубже двух футов, и начал свои поиски в лесу на той стороне. Больше он нигде не видел желтой ртути, что означало одно из двух. Либо тварь сюда не долетела, либо перестала истекать этой дрянью. Возможно, это просто совпадение, что вещество появилось в то же самое время, когда летающая тарелка исчезла. Совпадение, однако, казалось маловероятным.

Затем Пол Эйр увидел одну-единственную каплю ртути и понял, что тарелка все еще… кровоточит? Он покачал головой. Почему ему пришло в голову это слово? Только живые существа могут быть ранены. А он повредил какой-то механизм.

Что-то шлепнулось у него за спиной. Пол Эйр резко обернулся. Сквозь кусты он разглядел что-то круглое, плоское и черное, торчащее из середины ручья. Он видел эту штуку раньше на

расстоянии и подумал, что это вершина слегка округлого валуна, торчащего из-под воды. У него аж глаза заслезились.

Он пересек ручей и пошел по берегу. А когда снова посмотрел на камень… того на месте не оказалось. Раздался треск веток, затем наступила тишина… А может, оно спряталось за кустом…

Значит, оно было живым? Ни одна машина не двигалась так, если только…

Что бы сказал Тинкроудор, если бы он рассказал ему, что видел летающую тарелку?

Хотя здравый смысл подсказывал, что ему никому не стоит рассказывать о происходящем. Над ним будут смеяться, и люди подумают, что он спятил. Или страдает от маразма, как его отец.

Эта мысль, казалось, на минуту свела Пола Эйра с ума. С криком Пол Эйр бросился сквозь кусты и колючие заросли. Оказавшись под деревом, рядом с которым должна была лежать эта штука, Пол Эйр остановился. Его сердце бешено колотилось, и он вспотел. На мягкой влажной земле не было никаких следов; ничто не указывало, что тут лежал большой тяжелый предмет.

Что-то шевельнулось справа — Пол Эйр заметил движение уголком глаза. Он повернулся и выстрелил один раз, потом еще. Куски кустар-

ника взлетели вверх, и посыпались куски коры. Пол Эйр перезарядил ружье — на этот раз не забыл — и медленно двинулся к тому кусту, где, как ему казалось, теперь была эта штука. Но и там тарелки больше не было, если она вообще существовала.

Пройдя еще несколько футов, Пол Эйр внезапно почувствовал головокружение. Он прислонился к дереву. Кровь стучала у него в ушах, деревья и кусты кружили перед глазами. Возможно, желтое вещество было нервно-паралитическим газом.

Пол Эйр решил выбраться из леса. Не страх, а логика заставила его передумать. И никто не видел, как он отступил.

На опушке леса Пол Эйр остановился. Он больше не чувствовал головокружения, и мир вновь обрел свою твердость. Теперь только он будет знать, что отступил, но он никогда больше не сможет думать о себе как о настоящем мужчине. «Нет, клянусь Богом, — он сказал сам себе, — мне нужно увидеть, что я там подстрелил.

Он обернулся и увидел, как сквозь завесу кустов из-за дерева показалось что-то белое. Это напоминало заднюю часть женского торса. И на незнакомке ничего не было. Пол Эйр видел мягкую белую кожу и впадину на спине. Бедер

не было видно. Затем появился затылок, черные волосы до плеч.

Он что-то крикнул женщине, но она не обратила на его окрик внимания. Когда Пол Эйр добрался до дерева, из-за которого она впервые появилась, ее там не оказалось. Но часть травы все еще была примята, и прошлогодняя листва на земле была потревожена.

Час спустя Пол Эйр сдался. Неужели ему только что показалось, что он видел женщину? Что бы женщина делала голой в этом лесу? Она не могла быть тут с любовником, потому что они с мужчиной выбрались бы из леса, когда он в первый раз выстрелил из дробовика.

На обратном пути Полу Эйру показалось, что он увидел что-то большое и коричневое вдали. Он присел на корточки и раздвинул куст перед собой. Примерно в тридцати ярдах, за густыми зарослями, виднелась спина животного. Желтовато-коричневая шкура и длинный хвост с кисточкой. И если бы Пол Эйр не знал, что это невозможно, он бы сказал, что это задняя часть африканского льва. Нет, львицы.

Мгновение спустя он увидел голову женщины.

Она была там, где была бы голова львицы, если бы она встала на задние лапы и подняла голову.

Женщина была видна в профиль, и она была самой красивой из тех, кого он когда-либо видел.

Должно быть, он страдает какой-то коварной формой азиатского гриппа. Это бы все объяснило. На самом деле, это было единственное объяснение.

Пол Эйр был уверен в этом, когда добрался до опушки леса. Поле было покрыто красными цветами, а на другой стороне, которая, казалось, была в милях отсюда, раскинулся сверкающий зеленый город.

Видение длилось всего три или четыре секунды. Цветы и город исчезли, а поле, словно резиновая лента, вернулось к своим реальным размерам. Пол Эйр слышал, как она щелкнула.

Через десять минут он был на ферме.

Райли приветствовал его, укусив.

Глава 3

ПОЛ ЭЙР ПРИПАРКОВАЛ машину перед домом. Подъездная дорожка была перегорожена машиной, к которой был прицеплен прицеп для лодки, мотоциклом без мотора и «лендровером», на вершине которого стояла наполовину сколоченная собачья конура. За ними был большой гараж,

забитый машинами, инструментами, припасами, старыми шинами и наполовину разобранными подвесными моторами.

Тысяча триста тридцать первый дом Уизманкорт находился в районе, который когда-то был полностью заселен. Теперь огромный старый особняк на другой стороне улицы превратился в дом престарелых; соседние дома были снесены, а здания для ветеринара и его питомника были почти достроены. Собственный дом Пола Эйра выглядел достаточно большим и достаточно элегантным, когда они с Мэвис переехали в него двадцать лет назад. Теперь он казался крошечным, жалким и ветшающим, и выглядел так в течение последних десяти лет.

Сам Пол Эйр до последнего момента никогда этого не замечал. Хотя временами он чувствовал себя неуютно, но объяснял это слишком большим количеством людей, а не теснотой дома. Но как только он избавится от сына и дочери, в доме снова станет уютно. И дом был оплачен. Кроме налогов, расходов на содержание и оплаты коммунальных услуг, проживание ему ничего не стоило. Если район несколько обветшал, тем лучше. Его соседи не жаловались на то, что он вел здесь собственный бизнес — ремонтировал

то одно, то другое.

До сих пор он не задумывался о внешнем виде своего жилища. Это был просто дом. Но теперь он заметил, что трава на крошечной лужайке не подстрижена, деревянные ставни нуждаются в покраске, подъездная дорожка в беспорядке, а тротуар потрескался.

Пол Эйр вылез из машины и левой рукой прихватил дробовик и сумку. Правая рука была забинтована. Старушки, сидевшие на боковом крыльце, помахали ему и окликнули, и он помахал им в ответ. Они сидели, как стая древних ворон на ветке. Время сбивало их, одного за другим. В конце ряда был свободный стул, но скоро его займет новичок. Мистер Риджли сидел там до прошлой недели, когда однажды днем его заметили мочащимся через перила веранды на кусты роз. По словам старушек, теперь он был заперт в своей комнате наверху. Пол Эйр поднял глаза и увидел белое лицо с усами в табачных пятнах, прижатое к решетке окна на третьем этаже.

Он помахал рукой. Мистер Риджли вытаращил глаза. Изо рта под усами потекла слюна. Разозлившись, Пол Эйр отвернулся. Его мать несколько недель смотрела в это окно, а потом исчезла. Но она дожила до восьмидесяти шести, прежде чем

впала в маразм. Это было простительно. Чего он не мог ни простить, ни забыть, так это того, что его отцу было всего шестьдесят, когда он спятил.

Пол Эйр поднялся на веранду по деревянным некрашеным ступенькам. Это была не просто веранда. Он отделил ее от дома и теперь использовал как спальню. Роджер, как обычно, забыл застелить диван. Четыре года службы в морской пехоте, в том числе командировка во Вьетнаме, не приучили его к аккуратности…

Пол Эйр зарычал на Роджера, когда вошел. Роджер, высокий худощавый блондин, сидел на диване и читал учебник колледжа. Он сказал:

— Мама сказала, что застелит, — он уставился на руку отца. — Что с тобой случилось?

— Райли сошел с ума, и мне пришлось застрелить его.

Мэвис, войдя из кухни, всплеснула руками:

— Боже! Ты застрелил его!

По щекам Роджера потекли слезы.

— Зачем ты это сделал?

Пол махнул правой рукой.

— Ты что, не слышал меня? Он укусил меня! Он пытался вцепиться мне в горло!

— Зачем ему это делать? — спросила Мэвис.

— Ты говоришь так, будто не веришь мне! —

фыркнул Пол. — Ради бога, неужели никто не спросит, насколько сильно он меня укусил? Или боитесь, что я могу заболеть бешенством?

Роджер вытер слезы и посмотрел на бинты.

— Ты был у врача? — спросил он. — И что он сказал по этому поводу?

— Голова Райли отправлена в лабораторию штата, — проворчал Пол Эйр. — Ты хоть представляешь, что будет, если мне придется делать прививки от бешенства? В любом случае это смертельно! Никто никогда не выживал, заразившись бешенством!

Рука Мэвис метнулась ко рту, и из-за нее донеслись сдавленные звуки. Ее светло-голубые глаза едва из орбит не вылезли.

— А еще говорят, что подковы, висящие над дверью, приносят удачу, — проворчал Роджер. — Почему бы тебе не вернуться из девятнадцатого века, папа? Посмотри на что-нибудь, кроме подвесных моторов и телевизора. Процент выздоровевших от бешенства очень высок.

— Я год проучился в колледже, и этого более чем достаточно, — заметил Пол Эйр. — И разве это повод для того, чтобы мой умник сын насмехался надо мной? Где бы ты был, если бы не

«законопроект Г. И.»[1]?

— Ты поступаешь в колледж, чтобы получить степень, а не образование, — поправил отца Роджер. — А учиться ты должен всю свою жизнь.

— Ради бога, Прекрати эти вечные пререкания, — попросила Мэвис. — И сядь, Пол. Не принимай смерть бедного Райли близко к сердцу. Ты выглядишь ужасно!

Он отдернул руку и объявил:

— Со мной все в порядке.

Он сел. Зеркало за диваном показало ему невысокого, худого, но широкоплечего мужчину с гладкими светло-каштановыми волосами, высоким лбом, кустистыми песочными бровями, голубыми глазами за восьмиугольными очками без оправы, длинным носом, густыми каштановыми усами и круглым подбородком с ямочкой.

Его лицо действительно было похоже на маску. Тинкроудор сказал, что тот, кто носит очки, никогда не должен носить усы. Вместе они создавали видимость фальшивого лица. Тогда это замечание разозлило его. Оно напомнило, что он ждет встречи с Тинкроудором. Может быть, у него есть

---

[1] Примечания: 1

Законопроект о помощи ветеранам в области образования предоставляет ветеранам финансирование на полную стоимость обучения в любом государственном колледже в их штате.

ответы на вопросы, которые мучали Пола?

— Как насчет пива, папа? — спросил Роджер. Он выглядел раскаявшимся.

— Спасибо, пиво поможет, — сказал Пол Эйр. Роджер поспешил на кухню, а Мэвис стояла и смотрела на него сверху вниз. Даже когда они оба встали, она все еще смотрела на него сверху вниз. Она была по крайней мере на четыре дюйма выше.

— Ты действительно думаешь, что у Райли было бешенство? — сказала она. — Сегодня утром он казался вполне здоровым.

— Не совсем. Нет… У него не было пены изо рта или чего-то в этом роде. Что-то напугало его в лесу, напугало до полусмерти, и он напал на меня. Он не понимал, что делает.

Мэвис села на стул в другом конце комнаты. Роджер принес пиво. Пол Эйр с благодарностью выпил его, хотя янтарный цвет напомнил ему о таинственной желтой жидкости. Он посмотрел на Мэвис поверх стакана. Он всегда считал, что она очень хороша собой, хотя ее лицо было несколько вытянутым. Но, вспомнив профиль женщины в лесу, он осознал, что на самом деле его жена вовсе не красавица, а скорее уродина. Теперь, когда он увидел незнакомку в лесу среди

деревьев, лицо любой женщины выглядело бы плохо.

Хлопнула входная дверь, и с веранды вошла Гленда. Пол Эйр почувствовал смутную злость. Он всегда так делал, когда видел ее. У нее было красивое лицо, его женская копия, и тело, которое могло бы соответствовать лицу, но не соответствовало… Гленда была худой и почти безгрудой, хотя ей было уже семнадцать. Позвоночник выгнулся в форму вопросительного знака, одно плечо было ниже другого; ноги казались тонкими, как спички.

Остановшись посреди гостиной она спросила:

— Что случилось?

Ее голос был глубоким и хриплым, сексуальным для тех, кто слышал его, не видя девушки.

Мэвис и Роджер рассказали ей, что произошло. Пол Эйр приготовился к буре слез и обвинений, так как Гленда очень любила Райли. Но она ничего не сказала. Казалось, она беспокоится только об отце. Это удивило Пола. Больше того — разозлило.

«Но почему я рассердился?» — задумался Пол Эйр.

И тогда он понял: все потому, что она была живым упреком. Если бы не он, она не была бы

такой извращенной; она была бы высокой прямой и красивой девушкой. Его гнев был способом скрыть осознание этого от самого себя.

Он был поражен тем, что не понимал этого раньше. Как он мог быть таким слепым?

Он начал потеть. Он поерзал на диване, как будто мог избавиться от этого откровения. Он почувствовал, как его охватывает паника.

Что так внезапно открыло ему глаза? Почему он только сейчас, сегодня, заметил, какой уродливый его дом, насколько отвратительны старики на другой стороне улицы…

И почему Гленда разозлила его, хотя он не должен был проявлять к ней ничего, кроме нежности?

Он знал почему. Что-то случилось с ним в лесу, и, вероятно, всему виной та тварь. Но как она могла заставить переосмыслить окружающий его мир? Это пугало. И теперь он чувствовал, что он теряет что-то очень дорогое.

Он почти поддался желанию рассказать все своим родным… Нет, они ему не поверят. Они поверят, что он видел эти вещи. Но они подумают, что он сошел с ума, и испугаются. Если бы он застрелил Райли из-за безумных видений, он мог бы застрелить их.

Он испугался еще больше. Много раз он представлял себе, как делает именно это. Что, если он потеряет контроль и воображенное воплотится в реальность?

Он встал.

— Я, пожалуй, умоюсь, а потом ненадолго лягу посплю. Не очень хорошо себя чувствую.

Это, казалось, удивило всех.

— Что в этом странного? — громко спросил он.

— Папа, тебя всегда заставляли ложиться спать, когда ты болел, но ты всегда отказывался, — заметила Гленда. — Ты просто не хочешь признать, что можешь заболеть, как другие люди. Обычно ты ведешь себя так, словно сделан из камня, словно от тебя отскакивают микробы.

— Это потому, что я не гипер… гипер… Как вы это называете, гиперактивный, — объявил он.

— Ипохондрик, — одновременно в один голос добавили Гленда и Роджер.

— Не смотри на меня так, когда несешь пургу, — сказала Мэвис, свирепо глядя на супруга.

— Ты же знаешь, что у меня хроническая инфекция мочевого пузыря. Я не притворяюсь. Доктор Уэллс сам сказал вам это, когда вы позвонили ему, чтобы узнать, не лгу ли я. Никогда в жизни мне не было так стыдно…

Пронзительный голос доносился откуда-то издалека. Гленда еще больше скривилась, а Роджер разом вытянулся и словно стал выше.

Дверь в спальню отодвинулась в сторону, когда он попытался пройти через нее.

Мгновение, и Пол Эйр больше не мог передвигаться на двух ногах, поэтому встал на четвереньки. Если бы он был собакой, у него была бы более прочная опора и, возможно, дверной проем пропустил бы его. А если бы он продержался в этом состоянии достаточно долго, он смог бы пройти сквозь него.

Он услышал крик Мэвис и рявкнул, заверяя, что с ним все в порядке.

Потом он стал протестовать, отталкивая Мэвис и Роджера, заверяя их, что не хочет вставать, но они все равно подняли его и отвели к кровати. Но это не имело значения, так как он прошел через дверь. Пусть теперь дверной проем двигается, как ему заблагорассудится; он не одурачит Пола Эйра. Вы могли бы научить старую собаку новым трюкам.

Позже он услышал голос Мэвис, звучащий за закрытой дверью. Он здесь, пытается отоспаться, прийти в себя, приняв то, что его беспокоит, а она кричит, как попугай. Ничто и никогда не

заставит ее понизить голос.

«Слишком много децибел от нормального человека», — подумал он. Это была странная мысль, даже если бы он был инженером. Но ему хотелось, чтобы она сбавила тон или, что еще лучше, заткнулась. Навсегда. Он знал, что это не ее вина, так как оба ее родителя были глухими с детства. Но теперь они были мертвы, и у нее не было причины продолжать кричать, как будто она пыталась разбудить мертвых.

Почему он до сих пор никогда не говорил ей об этом? Потому что он питался этой обидой, питался и другими обидами. А потом, когда чаша переполнялась, он, в свою очередь, кричал на нее. Но речь всегда шла о других вещах. Но он никогда не говорил ей, каким скрипучим был ее голос.

Пол Эйр внезапно сел, а затем встал с кровати. Теперь он был сильнее, и дверной проем больше не был живым. Пол вышел в маленькую прихожую и поинтересовался:

— С кем ты там говоришь?

Мэвис удивленно посмотрела на него и прикрыла трубку рукой.

— Я отменяю встречу сегодня вечером. Ты слишком болен, чтобы…

— Нет, ничего не отменяй, — распорядился

он. — Со мной все в порядке. Скажи, чтобы приходили, как мы и планировали.

Подведенные карандашом брови Мэвис приподнялись.

— Хорошо, но, если бы я настояла, чтобы они пришли, ты бы разозлился на меня.

— Пусть приходят… А сейчас у меня много работы, — сказал он и направился к заднему выходу.

— Работать будешь с этой повязкой на руке? — спросила Мэвис.

Он вскинул обе руки вверх и вошел в гостиную. Роджер сидел в кресле с учебником в руках и смотрел телевизор.

— Как ты можешь изучать математику на первом курсе, пока Мэтт Диллон[2] стреляет на экране? — поинтересовался Пол Эйр.

— Каждый раз, когда раздается выстрел и краснокожий падает в пыль, становится ясным очередное уравнение, — сказал Роджер.

— Что, черт возьми, это значит?

— Не знаю, почему так выходит, — спокойно

---

[2] Примечания: 2

Мэттью Рэймонд Диллон — американский актёр кино и телевидения, кинорежиссёр. Дебютировав на большом экране с ролью в фильме «Через край» (1979), Диллон вскоре завоевал статус кумира подростков благодаря ролям в таких фильмах, как «Мой телохранитель» (1980), «Маленькие прелестницы» (1980), «Бойцовая рыбка» (1983) и «Изгои» (1983).

сказал Роджер. — Я просто знаю, что это работает.

— Я вас не понимаю, — сказал Пол. — Когда я учился, мне требовалась абсолютная тишина.

— Разве ты не слушал радио, когда читал книги?

Пол казался удивленным.

— Нет.

— Ну, меня так воспитывали, — отмахнулся Роджер. — Да и все мои друзья поступают точно так же. Может быть, мы научились справляться с двумя или более делами одновременно. Может быть, именно в этом и заключается разрыв между поколениями. Мы воспринимаем сразу много разных вещей и видим связи между ними. Но ты видишь только одну вещь за раз.

— Значит, ты лучше нас?

— Во всяком случае, я — другой, — заявил Роджер. — Папа, тебе следовало бы почитать Маклюэна[3]. Но потом…

— И что потом?

---

[3] Примечания: 3

Герберт Маршалл Маклюэн — канадский культуролог, философ, филолог и литературный критик. Получил широкую известность как исследователь воздействия электрических и электронных средств коммуникации на человека и общество (например, в концепции «глобальной деревни», «абсолютно обеспечивающей несогласие по всем вопросам»).

— Но ты никогда не читаешь ничего, кроме местных газет, спортивных журналов и всего, что связано с твоей работой.

— У меня нет времени на всякую ерунду, — пояснил Пол Эйр. — Я ушел с работы в «Треклесс» и теперь работаю по восемь часов в день по своим делам. И ты это знаешь.

— Лео Тинкроудор тоже так делал, и читал по три книги в неделю. Поэтому он так много знает.

— Да, он так много знает, но если его машина сломается, сможет ли он починить ее сам? Нет, он должен вызвать дорогого механика. Или заставить меня сделать это для него просто так.

— Никто не идеален, — заявил Роджер. — Во всяком случае, его больше интересует, как устроена вселенная, почему наше общество разрушается и что можно сделать, чтобы его восстановить.

— Он не сломался бы, если бы такие люди, как он, не пытались его сломать!

— Ты бы сказал то же самое сто лет назад, — сказал Роджер. — Ты думаешь, что сейчас все в беспорядке; но ты должен прочитать о мире, каким он был в 1874 году. В старые добрые времена. Мой профессор истории…

Пол Эйр вышел из комнаты и направился на кухню. Он никогда не пил больше двух кружек

пива в день, но сегодня все было по-другому. Все было по-другому. Крышка банки открылась, напомнив ему о звуке, когда поле вернулось в нормальное состояние. Теперь возникла связь, которую Роджер, да и любой другой человек в мире, на самом деле, не установил бы. Он пожалел, что не остался дома, чтобы наверстать упущенное на работе, а вместо этого отправился охотиться на перепелов.

Глава 4

В СЕМЬ ПРИШЛИ Тинкроудоры. Как обычно, Пол Эйр заставил их ждать, так как ему пришлось заканчивать с мотором в гараже. К тому времени, как он умылся, Лео уже успел выпить несколько рюмок, а Морна и Мэвис были заняты женским разговором. Лео же довольствовался беседой с Роджером и Глендой. Он всегда так делал, а если ни того, ни другого не было рядом, был рад помолчать. Он, казалось, не обижался на то, что Пол всегда опаздывал. Пол Эйр подозревал, что этот гость был бы доволен, если бы Пол так никогда и не появлялся. И все же Тинкроудор всегда встречал Пола с улыбкой, и если успевал много выпить, пытался шутить, подкалывая Пола.

Однако сегодня вечером, когда гости приехали, Пол был в гостиной. Он вскочил и с энтузиазмом поцеловал Морну. Он всегда целовал красивых женщин, если они ему позволяли. Это давало ему ощущение невинной неверности, помимо чистого удовольствия от поцелуев. Морне пришлось немного наклониться, как Мэвис, но она вложила в это больше тепла, чем Мэвис. И все же она всегда ругала Пола, защищая свою подругу.

Лео Квикег Тинкроудор накрыл руку Пола своей огромной лапой и сжал. Он был шести футов ростом, ширококостный, когда-то накачанный. Но теперь мускулы превратились в жир. Его некогда каштановые волосы поседели и поредели. Его странные зеленые, как листья, глаза, налитые кровью, взирали на Пола из-под выступающих костяных дуг, но всякий раз казалось, что он смотрит сквозь Пола. Скулы Тинкроудора были высокими и красными. Борода — смесью серого, черного и рыжего. У него был глубокий голос, эффект которого ослабляла склонность к невнятности произношения. Особенно когда он пил. А Пол видел его всего два раза в жизни, когда он не пил. Тинкроудор носил с собой пузырь с бурбоном. Когда у него были деньги, это был «Особый резерв Уоллера». Когда он был на мели

— дешевый виски с лимонным соком. Очевидно, Тинкроудор недавно получил гонорар. От его «пузыря» исходил дорогой запах.

— Садись, Лео, — четко соблюдая ритуал, предложил Пол Эйр. — Что будешь пить? Пиво или виски?

Согласно ритуалу Тинкроудор ответил:

— Бурбон. Я пью пиво только тогда, когда не могу найти ничего лучше.

Когда Пол вернулся с шестью унциями «Старого кентуккийского восторга» со льда, он обнаружил, что Тинкроудор уже всучил Роджеру и Гленде свои «творения». Он почувствовал укол ревности, когда они заохали от восторга. Как дети могли наслаждаться этим мусором?

— Что это? — спросил он, протягивая Лео стакан и забирая у Гленды книгу. На обложке был изображен белый мужчина в клетке, окруженный несколькими зеленокожими голыми женщинами, которые тянущились к нему через прутья клетки. На заднем плане виднелась гора, отдаленно напоминающая льва с головой женщины. На вершине головы лежал белый лед.

— Да, знаю… — вздохнул Тинкроудор. — Не критикуйте человека, если вы не прошли милю в его ботинках. Во время Второй мировой войны

я застрелил несколько двенадцатилетних детей. Но они стреляли в меня. Полагаю, принцип тот же. Эта практика мне не нравится. Ты когда-нибудь видел своих жертв, Роджер? После взрывов, я имею в виду.

— Нет, и я не болен на голову, — вздохнул Роджер.

— А я видел своих. Никогда их не забуду.

— Лучше бы сегодня не пил, — вздохнула Морна. — Мне ты уже нахамил, а теперь собираешься размазывать сопли по чужой манишке.

— Совет от чемпиона мира по оскорблениям, — фыркнул Тинкроудор. — И она называет это откровенными разговорами… Тебе больно, Пол? Я имею в виду укус.

— Ты первый, кто меня об этом спросил. Моя семья больше беспокоится о собаке, чем обо мне.

— Неправда! — взвилась Мэвис. — Я ужасно боюсь бешенства!

— Если у него пойдет пена изо рта, пристрелите его, — посоветовал Тинкроудор.

— Не смешно! — воскликнула Морна. — Когда я работала в больнице, я видела ребенка, которого укусила собака. Бешенства у него не было, но прививка заставила его ужасно страдать. Не волнуйся, Пол. Вряд ли у Райли была гидрофобия,

он никогда не общался с другими животными. Может быть, вскрытие покажет, что у него была опухоль в мозгу. Или еще что-нибудь.

— Может, ему просто не нравился Пол? — предположил Тинкроудор.

Пол понял, что Тинкроудор говорит не только за собаку, но и за себя.

— Однажды я написал небольшой рассказ под названием «Вакцинаторы с Веги». Огромный флот веганцев обладал оружием, против которого Земля была бессильна. Веганцы были двуногими, но волосатыми и имели неприятный запах изо рта, потому что ели только мясо. Они произошли от собак, а не от обезьян. У них были большие черные глаза, нежные от любви, и они были в восторге, потому что у нас было так много телефонных столбов. Они прилетели, чтобы спасти вселенную, а не завоевать нашу планету. Они сказали, что ужасная болезнь скоро распространится по всей галактике, но они смогут сделать прививку всем. Земляне возражали против принудительной вакцинации, но веганцы указал, что прецедент создали сами земляне… Вакцинировав всех и вся, веганцы улетели, забрав с собой некоторые земные артефакты, которые они считали ценными. Это были не великие про-

изведения искусства, спортивные автомобили или атомные бомбы. Они взяли пожарные гидранты и порошок от блох. Десять недель спустя все представители homo sapiens умерли. Веганцы не сказали нам, что мы и есть та самая страшная болезнь. Человечество слишком близко подошло к межзвездным путешествиям.

— Почему ты никогда не пишешь ничего хорошего? — спросил Пол.

— Читатели получают такого писателя-фантаста, какого заслуживают.

По крайней мере, Полу Эйру показалось, что его приятель сказал именно это. С каждым глотком речь Тинкроудора становилась все более неразборчивой.

— Конечно, я написал много историй о хороших людях. Но у меня их всегда убивают. Посмотри, что случилось со мной. Иисус. Во всяком случае, одна из моих историй — это прославление духа человечества. Рассказ называется «Дыра в холодильнике»… Бог прогуливается по саду в вечерней прохладе. Он только что изгнал Адама и Еву из Эдема и задается вопросом, не должен ли он был убить их вместо этого? Видите ли, во внешнем мире нет животных. Все звери в саду, причем очень довольны. Сад — это маленькое место,

но никого не беспокоит, что зверей становится слишком много. Божья экосистема совершенна; рождение уравновешивает смерть. Но снаружи ничто, кроме несчастных случаев, болезней и убийств, не может остановить рост человеческой популяции. Там нет ни саблезубых кошек, ни ядовитых змей. Ни овец, ни свиней, ни крупного рогатого скота. Это означает, что человек станет вегетарианцем, а если ему нужен белок, придется есть орехи. В скором времени люди расселятся по всей Земле, а так как земледелие они откроют только через две тысячи лет, то съедят все орехи… Потом они посмотрят через ограду вокруг сада и увидят четвероногие съестные припасы. А дальше все как всегда. Сад будет разрушен. Все цветы вытоптаны; животные истреблены… Может, стоит передумать и сжечь Адама и Еву парой молниеносных ударов? Богу все равно нужна практика… Еще одна вещь, которая беспокоит Бога, это то, что он не может перестать думать о Еве. Бог воспринимает эмоции всех своих созданий, как своего рода ментальное радио. Когда у слона запор, Бог чувствует его агонию. Когда бабуин отвергнут своей стаей, Бог чувствует его одиночество и печаль. Когда волк убивает олененка, Бог чувствует ужас олененка и радость

волка. Он также чувствует вкус мяса, когда оно попадает в пасть волка. И он ценит отношение животных к сексу. Но люди по-иному относятся к сексу. Это также связано с психологией, и это намного лучше. С другой стороны, из-за психологии секс у людей часто намного хуже, чем у животных. Но Адам и Ева прожили не так долго, чтобы их психика была окончательно испорчена. Таким образом, Бог, ментально подглядывая, наслаждается совокуплением Адама и Евы. Качественно Адам и Ева настолько опережали другие его творения, что и сравнивать не стоило. Когда Адам брал Еву на руки, Бог мысленно делал то же самое. И в этом вечном треугольнике нет никакого наставления рогов. Но когда Адам и Ева были изгнаны из Эдема, Бог решил ослабить силу своего присутствия. Он «оставался на связи», но получал только слабые сигналы. Это означало, что он перестал впадать в полный экстаз от их спаривания. С другой стороны, он не так сильно страдал из-за их горя и одиночества. Адам и Ева жили в центральной Африке и направлялись на юг. Сигналы, которые получал Бог, становились все слабее. Единственное, что он мог уловить — чувство грусти. И все же он мысленно видел Еву и понимал, что многое упускает. Но он отказывался

применять свою божественную силу в отношении их. Лучше бы он на время забыл о них… Он шел вдоль забора своего сада и размышлял об этом, когда почувствовал сквозняк. Холодный воздух внешнего мира вместо приятного теплого воздуха райского сада. Такого не должно было случиться, поэтому Бог отправился на разведку. И он нашел яму, вырытую под золотой, усыпанной драгоценными камнями оградой, которая окружала Эдем. Он был поражен, потому что яма была вырыта со стороны сада. Кто-то вышел из сада, и Бог этого совсем не понимал. Он понял бы, если кто-нибудь попытается войти. Но выйти! Несколько минут, или, может быть, тысячу лет спустя, поскольку Бог, погруженный в свои мысли, не осознает течения времени, но он ощущает, как изменились чувства Адама и Евы. Они радуются жизни, и горе от того, что их выгнали из Эдема, отошло на второй план. Тогда Бог вышел из Эдема и отправился в Африку, чтобы выяснить, что привело к таким изменениям. Он мог перенестись туда за наносекунду, но предпочел пойти пешком… Он нашел Адама и Еву в пещере, а две собаки и их щенки стояли на страже у входа. Собаки зарычали и залаяли на него, прежде чем узнали. Бог погладил их, заглянул в пещеру и

увидел Адама и Еву с их детьми, Каином, Авелем и парой маленьких девочек. Вы знаете, что именно эти сестры станут женами Каина и Авеля. Но это уже другая история… Бог был тронут. Если бы люди могли так сильно привязаться к собакам, а ведь те покинули ради людей райские кущи. Буквально выкопали себе путь, чтобы просто быть с людьми… Поэтому Бог вернулся в сад и велел ангелу с пылающим мечом выгнать других животных. «Непорядок получится», — заметил ангел. «Знаю, — согласился Бог. — Но если рядом с собаками не будет других животных, они умрут с голоду. У них нет ничего, кроме орехов, чтобы поесть»…

Пол и Мэвис оказались шокированы таким богохульством. Роджер и Гленда рассмеялись. В их смехе таился оттенок смущения из-за реакции их родителей.

Морна рассмеялась, но сказала:

— Вот с кем мне приходится жить! И когда он рассказывает вам об Осирисе и Боге, он рассказывает вам о себе!

На мгновение воцарилась тишина. Пол решил, что теперь у него есть шанс.

— Послушай, Лео, сегодня днем мне приснился сон.

— Рассказывай, — сказал Тинкроудор. Он выглядел усталым.

— Ты не спал сегодня днем, — заметил Мэвис. — Ты пробыл в постели не больше нескольких минут.

— Я знаю, спал я или нет. Сон, должно быть, был вызван тем, что произошло сегодня утром. Странный сон. Мне приснилось, что я охочусь на перепелов, как и сегодня утром. Я был на том же поле, и Райли только что «взял цель», как и сегодня утром. Но дальше…

Лео ничего не говорил, пока Пол не закончил рассказ. Потом он попросил Роджера снова наполнить его бокал. На мгновение он пошевелил большими пальцами, а затем сказал:

— Самое удивительное в твоем сне то, что он тебе приснился. Для тебя он слишком богат мелкими деталями…

Пол открыл рот, чтобы возразить, но Тинкроудор поднял руку, призывая к тишине.

— Морна часто пересказывала мне сны, о которых ты рассказывал Мэвис. Их не так много… Скорее всего, ты не помнишь многих, и те немногие, которые запали в память, кажутся тебе замечательными. Но это не так. Они очень бедны деталями. Видишь ли, чем больше человек зато-

чен под творчество, тем богаче и оригинальнее его мечты. Да, я знаю, что у тебя есть талант к инженерному искусству. Ты всегда возишься с изобретенными тобой гаджетами. На самом деле, ты мог бы разбогатеть на некоторых из них. Но ты всегда либо слишком долго откладывал подачу заявки на патент, и поэтому кто-то другой всегда опережал тебя, либо ты не смог создать модель своего гаджета… Кто-то всегда опережал тебя. Что очень важно. Ты должен разобраться, почему ты так глупо потерпел неудачу… Но ведь ты не веришь в психоанализ, не так ли?

— Какое это имеет отношение к моему сну? — удивился Пол.

— Все взаимосвязано, глубоко под землей, где корни переплелись, черви слепы, а гномы копаются в дерьме в поисках золота. Даже глупая болтовня Мэвис и Морны о размерах платьев, рецептах и сплетнях о своих друзьях имеет смысл. Послушаешь их немного, если сможешь, и увидишь, что они говорят не о том, о чем, кажется. За мирскими посланиями скрываются секретные послания, содержащиеся в коде, который можно расшифровать, если усердно работать над ним и обладать талантом его понимать. Возьмем, к примеру, эсэсовцев или загадочные майские

праздники….

— Мне это нравится! — фыркнула Мэвис.

— Заткнись! — осадила ее Морна.

— А как насчет сна? — вернулся к теме Пол.

— Психоаналитик чем-то похож на рабочего, укладывающего кирпичи, — больше рабочий, чем анализатор… Не знаю, что означает твой сон. Для расшифровки его тебе придется обратиться к психоаналитику. Но ты никогда этого не сделаешь, потому что, во-первых, это стоит больших денег, а во-вторых, ты думаешь, что люди подумают, что ты сумасшедший.

Хотя так оно и есть. Ты и страдаешь тем видом безумия, которое называется «нормальным состоянием». Что меня интересует, так это элементы твоего сна. Летающая тарелка, газообразная золотая кровь из раны, сфинкс и сверкающий зеленый город.

— Сфинкс? — спросил Пол. — Ты имеешь в виду большую статую у пирамид? Лев с женской головой?

— Так вот, это египетский сфинкс, и, между прочим, это он, а не она. Я говорю о древнегреческом сфинксе с телом льва и прекрасной женской грудью и лицом. Хотя тот зверь, кого вы описали, больше походил на леоцентавра. У него была

голова женщины, которая соединялась с телом льва, львицы, если быть точным, там, где должна быть шея животного.

— Я не видел ничего подобного!

— Ты не видел создание целиком. Но совершенно очевидно, что она была леоцентавром. И ты не дал ей шанса задать вопрос. Кто утром ходит на четырех ногах, днем на двух, а вечером на трех? Эдип ответил на вопрос, а затем убил создание. Ты хотел пристрелить ее прежде, чем она успеет открыть рот.

— И каков же был ответ Эдипа? — поинтересовалась Мэвис.

— Мужчина, — ответила Гленда. — Типичный антропоцентризм и мужской шовинизм.

— Но сейчас не древние времена. Уверен, что у нее был вопрос, относящийся к нашему времени. Но ты, должно быть, когда-то читал о леоцентаврах, может быть, в школе. Иначе откуда родился этот образ? А насчет зеленого города? Ты когда-нибудь читал книги о стране Оз?

— Нет, но мне пришлось сводить Гленду и Роджера в кино, когда они были маленькими. Мэвис заболела.

— В прошлом месяце он не позволил мне посмотреть этот фильм по телевизору, — пожало-

валась Гленда. — Он сказал, что Джуди Гарланд — животное.

— Она употребляла наркотики! — фыркнул Пол. — Кроме того, этот фильм — полная чушь!

— Как это похоже на тебя: приравнивать бедную страдающую душу к паразитам общества, — сказал Тинкроудор. — И, полагаешь, твой любимый сериал «Бонанза» — не фантастика? Или «Музыкальный человек», которого ты так любишь? Или большую часть того, что ты читаешь как евангельскую истину в нашей правой газетенке «Бусирис джорнал стар»?

— Ты не такой умный, как я считал, — вздохнул Пол Эйр. — Ты понятия не имеешь, что означает мой сон!

— Тебя ужалили, — предположил Тинкроудор. — Нет, если бы я был таким умным, я бы брал с тебя двадцать пять долларов в час. Однако мне интересно, было ли это сном? А ты на самом деле не видели всего этого в этом поле? Кстати, а где оно находится? Я бы хотел прогуляться и разобраться.

— Да ты сошел с ума! — воскликнул Пол.

— Думаю, нам лучше уйти, — сказала Морна. — У Пола такой ужасный желтый цвет лица.

В этот момент Пол Эйр возненавидел Тинкро-

удора, и все же он не хотел, чтобы тот уходил.

— Одну минуту. Тебе не кажется, что из этого получилась бы отличная история?

Тинкроудор снова сел.

— Может быть. Допустим, тарелка — не механическое транспортное средство, а живое существо. Оно, конечно, с какой-то планеты какой-то далекой звезды. Марсиане больше не являются de rigeur[4].

Допустим, человек-тарелка приземляется здесь, потому что собирается заселить эту планету. Желтое вещество было не его кровью, а его спорами или семенем. Когда он стал готов к икрометанию или кладке, он оказался в уязвимом положении, как мать — морская черепаха, когда откладывает яйца в песок пляжа. Он не так мобилен, как должен быть. Охотник натыкается на него в критический момент и стреляет. Рана вскрывает его матку или что-то еще, и он преждевременно выпускает споры. Затем, не в состоянии взлететь, он прячется. Охотник — храбрый человек, но ему не хватает воображения. Поэтому он идет в лес за человеком-блюдцем. Он все еще способен проецировать ложные образы самого себя;

---

[4] Примечания: 4

В данном случае «неизменным образчиком» (*франц.*).

его электромагнитное поле или что-то еще, что позволяет ему летать в космосе, стимулирует разные отделы мозга инопланетного двуногого, который охотится на него. Инопланетянин вызывает образы, которые глубоко отпечатываются в подсознании охотника. Охотнику кажется, что он видит сфинкса и сверкающий зеленый город. Кроме того, охотник вдохнул несколько спор. Именно этого желает человек-блюдце, поскольку репродуктивный цикл зависит от живых хозяев. Яйца развиваются в личинок, которые питаются хозяином. Или, возможно, они не паразиты, а симбиоты. Они дают хозяину что-то полезное в обмен на его временное жилье. Возможно, инкубационная стадия — долгая и сложная. И хозяин может передавать яйца или личинки другим хозяевам… Ты чихал желтым, Пол? Со временем личинки мутируют во что-то, может быть, в маленькие блюдца. Или другая промежуточная стадия, что-то ужасное и враждебное. Возможно, они принимают разные формы, в зависимости от химического состава хозяев. В любом случае у людей реакция не просто физическая. Это психосоматика. Но хозяин обречен, и он очень заразен. Любой, кто вступит с ним в контакт, будет наполнен личинками, станет гнилым. Нет

никаких шансов поместить хозяев в карантин. Не в наш век большой мобильности. Человечество изобрело локомотив, автомобиль, самолет исключительно для того, чтобы облегчить передачу смертоносных личинок. По крайней мере, такова точка зрения человека-блюдца…

— Глупости все это! — объявила Морна. — Давай-ка, Лео, пойдем. Чувствую, ты будешь храпеть как свинья, а я не смогу сомкнуть глаз… Он ужасно храпит, когда напивается. Я могла бы убить его…

— Подожди, пока время сделает свое дело, — посоветовал Тинкроудор, словно речь шла вовсе не о нем. — Я медленно убиваю себя с помощью виски. Это проклятие кельтской расы. Нас победила выпивка, а не англичане. С этой аллитерацией я желаю вам счастливого пути. Или «фон вояж». Я же наполовину немец.

— Хочешь сказать, что во всем виноваты твои тевтонские предки? — фыркнула Морна. — Твое высокомерие?..

Глава 5

ПОСЛЕ ТОГО, КАК Тинкроудоры ушли, Мэвис сказала: — Тебе пора спать, Пол. Ты действитель-

но выглядишь изможденным. А завтра нам рано вставать в церковь.

Он не ответил. Его внутренности ощущались так, словно их сдавил осьминог в предсмертной агонии. Он добрался до ванной как раз вовремя, едва не закричав от боли, когда его желудок буквально вывернуло наизнанку. Потом, когда все было кончено, он потерял сознание, когда увидел, что плавает в воде. Эта штука была маленькой, слишком маленькой, чтобы вызвать такие неприятности. Это был яйцевидный предмет длиной около дюйма, тускло-желтого цвета. Почему-то ему вспомнилась история с гусыней, которая несла золотые яйца.

Он начал дрожать всем телом. Прошло минут десять, а то и больше, прежде чем он смог спустить воду, умыться и выйти из ванной. У него было видение, как яйцо растворяется в трубах, обрабатывается на заводе по очистке воды, распространяет пыльцу по всему илу, транспортируется на фермы для удобрения, всасывается корнями кукурузы, пшеницы, соевых бобов, съедается, переносится в телах людей и животных…

В спальне Мэвис попыталась поцеловать его на ночь. Он отвернулся. Был ли он заразным? Неужели этот безумец случайно правильно истолковал

происходящее?

— Не хочешь поцеловать меня! — взвизгнула Мэйвис. — Ты никогда не захочешь поцеловать меня, не захочешь лечь со мной в постель. Постель — единственное место, где я получаю от тебя хоть какую-то нежность, если это можно назвать нежностью. По крайней мере, по твоим словам…

— Заткнись, Мэвис, — проворчал Пол Эйр. — Похоже, я болен. Я не хочу, чтобы ты что-нибудь подхватила.

Глава 6

РОДЖЕР ЭЙР ВСТАЛ и посмотрел на Лео Тинкроудора. Они стояли на краю кукурузного поля неподалеку от проселочной дороги.

— Это следы большой кошки, — пробормотал Роджер. — Очень большая кошка. Если бы я не знал лучше, то сказал бы, что они принадлежат льву или тигру, который умеет летать.

— Ты — зоолог, так что тебе видней, — вздохнул Тинкроудор. Он посмотрел на небо. — Будет дождь. Жаль, что у нас нет времени сделать гипсовые отливки. Как ты думаешь, если мы вернемся к вам и возьмем немного гипса?..

— Будет сильный ливень с грозой…

— Черт побери, я должен был хотя бы взять с собой фотоаппарат. Но я никогда не мечтал о таком. Это же объективное доказательство. Твой отец не сумасшедший, и этот его сон не сон вовсе… Думаю, он не говорит все, что знает.

— Вы же это не серьезно, — пробормотал Роджер.

Тинкроудор указал на отпечатки в грязи.

— Твой отец ехал на работу, когда внезапно остановил машину прямо напротив этого дома. Трое мужчин в машине, находившиеся в четверти мили позади него видели, как он это сделал. Они знали его, поскольку тоже работали в «Треклесс». Они остановились и спросили, не сломалась ли его машина. Твой отец пробормотал несколько неразборчивых слов, а затем впал в полное оцепенение. Ты думаешь, что это и эти следы — просто совпадение?..

Через десять минут они уже были в адлерском санатории. Когда они шли по коридору, Тинкроудор сказал:

— Я работал с доктором Крокером еще в университете в Шоми, так что я смогу вытянуть из него больше, чем скажет обычный врач. Он считает, что мои книги сплошная чушь, но мы оба состоим

в «нелегалах с Бейкер-стрит», и я ему нравлюсь, и мы играем в покер два раза в месяц. Позволь мне говорить самому. Ничего не говори об этом. Возможно, он захочет запереть и нас.

Мэвис, Морна и Гленда как раз выходили из кабинета доктора. Тинкроудор сказал им, что присоединится к ним через минуту, а пока он хотел бы поговорить с доктором. Он вошел и сказал:

— Привет, Джек. Как дела в бараке, гавкают собаки?

Крокер был шести футов и трех дюймов ростом, слишком красив, походил на Тарзана, который недавно съел слишком много бананов. Он пожал руку Тинкроудору и ответил с легким английским акцентом:

— Может, обойдемся без твоих дурацких шуток.

— Извини. Смех — это моя защита, — усмехнулся Тинкроудор. — Должно быть, состояние Пола и в самом деле вызывает беспокойство.

Дверь открылась, и вошла Морна.

— Ты сделал мне знак, чтобы я вернулась одна, Джек. Что случилось?

— Обещай мне, что ничего не скажешь его семье. И вообще никому, — начал доктор. Он указал

на микроскоп, под которым находилось предметное стекло. — Взгляните на это. Ты первая, Морна, поскольку ты лаборантка. Лео не поймет, что он видит.

Морна наклонилась, сделала необходимые настройки, посмотрела секунд десять, а потом воскликнула:

— Боже мой!

— В чем там дело? — спросил Лео.

Морна выпрямилась.

— Даже не знаю, как сказать.

— Я тоже, — поддакнул Крокер. — Я рылся в своих книгах, и все именно так, как я и подозревал. Ничего подобного не существует.

— Я как жираф, до меня пока не доходит, — фыркнул Лео. — Дай я посмотрю. Я не такой невежда, как ты думаешь.

Через несколько минут он выпрямился.

— Я не знаю, что это за клетки — оранжевые, красные, сиреневые, темно-синие и пурпурно-синие. Но я точно знаю, что не существует организмов, имеющих форму кирпича с закругленными концами и окрашенных в ярко-желтый цвет.

— Они не только у него в крови… Они есть и в других тканях, — продолжал Крокер. — Мой

техник нашел их во время обычного теста. Все органы, кажется, покрыты воскообразным веществом, которое не оставляет пятен. Я поместил несколько образцов в культуру кровяного агара, и они процветают, хотя и не размножаются. Я не спал всю ночь, проводя другие тесты. Пол Эйр — здоровый человек, если не считать проблем с головой... Я не знаю, что с этим делать, и, по правде говоря, мне страшно!.. Именно поэтому я и поместил его в изолятор, но не хочу никого тревожить. У меня нет никаких доказательств, что он представляет для кого-то опасность. Но он пропитан чем-то совершенно неизвестным. Это чертовски неприятная ситуация, потому что прецедента не существует.

Морна разрыдалась.

— И если он оправится от кататонии, вы ничего не сможете сделать, чтобы удержать его здесь.

— Ничего законного, — ответил Крокер.

Морна шмыгнула носом, вытерла слезы, высморкалась и сказала:

— А если эти данные исчезнут и это будет просто еще одна медицинская тайна?

— Это не выход, — вздохнул Тинкроудор. — Думаю, все только начинается.

— Это еще не все, — сказал Крокер. — У Эпплис,

сиделки, приставленной к нему, лицо в глубоких шрамах от прыщей. Было в шрамах, надо сказать. Она вошла к Полу в комнату, чтобы проверить, как он, а когда вышла, лицо у нее было гладкое и нежное, как у младенца.

Наступило долгое молчание.

— Вы действительно хотите сказать, что Пол Эйр сотворил чудо? — спросил Тинкроудор. — Но он без сознания! И…

— Я и сам был потрясен, но я ученый, — вздохнул Крокер. — Вскоре после того, как Эпплис, едва не впав в истерику, рассказала мне о случившемся, я заметил, что бородавка на моем пальце исчезла. Я помню, что она была у меня как раз перед тем, как я осмотрел Эйра…

— Да ладно тебе, — не поверила Морна.

— Знаю, как это звучит. Но это еще не все. Мне несколько раз приходилось отчитывать санитара-садиста обезьяноподобного вида по фамилии Бэкере за излишнюю грубость. И я подозревал его, хотя у меня не было доказательств, в откровенной жестокости в обращении с некоторыми из наиболее беспокойных пациентов. Я наблюдал за ним уже некоторое время и давно бы уволил его, если бы только нашел замену. Вскоре после ухода Эпплис от Эйра — она, еще не зная, что ее шрамы

исчезли, она вернулась в комнату. Она поймала Бэкерса втыкающим иглу в бедро Эйра. Позже он сказал, что подозревал Эйра в том, что тот притворяется, но ему нечего было делать в комнате, и никто не посылал его проверять, притворяется Эйр или нет. Эпплис начала было выговаривать мерзкому санитару, но не успела сказать больше двух слов. Бэкерс схватился за сердце и повалился на пол. Эпплис позвонила мне, а затем делала ему искусственное дыхание рот в рот, пока я не приехал. Я заставил его сердце работать с адреналином. Через полчаса он смог рассказать мне, что произошло… Теперь у Бэкерса нет проблем с сердцем, и ЭКГ, которую я ему сделал, показала, что его сердце в норме. Я…

— Послушай, ты хочешь сказать, что Пол Эйр может и лечить, и убивать? — сказал Тинкроудор. — С помощью мысленной проекции?

— Не знаю, как он это делает и почему. Я бы подумал, что приступ Бэкерса был просто совпадением, если бы не прыщи Эпплис и моя бородавка. Я сложил два и два и решил провести небольшой эксперимент. Я чувствовал себя глупо, делая это, но ученый бросается туда, куда глупцы боятся ступить. А может быть, все наоборот.

Как бы то ни было, я запустил в комнату Эйра

несколько своих лабораторных комаров. И вот, шестеро, сидевшие на нем в ожидании бесплатной трапезы, упали замертво. Просто издохли.

Последовало еще одно долгое молчание.

— Но если он может лечить людей… — наконец произнесла Морна.

— Только не он, — сказал Крокер. — Я думаю, что эти таинственные желтые микроорганизмы в его тканях каким-то образом ответственны за это. Я знаю, это кажется фантастикой, но …

— Но если он может лечить… — протянула Морна. — Как чудесно!

— Да, — согласился Лео, — но если он может также убивать, а я говорю если, поскольку он должен подвергнуться дальнейшему испытанию, прежде чем такая сила будет допущена, если, я говорю, он может убить любого, кто угрожает ему, тогда…

— Ну и что? — спросил Крокер.

— Представь себе, что будет, если его отпустят. Такого человека нельзя выпускать на волю. Как подумаю, как часто я его злил! Это было бы хуже, чем выпустить голодного тигра на центральную улицу.

— Вот именно, — сказал Крокер. — И пока он в кататонии, его нельзя выписать. А пока он

должен находиться в строгом карантине. В конце концов, у него может быть смертельная болезнь. И если вы расскажете это кому-нибудь еще, включая его семью, я буду все отрицать. Эпплис ничего не скажет, и другие мои сотрудники тоже. Я должен был держать его, чтобы контролировать, но он будет молчать. Вы меня понимаете?

— Как я понимаю, он может провести здесь всю оставшуюся жизнь, — вздохнул Тинкроудор. — Ради блага человечества.

Часть 2. Прикосновение звезд
Глава 1

ЖЕЛЕЗНАЯ ДВЕРЬ С окошком-моноклем распахнулась внутрь. В нее впихнули маленькую клетку и натянули цепь, соединенную с ней. Дверь клетки поднялась. Оттуда выскочил большой серо-коричневый самец крысы. Большая дверь быстро и бесшумно закрылась.

Комната без окон десять на восемь на двенадцать футов. Голые белые оштукатуренные стены. Телевизионная камера возвышалась на кронштейне на стыке стены и потолка, направленная на угол со скудной мебелью: кроватью, стулом и металлическим шкафом. На узкой кровати застыл мужчина. Закрыв глаза, он лежал на спине, вытянув руки вдоль тела. В нем было пять футов шесть дюймов роста, широкие плечи, узкая талия и стройная фигура. В пятьдесят четыре года у него были каштановые волосы, не тронутые сединой, высокий лоб, густые каштановые брови, усы военного типа и подбородок, похожий на шар, глубоко вдавленный посередине. Одетый лишь в больничный халат, он был прикован за

правую руку и левую ногу к металлическому каркасу кровати.

Крыса пробежала по комнате, обнюхивая основание стены, затем вцепилась когтями в простыню у левой ноги мужчины. Она понюхала кандалы вокруг лодыжки и начал грызть густую кремовую массу, размазанную по кандалам.

Сыр, смешанный с крабовым мясом, быстро исчез. Крыса несколько раз коснулась носом ноги человека, словно ища еще пищи. Человек не пошевелил ногой, его веки оставались закрытыми.

Крыса пробежала по ноге человека и остановилась у него на животе. Человек все еще не двигался. Тогда крыса медленно поползла вперед, подергивая носом. Она прыгнула вперед, увидев на лице мужчины кусок сыра, поверх которого лежал крошечный кусочек сырого мяса.

Крыса так и не добралась до лица. Она упала, скатилась с тела мужчины и упала ему на шею. Человек за дверью побледнел и выругался. Он поманил рукой фигуру, стоявшую в дальнем конце коридора. Медсестра, одетая с головы до ног в белый комбинезон, перчатки и капюшон со стеклянной маской на лице, поспешила к нему.

— Хватайте крысу! — приказал он.

Медсестра бросила на него странный взгляд и

вошла внутрь. Руками в перчатках она подняла дохлую крысу, положила ее в клетку и вышла из комнаты. Мужчина запер дверь и спрятал ключ в карман своего белого лабораторного халата.

— Отнесите крысу в лабораторию.

Он заглянул в комнату. Человек в постели не шевельнулся. Но очевидно, что что-то в этом человеке почувствовало опасность и приняло соответствующие меры. Но ведь это было невозможно.

Глава 2

ИСПУГАННЫЙ ЛЕО КВИКВЕГ Тинкроудор вышел из леса. Он обошел почти каждый фут территории. Тут росли колючие заросли, сквозь которые могли пробраться только кролики, и он исцарапал себе лицо и руки, пытаясь в них залезть. Его ботинки промокли, потому что он перешел вброд ручей, разделявший лес пополам, и грязь покрывала его куртку и брюки. Он поскользнулся, когда потянулся за веткой, чтобы подтянуться на крутой берег, и упал.

Того желтого вещества, о котором сообщил Пол Эйр, Тинкроудор не нашел. Но отпечаток в грязи, который он обнаружил, заставил его побледнеть

и выбежать из тени деревьев. Даже недавние проливные дожди не смогли стереть этот отпечаток. И на первый взгляд выглядел он достаточно безобидно. Это было всего лишь углубление от какого-то полусферического предмета, на свободном от травы место.

Пол Эйр рассказывал, что видел это во сне, но Тинкроудор был убежден, что он сообщал о реальном происшествии. В итоге Тинкроудор поехал на ферму, где его друг охотился, и услышал рассказ фермера о том, как Райли, пойнтер Эйра, взбежал на крыльцо дома и прятался под планером. Фермер не замечал собаку, пока не вернулся домой к обеду, тогда его жена рассказала ему, что видела, как собака в панике бежала через поле к дому. Она подумала, что с Полом Эйром что-то случилось, но потом увидела, что тот стоит на опушке леса. Казалось, с ним все в порядке, поэтому она предположила, что собака просто потеряла самообладание, а Пол Эйр все объяснит, когда вернется с охоты на перепелов. Потом Пол Эйр ушел в лес и не выходил оттуда несколько часов. Когда он снова появился, то попытался вытащить собаку из-под планера. Пес прыгнул на Эйра и сильно укусил его за руку, которую Эйр выставил, защищая лицо. Эйр перебросил

собаку через перила крыльца, а затем, когда она снова бросилась на него, пристрелил из своего дробовика.

Когда Эйр рассказал Тинкроудору о собаке, он заявил, что не знает, почему она напала на него. После Пол Эйр вернулся домой, немного поспал, по крайней мере так он сказал, и ему приснился странный сон об утренней охоте. Во сне Райли спугнул двух перепелов, а Пол Эйр выстрелил в ведущую птицу. Выстрелив, он понял, что это не перепел, а летающая тарелка около двух футов в диаметре. Тварь попала под пули из ружья Эйра и спряталась в лес. Пол Эйр пошел за ним, но на опушке леса наткнулся на желтый туман. Часть тумана свернулась в капли, похожие на золотистую ртуть.

Затем, во сне, он увидел, как блюдце упало с дерева на землю. Он проследил за ним, увидел, как задняя часть львицы исчезла в кустах, а через несколько мгновений появились голова и плечи обнаженной женщины. И это была самая красивая женщина, которую он когда-либо видел.

В следующий понедельник утром, по дороге на работу, Пол Эйр внезапно свернул на обочину. Коллеги по работе, сидевшие в машине позади него, провели расследование и обнаружи-

ли, что него полное психическое расстройство. Мэвис, его жена, отправила его в ближайший частный санаторий. Состояние Пола Эйра было диагностировано как кататония, возникшая по неизвестным причинам.

Тинкроудор и сын Эйра, Роджер, обыскали кукурузное поле вдоль дороги, где Эйр остановил машину. Они нашли несколько отпечатков лап, которые, по словам Роджера, студента-зоолога, принадлежали большой кошке, льву или тигру. У большой кошки, должно быть, были крылья, потому что ее отпечатки внезапно появились между рядами примерно в двадцати ярдах внутри поля и так же внезапно исчезли примерно в двадцати футах в глубине поля.

Затем Тинкроудор отправился в санаторий, где его друг и партнер по покеру, доктор Джек Крокер, показал ему и Морне Тинкроудор несколько образцов крови Эйра.

Четыре дня спустя Тинкроудор решил проверить лес, где охотился Эйр. Теперь он знал, что Пол Эйр сообщал под видом сна о реальности.

Тинкроудор был писателем-фантастом, и как таковой он должен был быть доволен. Раненая летающая тарелка, золотистая дымка, вытекающая из раны, прекрасный сфинкс и странные

микроорганизмы в форме желтых кирпичиков в тканях человека, который охотился на тарелку и сфинкса. Из такого материала и создавались научно-фантастические сны.

Но Тинкроудор не выглядел довольным. Он выглядел испуганным.

Глава 3

ПОЛЬ ЭЙР ГРЕЗИЛ о сверкающем зеленом городе в дальнем конце огромного поля красных цветов. Но вот он открыл глаза. До тех пор он чувствовал себя счастливым. Он сел, потрясенный. Он вспомнил, как увидел лицо женщины среди стеблей кукурузы, как мелькнуло огромное смуглое тело и как его нога сама по себе надавила на педаль тормоза. Машина затормозила на мягкой обочине дороги. Он поставил машину на ручник и уставился на незнакомку. Та улыбнулась и помахала ему белой рукой. Ее зубы были нечеловеческими — острые и широко расставленные, как у кошки, они были ровными. Пола Эйра начало трясти, а потом он потерял сознание…

И вот он оказался в странной и пустой комнате.

Он начал вставать с кровати и вдруг заметил,

что его рука и нога прикованы к кровати.

— Эй, что здесь происходит? — заорал он. — Что происходит?

В ушах у него застучало, а сердце подпрыгнуло. Он снова лег и уставился на единственный источник яркого света — лампочку в потолке, защищенную толстым проволочным колпаком. Затем он увидел телекамеру, похожую на одноглазую горгулью, сидящую на корточках на металлическом выступе. Через несколько минут дверь открылась. Вошла женщина, закутанная в белую ткань и в маске, как у аквалангистов. В руке, затянутой в перчатку, она держала шприц для подкожных инъекций.

На мгновение за приоткрывшейся дверью в коридоре промелькнуло широкое и тяжелое мужское лицо с густыми черными бровями, сломанным носом и толстыми губами.

— Как поживаете, господин Эйр? — раздался приглушенный голос из-за стеклянной пластины. Женщина стояла в ногах кровати, как будто ждала разрешения подойти.

— Где я нахожусь? Что происходит?

— Вы находитесь в санатории Адлера. Вы были в кататоническом состоянии в течение четырех дней. Я миссис Эпплис, и я здесь, чтобы помочь

вам выздороветь. Я бы хотел сделать вам укол. Это просто для того, чтобы успокоить вас. Укол не причинит вам вреда.

Она говорила так странно, не так, как обычно говорит медсестра. И тут Пол Эйр понял: она боится его. Если он скажет «нет», она не станет настаивать.

Он почувствовал слабость, в животе заурчало. Он был голоден и слаб. Во рту у него пересохло, как у страуса.

— Не хочу никакого укола, — объявил он. — Забудьте об этом. Почему я прикован к этой кровати? Почему вы в костюме химической защиты? Я чем-то болен?

Женщина бросила косой взгляд на телекамеру, как будто ожидала получить от нее какое-то указание.

— Слишком много вопросов сразу, — начала она и нервно рассмеялась. — Вы прикованы, чтобы себе не навредить. Мы не знаем, есть ли у вас болезнь или нет, но ваша картина крови странная. Пока мы не узнаем, что за организмы у вас в крови, мы должны держать вас в карантине.

— Моя левая рука и правая нога не прикованы, — заметил он. — Так что же удержит меня от того, чтобы использовать их, чтобы навредить

себе, если это действительно то, о чем вы беспокоитесь? И о каких организмах вы говорите?

— Они неизвестны науке, — пояснила Эпплис, проигнорировав его первое замечание.

— А что, если мне придется облегчиться?

— На полке в тумбочке судно и туалетная бумага, — ответила она. — Вы можете дотянуться до них.

— И как мне вызвать вас, чтобы вы убрали судно?

— Мы узнаем, если вам что-нибудь понадобится, — заверила она, взглянув на телекамеру.

— Вы хотите сказать, что кто-то будет следить за мной?

Она отшатнулась и повторила:

— Мы не хотим, чтобы вы поранились.

— Вы не имеете права держать меня здесь! — воскликнул он. — Я хочу выйти отсюда! Сейчас же!

— Я принесу вам поесть, — сказала она и ушла.

Ярость Пола Эйра изменялась по спектру от красного к синему. Когда Эпплис ушла, он испугался и растерялся. Если бы он проснулся в смирительной рубашке и медсестра сказала бы ему, что он сошел с ума, он бы это понял. Но все в его ситуации было неправильно. Его держали в

плену, и ему лгали. Он не сомневался, что оказался здесь из-за того, что произошло в лесу. Когда это случилось? Пять дней назад. И женщина, миссис Эпплис. Почему она боялась его? И все же он должен был лежать здесь в… Как она сказала? Ката… что-то? Как в коме? Что он мог сделать, чтобы так напугать ее? Или она говорила правду о том, что в его крови были какие-то странные микробы?

Всю свою жизнь он не мог просто сидеть спокойно и думать, если только не придумывал какое-нибудь механическое устройство. А потом ему понадобились бы бумага и карандаш, чтобы записать свои идеи. Обычно он читал только газеты и журналы, посвященные охоте, автомобилям или моторным лодкам, или научно-популярные книги, связанные с его работой. Он мог просидеть час или около того, глядя в телевизор или разговаривая с друзьями, но потом начинал волноваться, и ему приходилось вставать и уходить.

Или, возможно, не столько делать, подумал он, сколько двигаться. Он должен был продолжать двигаться. Почему?

Впервые в жизни он задал себе этот вопрос. В первый раз он задал себе вопрос о себе. И почему?

Не нужно было иметь семь пядей во лбу, чтобы понять, что его чувства — Тинкроудор сказал бы, что он слишком чувствителен, — обострились. И не требовалось много фантазии, чтобы связать происходящее с инцидентом в лесу. Это могло означать, что организмы в его крови были ответственны за все происходящее. А это означало, что они — полезны. Неужели так оно и было? Полу Эйру не очень-то нравилось, что его проницательность улучшилась. Он был похож на человека, который всю свою жизнь строил неприступный замок только для того, чтобы узнать, что он сам разрушает его стены.

Эта аналогия заставила Пола Эйра почувствовать себя еще более неловко. Он не привык мыслить немеханическими категориями. Он всегда находил убежище в логике. Если организмы вызвали в нем изменения, о которых он знал, они также вызвали изменения, о которых он ничего не знал. В противном случае, почему он был изолирован и почему медсестра так боялась его?

Размышляя над этим, он заснул. Когда он проснулся, то был уверен, что его накачали наркотиками. На его левой руке было много следов от уколов. Но тогда он был так встревожен, что не заметил их. Однако некоторые из них, должно

быть, появились в результате внутривенного кормления. Пока он спал, его кормили жидкой диетой.

Что заставило его так внезапно вырубиться? Он огляделся и вскоре нашел то, что искал. В тени, отбрасываемой телевизором, виднелось отверстие маленькой трубы. В палату был введен газ, чтобы он потерял сознание, и медсестра вошла после того, как газ рассеялся, сделала ему укол и установила аппарат внутривенного вливания.

Газа было достаточно, чтобы удержать его от побега. Они, должно быть, действительно боялись его, если думали, что он также должен быть прикован к кровати.

Его чувства не ограничивались страхом и яростью. Такие меры предосторожности заставляли его почувствовать собственную важность. Первый раз в жизни Пол Эйр в глубине души почувствовал, что он имеет какое-то значение для кого-то.

Он сел и попробовал крепость своих оков. Он был слаб, но даже если бы у него была вся его сила, он не смог бы разорвать стальные звенья. И даже если бы он мог, те, кто наблюдал за ним через телекамеру, выпустили бы газ.

Пол Эйр снова лег и задумался о своем положе-

нии. Это было похоже на жизнь; ты не мог что-то изменить, только умереть.

Глава 4

ДОКТОР ДЖЕК КРОКЕР и Лео Тинкроудор сидели в кабинете Крокера, яростно споря.

— Мэвис говорит, что, если ты не позволишь ей увидеться с Полом, она заберет его отсюда, — сообщил Тинкроудор.

— Она сильно расстроится, если увидит его, — вздохнул Крокер. — Не думаю, что с ее стороны было бы разумно приближаться к нему. И ты знаешь почему. Может, ты уговоришь ее оставить его на моем попечении?

— Я не могу рассказать ей, почему так важно, чтобы он был изолирован, — вздохнул Тинкроудор. — Но, если ей ничего не скажут, она не увидит причин, чтобы не перевезти его в другое место. Кроме того, какие у вас есть веские доказательства того, что он опасен? Нет, совсем нет.

Крокер мог придумать доказательства. Теперь он жалел, что вообще что-то рассказал Тинкроудору.

— Что еще случилось? — заметив сомнения доктора, поинтересовался Тинкроудор.

— Что вы имеете в виду? — удивился Крокер. Он закурил сигарету, чтобы дать себе время подумать.

— Вы сказали мне, что лицо вашей лаборантки было сильно изуродовано подростковыми прыщами. Но после того, как она взяла кровь у Пола Эйра, ее лицо чудесным образом прояснилось. И вы сказали, что у Бэкерса, медбрата, случился сердечный приступ, когда он оказался в палате с Полом. И вы решили, что все дело в его жестокости, и вы подозреваете, что он пытался что-то сделать с Полом, когда произошел сердечный приступ. Любому, у кого есть воображение, очевидно, что вы верите, что эти инопланетные организмы изменили Пола, наделили его странными способностями. И очевидно, что вы боитесь, что эти организмы могут быть заразными.

Крокер закусил губу. Если бы он сказал Тинкроудору, что организмы исчезли или, по крайней мере, больше не были обнаружены, тогда он потерял бы еще одну причину для сохранения Эйра. Но он не был уверен, что все они были выведены. Возможно, некоторые из них засели в тканях, недоступных до самой смерти Эйра. Например, в его мозгу.

— Мы собрали около двух миллионов желтых

существ в его моче и фекалиях, — начал доктор. — Кипячение их в горячей воде не убивает их и не лишает кислорода. Единственный способ быстро уничтожить их — сжечь. И для этого требуется минимальная температура 1500 градусов по Фаренгейту. Требуется несколько часов, чтобы самые сильные кислоты проели покрытие.

— Одно это должно заставить вас решить, что они внеземного происхождения, — подытожил Тинкроудор.

Он тут же пожалел, что сказал это. Он не рассказал доктору Крокеру об отпечатке лапы на кукурузном поле и о следах блюдца в лесу. Если бы Крокер действительно решил, что эти штуки из желтого кирпича были из космоса, то он был бы непреклонен в том, чтобы не выпускать Пола Эйра.

И Тинкроудор не мог его за это винить. Свободный Пол Эйр мог стать бедствием, возможно, даже причиной гибели человечества. Но пока Пол Эйр был человеком с определенными неотъемлемыми правами. Неважно, что большинство его соотечественников-американцев заявляли, что верят в то же самое, но вели себя так, как будто это не так. А вот Тинкроудор верил.

И все же он не хотел умирать вместе со все-

ми, если Пол Эйр действительно представлял опасность.

Тем не менее были моменты в часы собачьей вахты и звенящие минуты полудня, когда он задавался вопросом, а ведь было бы хорошо, если бы человечество оказалось уничтожено. Для их же блага, конечно. Люди много страдали, некоторые больше, чем другие, но все они страдали. Смерть положит конец их боли. Это также предотвратило бы рождение большего количества детей, основным наследием которых была боль. У Тинкроудора была одержимость детьми. Он верил, что они рождаются добрыми, хотя у них есть потенциал для зла. Общество неизменно настаивало на том, что дети должны расти хорошими, но лучшие всегда становились удобрением для зла.

Крокер, как и большинство врачей, считал, что живет в лучшем из всех возможных миров, чего и следовало ожидать. Их мир давал врачам большое уважение, престиж и богатство. Для них было естественно злиться на что-то или кого-то, что могло изменить ситуацию. Тем не менее, за исключением очень бедных, преступников и полицейских, люди видели больше зла, чем кто-либо другой. Но они боролись против всего, что могло смягчить зло, точно так же, как боролись

против медицинской страховки, пока внезапно не увидели, что из этого можно сделать что-то хорошее.

Крокер, однако, не был типичным представителем своей профессии. У него было немного воображения. В противном случае он не мог бы быть членом нерегулярного движения на Бейкер-стрит, общества, которое исходило из того, что Шерлок Холмс был живым человеком.

Именно воображение заставило Крокера соединить вещи, которые его более тупые коллеги сочли бы совершенно несопоставимыми. Этот же дар делал его опасным для Пола Эйра.

Тинкроудор знал, что Крокер знает, и что Крокер, как и он сам, разрывается, как кусок жевательной резинки, между совестью и долгом.

Или, возможно, подумал Тинкроудор, каждый из них был пузырем, раздуваемым ситуацией. И если они не начнут действовать в ближайшее время, они лопнут… «Моя беда, — размышлял Тинкроудор, — в том, что я на самом деле не интересуюсь Полом Эйром как отдельным человеческим существом. Мне даже не нравится Эйр. Лучше бы он умер, и его семья тоже. Но если подумать, то и я тоже не подарок. Так почему же я вмешиваюсь? Особенно когда логика говорит,

что судьба одного несчастного человека-ничто по сравнению с судьбой всего человечества… Во-первых, если с Полом Эйром покончат, дело может быть закрыто навсегда. То, что это может навсегда прервать любые контакты с инопланетянами, тревожило его. Кроме того, как и большинство писателей-фантастов, он втайне надеялся на огромные катаклизмы, начало конца света, на любые события, которые сметут большую часть человечества. Среди выживших, конечно, будет и он сам. И эта маленькая группа, усвоив уроки истории, превратит землю в рай.

Находясь в благодушном настроении, он, как писатель-фантаст, смеялся над этой фантазией. Уцелевшие поступили бы ничуть не лучше, чем их предшественники…

Крокер, выдержав значительную паузу, поинтересовался:

— Как насчет выпить, Лео?

— Алкоголь притупляет сознание и выставляет на показ бессознательное, — заметил Лео Тинкроудор. — Да, я выпью. Рюмку или несколько.

Крокер достал початую бутылку из «Особого запаса Уэллера», и они молча выпили — каждый думал о своем.

Тинкроудор попросил налить еще на три паль-

ца и сказал:

— Если вы убьете Пола Эйра, вам, возможно, придется убить и меня. Не говоря уже о Морне. У вас не хватит мужества сделать это.

— Я мог бы убить Пола Эйра, а потом себя, — весело ответил Крокер.

Тинкроудор рассмеялся, но был застигнут врасплох.

— Вы слишком любопытны для того, чтобы сделать это, — сказал он. — Вы бы хотел знать, что это за желтые штуки и откуда они взялись.

— Лучше расскажите мне все, что знаете, — попросил Крокер. — Я думал, эти организмы — мутанты, хотя на самом деле я в это не верю.

— Вы менее скрытны и более проницательны, чем я думал, — заметил Тинкроудор. — Я расскажу вам все…

Крокер слушал, не перебивая, разве что попросил более подробно описать некоторые события. Затем он сказал:

— Позвольте мне рассказать вам о крысе, которую я выпустил в комнату Пола Эйра.

Когда Крокер закончил свой рассказ, Тинкроудор налил себе еще. Крокер неодобрительно посмотрел на него, но ничего не сказал. Однажды он показал писателю мозг и печень бродяги из

притона. Тогда Тинкроудор бросил пить на три месяца. Когда он начал пить снова, то пил так, как будто пытался наверстать упущенное.

Тинкроудор сел и подвел итог:

— Даже если Пол не несет в себе заразной болезни, он представляет угрозу. Он может убить все, что сочтет опасным. Или, может быть, тех, на кого он рассердится. А он часто злится, — Тинкроудор осушил половину своего бокала и продолжал: — Так что это должно сделать ваш курс действий… и мой… очевидным. Мы не можем выпустить его.

— И что вы будете делать? — поинтересовался Крокер.

— Боже мой, вот два умных и сострадательных человека обсуждают убийство! — вздохнул Тинкроудор.

— Я не это имел в виду, — покачал головой Крокер. — Я думал держать его взаперти, как будто он кто-то вроде Человека в Железной Маске. Но я не знаю, возможно ли это. Во-первых, нужно было бы устроить фальшивую смерть, но это привело бы к почти непреодолимым осложнениям. Пола Эйра нужно объявить погибшим в огне, чтобы тело было неузнаваемо. Мне пришлось бы предоставить тело, чтобы провести похороны в закрытом гробу. Я не смогу держать его здесь,

потому что кто-нибудь из персонала может проболтаться. Мне придется перевезти его в другое место и платить за его содержание. И в первый раз, когда он разозлится или подумает, что ему угрожают, он убьет. И это вызовет проблемы, где бы его ни содержали.

— И, если все это выплывет наружу, вы отправитесь в тюрьму. И я стану соучастником. И, по правде говоря, у меня не хватает смелости стать вашим сообщником.

— Ваше единственное соучастие — молчание. К тому же я никогда никому не скажу о том, что вы знаете об этом.

— Зачем вы вообще мне что-то рассказали? — поинтересовался Тинкроудор. — Потому что вы хотели, чтобы кто-то разделил вину?

— Возможно, я счел, что, если кто-то еще узнает о происходящем, я не смогу осуществить свой план, — заметил Крокер.

— И вы могли бы отпустить Пола Эйра с чистой совестью? Если у вас будут связаны руки…

— Возможно… Нет, это исключено. Я не могу отпустить его.

Он наклонился к Тинкроудору и сказал:

— Если бы его семья была осведомлена обо всех фактах, они могли бы просто согласиться

оставить его здесь. Возможно, это не навсегда, потому что он может утратить способность убивать мыслью или тем способом, каким он это делает. В конце концов, организмы же исчезли. Возможно, и сила тоже…

— Вы не знаете его семью. Может быть, его сын и дочь согласятся, потому что они достаточно образованны и обладают достаточным воображением, чтобы экстраполировать ситуацию. Но Мэвис? Никогда! Она решит, что мы сошли с ума от всех этих разговоров о летающих тарелках, желтых телах и убийствах с помощью мысли. История разойдется в мгновение ока. Она непременно расскажет об этом своим братьям, которые тоже обладают богатым воображением. Не то чтобы они сильно беспокоились о Поле Эйре. Он им не нравится. Но они захотят помочь своей сестре. Она для них — ребенок… В общем получится бардак!

— Да, — вздохнул Крокер. — Как вы вообще познакомились с Эйрами? Они определенно не из тех, с кем можно дружить.

— Морна и Мэвис были школьными подругами. Мэвис стояла рядом с Морной, когда другие ее друзья насмехались над ней из-за какой-то лживой истории, которую рассказывал о ней

отвергнутый ей мальчик. С тех пор они стали хорошими друзьями. Несмотря на разницу в образовании и взглядах — Морна, как вы знаете, либералка, а Мэвис — пламенная реакционерка, — они прекрасно ладят. У меня самого был небольшой роман с Мэвис, в те дни, когда я был молод и прекрасное женское тело значило для меня больше, чем прекрасный женский разум.

— Никогда не пойму, как вы выдерживали этот визгливый голос, — сказал Крокер. — А что, если Мэвис расскажут историю, которая не совсем соответствует фактам?

— Не знаю, как вы могли бы это сделать и при этом не быть разоблаченными.

Крокер вскочил со стула, пролив виски на штаны.

— Что ж, надо что-то делать, и как можно скорее!

В дверь постучали, и Крокер спросил, кто там.

— Это госпожа Эпплис. Могу я войти?

Крокер открыл дверь. Эпплис вошла и, глядя мимо него, сказала:

— Я хотела поговорить с вами наедине, доктор.

Крокер вышел в коридор и закрыл за собой дверь. Тинкроудор посмотрел на пятую рюмку и решил больше не пить. Через минуту вошел

Крокер. Он выглядел бледным.

— Пол Эйр мертв!

Тинкроудор открыл было рот, но Крокер поднял руку.

— Я знаю, о чем вы думаете, но это неправда, да поможет мне Бог. Эйр умер от естественных причин. По крайней мере, я не имел к этому никакого отношения.

Глава 5

ПОЛ ЭЙР ПРОСНУЛСЯ голым на чем-то холодном и твердом. Скальпель висел над ним, а у лица, нависшего над ним человека нижняя половина лица была скрыта марлевой маской. А еще выше горела лампа, дававшая жесткий яркий свет.

Глаза мужчины расширились, скальпель отдернулся, и он закричал:

— Нет! Нет!

Пол Эйр скатился на пол. Хотя его ноги и руки ослабели, он пополз к закрытой двери. Что-то твердое ударилось о мраморный пол. Металлический звук сменился секундой позже ударом тяжелого тела о пол.

В нескольких футах от двери Пол Эйр рухнул. Некоторое время он лежал, тяжело дыша, каким-

то образом зная, что непосредственная опасность миновала. Но там, за дверью, неподалеку, были и другие опасности. Опасные создания ходили взад и вперед по коридорам, поглощенные своими делами. По крайней мере двое тоже думали о нем.

Их мысли не были ни вербальными, ни знаковыми. Они ворвались в дверь, как тонкие ручейки из двух далеких океанов. Они плескались вокруг него.

Когда он сел, он уловил еще один элемент в слабом шепоте. Он определял пол мыслителей.

Пол Эйр протянул руку, ухватился за край каменного стола и подтянулся. Встав, он обошел стол, опираясь на него, а затем опустился на колени, чтобы осмотреть человека на полу. Его глаза были открыты, они остекленели, кожа посинела, и у него не было пульса. Что-то, вероятно, сердечный приступ поразил его как раз в тот момент, когда он собирался убить Пола Эйра. Но почему он хотел убить Эйра и препарировать его?

Пол Эйр оглядел комнату и не нашел ничего, во что можно было бы одеться. Одежда этого человека не подошла бы ему, но, если бы пришлось, он бы ее надел. Он не мог оставаться голым. Ему нужно было добраться до телефона и позвонить в полицию, но, если он выйдет в коридор, его сразу

же заметят. И в этом заговоре против него участвовали и другие. Этот человек не был одинок в своих действиях.

Пол Эйр был сбит с толку и ослабел от недостатка данных, а также от голода. И то, что он был голым, заставляло его чувствовать себя виноватым, как будто он действительно совершил какое-то преступление, которое оправдывало попытку мертвеца убить его. Сначала Пол Эйр раздобудет какую-нибудь одежду, а потом выйдет.

Пол Эйр медленно подошел к двери и открыл ее. Коридор был пуст, если не считать очень старого человека, шаркающего к нему. На нем были тапочки, брюки, рубашка и старый потертый халат. Он был примерно одного роста с Эйром. С сильно бьющимся сердцем Пол Эйр подождал, пока старик окажется напротив него. Он протянул руку, схватил мужчину за рукав и втащил внутрь. Ему не нравилось принуждать незнакомца, но в то же время он злился на него. Перед мысленным взором промелькнул образ его отца, постаревшего не по годам, с открытым ртом, пускающим слюни. Он ненавидел стариков, потому что они предвосхищали его собственную судьбу.

Ненависть была хороша лишь в одном смысле.

Это дало ему силы сделать то, что необходимо. К счастью, старик оказался парализован страхом и не сопротивлялся. Если бы он это сделал, то, возможно, причинил бы Эйру значительные неприятности, Пол Эйр был так слаб.

Старик пронзительно закричал, прежде чем Пол Эйр успел зажать рукой беззубый рот. Дверь с грохотом захлопнулась. Старик закатил глаза и обмяк. Эйр опустил его на пол и начал раздевать. По крайней мере, старик не вонял из-за отсутствия ванны. Но Пол Эйр не мог заставить себя надеть обоссанные шорты. Очевидно, старик плохо контролировал свой мочевой пузырь.

Когда Эйр закончил одеваться, он посмотрел на старика, который все еще был без сознания, но дышал. И что этот парень будет делать, когда проснется? Он разбудит всех, и начнется охота. А когда Эйр все-таки доберется до полиции, что тогда? Разве старик не сможет обвинить Эйра в нападении и краже его одежды? Но, конечно, полиция поймет необходимость этого.

У него не было времени обдумывать последствия того, что он делал. Он должен был выбраться, сбежать отсюда.

В итоге Пол Эйр положил скальпель в карман халата и вышел в коридор. Проходя по коридору,

он понял, что на нем нет очков. Когда он проснулся в той комнате, у него очков не было. И все же он все прекрасно видел.

Это на мгновение испугало Пола Эйра, но прежде, чем он добрался до конца коридора, он почувствовал себя много увереннее. Что бы ни происходило, это не было злокачественным.

На углу он подумал о том, чтобы остановиться и разведать обстановку. Но было бы лучше вести себя так, как будто он знает что здесь и как, поэтому он переместился вправо. Вскоре он очутился в другом зале и сразу понял, что ему следовало бы пойти налево. Перед ним был стол, за которым сидела медсестра, а за ней еще один зал. Там был человек, которого Пол Эйр сразу узнал. Его профиль был похож на профиль человека-обезьяны, которого Эйр видел в последний раз, когда миссис Эпплис вошла в комнату, где его держали.

Пол Эйр подавил желание развернуться и убежать в противоположном направлении. Быстрое движение может привлечь внимание. А так санитар прошел мимо, и Пол Эйр остановился, пошарил в карманах, словно внезапно обнаружил, что что-то забыл в своей комнате, а затем повернул назад. Медсестра подняла глаза и увидела его.

— Я могу вам чем-то помочь? — резко спросила она.

— Нет, — отмахнулся Пол Эйр. — Я забыл сигареты в палате.

Но тут медсестра встала и заявила:

— Кажется, я вас не знаю. Вы уверены, что находитесь на своем этаже?

— Меня госпитализировали вчера вечером, — объяснил Пол Эйр, не останавливаясь. В конце коридора две двери выходили на балкон. Через их окна он мог видеть ярко освещенный двор. Он был на первом этаже.

— Минутку! — сказала женщина. — Я не вижу никаких новых имен в списке!

— Посмотрите внимательнее! — крикнул Пол Эйр в ответ, а затем попробовал ручки дверей. Они были заперты, а он был достаточно слаб, чтобы открыть их силой. Тогда он пошел по коридору налево, игнорируя требования медсестры вернуться. Как только он скрылся из виду, он сбросил тапочки и побежал так быстро, как только мог, к двери в конце коридора. Та тоже была заперта, и заперта на засов. Он повернулся, толкнул дверь ближайшей к нему палаты и вошел. Кровать была пуста. Дверь в ванную была закрыта, и внутри кто-то спускал воду в туалете. На комоде у окна

стояли баночки, тюбики и коробочки с мазями и порошками.

Окна можно было распахнуть внутрь, но решетки не позволяли выходить наружу ничему, кроме воздуха или сообщений.

Пол Эйр приложил ухо к двери ванной. Несмотря на шум воды, плескавшейся в раковине, он слышал голоса в коридоре. Один из них принадлежал госпоже Эпплис.

— Если его увидишь, ради бога, не подходи к нему!

— Почему? — спросила дежурная медсестра.

— Потому что он…

Голоса затихли, когда его преследователи свернули по коридору налево.

Пол Эйр открыл дверь и выглянул наружу. Госпожа Эпплис и еще одна медсестра уходили по коридору. Посреди другого коридора обезьяноподобный санитар открывал дверь в палату. Осмотрев ее, он закрыл дверь. Он шел по коридору и скоро откроет дверь, за которой спрятался Эйр.

Вода больше не плескалась. Женщина должна была выйти через минуту. Пол Эйр вновь высунулся в коридор, пытаясь прикинуть, сколько времени потребуется медсестре, чтобы открыть следующую дверь, и вышел в коридор. Еще одна

дверь в конце коридора была открыта, и в палату заглянула медсестра. Пол Эйр завернул за угол и скрылся из виду; две медсестры исчезли. А потом Пол Эйр громко выругался, когда миссис Эпплис вышла из комнаты через четыре двери от него. Он остановился, и она закричала.

Прежде чем он успел добраться до нее, она нырнула обратно в комнату и захлопнула дверь. Позади он услышал крики и шлепанье ботинок по полу.

Эйр снова побежал. Раздался еще один крик. Он оглянулся через плечо и увидел человека-обезьяну, застывшего на углу. Очевидно, тот не собирался преследовать его дальше.

Впереди открылась дверь, и оттуда выглянул худой молодой человек с взъерошенными волосами и дикими глазами, но, увидев Пола Эйра, он закрыл дверь. Беглец открыл ее и вошел, молодой человек — обитатель этой палаты, съежился у кровати. Эйр не верил, что он испугался, потому что знал что-то о нем. Молодой человек испугался бы любого незнакомца.

Эйр ничего не ответил. Он подошел к шкафу, открыл его и достал тапки и куртку. В ящике комода он нашел бумажник и выудил десятидолларовую купюру, пятерку, четверку и немного мелочи.

— Верну деньги позже, — пообещал он.

Молодой человек задрожал, и его зубы застучали.

Пол Эйр вышел из комнаты как раз в тот момент, когда госпожа Эпплис и обезьяноподобный санитар вышли из-за угла. Они остановились, уставились на него и побежали.

Они, без сомнения, боялись его, но, должно быть, отправились за помощью. Однако, если все были так напуганы, никто не собирался его останавливать. Если только они не станут стрелять в него издалека.

Через две минуты Пол Эйр вышел из санатория Адлера. Только охранник, шестидесятилетний мужчина, стоял между Эйром и свободой. Но охранник отступил в сторону, когда Эйр приблизился к нему, потому что госпожа Эпплис закричала на него от главного входа.

— Не стреляй! Пропусти его! Полиция позаботится о нем!

Это поразило Пола Эйра. Зачем им понадобилось вызывать полицию? Он был тем, кого держали в плену и кого они, или, по крайней мере, некоторые из них, пытались убить. Или у них была какая-то веская причина задержать его? Неужели он — от этой мысли ему стало хо-

лодно — заразился какой-то ужасной болезнью? Неужели он заразился этой желтой дрянью?

Если так, то почему ему ничего не сказали? Он бы сотрудничал с медиками…

На стоянке было около тридцати машин. У некоторых из них были незапертые двери, но ни у одной не было ключей в замках зажигания. Пол Эйр не хотел тратить время на то, чтобы заводить машину, закоротив провода, поэтому пошел по дороге. Как только он скрылся из виду санатория, он повернул направо, в лес. Река Иллинойс лежала в полутора милях отсюда, а в полумиле вверх по ее берегу находилось убежище.

Глава 6

КОТТЕДЖ ПРИНАДЛЕЖАЛ ДРУГУ, который както пригласил семью Пола Эйра в субботу днем покататься на лодках и водных лыжах, а вечером плотно поужинать. Они собирались ночевать в двух дополнительных комнатах, вставать к завтраку около десяти, идти в ближайшую церковь и проводить вторую половину дня на реке. Пол Эйр оплачивал эти выходные, ремонтируя лодочные моторы Гарднера или помогая ему красить лодки.

Сезон закончился, и дом был заперт. Пол Эйр знал, что там хранились консервы и одеяла. Он мог спрятаться там, пока не выяснит, что с ним происходит.

Коттедж находился примерно в двадцати ярдах от реки и был отделен от соседних домов густым лесом. Пол Эйр притаился в густых кустах за большим деревом, пока не взошла луна.

Примерно через два часа после того, как он спрятался, фары машины осветили узкую грунтовую дорогу, ведущую к коттеджу. Дрожа, Пол Эйр залег на холодную землю в небольшой ложбинке за кустом. Когда огни миновали его, он поднял голову. На залитой лунным светом площадке перед домом стояли две машины. Люди в форме окружной полиции расхаживали по дому с фонариками. Вскоре двое вошли в дом, и свет их фонариков пронзил темноту внутри. Через десять минут они вышли. Один из них сказал:

— Нет никаких признаков того, что он был здесь.

— Да, но он может прийти сюда позже.

Один с минуту говорил по радио, потом позвал остальных.

— Шериф велел часок понаблюдать за развилкой.

Машины уехали. Пол Эйр остался на месте. Через полчаса патрульная машина с выключенными фарами въехала на открытую площадку перед домом. Двое мужчин тихо вылезли из машины, проверили замки и посветили фонариками в окна. Через несколько минут они сели в машину и уехали.

Пол Эйр подождал до трех часов утра, прежде чем войти в дом. Запасной ключ был спрятан в пне рядом с поленницей. Кто бы ни рассказал полиции об этом коттедже — Пол подозревал, что Мэвис, — он забыл о ключе. Лунный свет, проникавший в окна, и то что Пол Эйр уже бывал в этом доме, позволило ему найти бутылку дистиллированной воды, коробку сухого молока и банки с фруктами и мясом. Вода и газ были отключены, так что он не мог ничего приготовить, и ему пришлось выйти на улицу, чтобы облегчиться.

В три тридцать он забрался на незастеленный матрас под груду одеял. Он сразу же заснул, но ему снились летающие тарелки, желтые кирпичи и зеленый город на красном поле. Он чувствовал сильную тоску по городу, непреодолимую тоску по дому. Он проснулся со слезами на глазах.

Глава 7

ЧЕРЕЗ ПОЛЧАСА ПОСЛЕ рассвета, прихватив два одеяла, банку, которую он наполнил водой, две открытые жестянки с едой и мешок с мусором, Пол Эйр вернулся в свое укрытие. Он заснул. Через два часа его разбудил шум из дома. Перед домом была припаркована машина с двумя полицейскими округа. Он был рад, что убрал ключ в пень, потому что в пень заглядывал офицер. Кто-то вспомнил, что там спрятан ключ. Неужели это Мэвис предала его? Или кто-то из детей? Гарднер, должно быть, отдал ключ полиции, но кто-то из семьи Эйров рассказал полиции о коттедже. Иначе они не узнали бы о Гарднере.

Из дома вышел офицер и окликнул другого.

— Все так, как мы оставили.

К счастью, они не сосчитали одеяла.

Мгновение спустя звук мотора возвестил о появлении другой машины. Пол Эйр на слух определил, что это «порше», и поэтому он не слишком удивился, когда подъехал Лео Тинкроудор. Что он здесь делает?

Тинкроудор вышел и поговорил с офицерами, но они говорили слишком тихо, чтобы Эйр мог

расслышать, о чем идет речь. Несколько раз Тинкроудор смотрел на лес, а один раз уставился прямо на Пола Эйра, но, конечно, не мог его видеть. Эйр надеялся, что он не собирается предлагать полиции прочесать лес.

Полицейский сел в машину, и Тинкроудор направился к своей. Проходя мимо пня, он уронил что-то в его открытый конец.

Пол Эйр подождал полчаса и подошел к пню. Ключ все еще болтался на толстом шнуре от гвоздя, вбитом во внутреннюю стену. Под ним лежал старый и потрепанный бумажник. Он открыл его и обнаружил в нем сложенное письмо.

Пол,

я рискую, надеясь, что ты можешь прийти сюда и найти письмо. Полиция не знает, что я это делаю, но, если они найдут мое послание, они ничего не смогут с этим поделать. Я только пытаюсь заставить тебя сдаться. Но, пожалуйста, не порви письмо. Читай дальше, потому что это жизненно важно. И когда я пишу «жизненно важно», я не преувеличиваю. Жизненно важно не только для тебя, но, возможно, и для всего мира, чтобы ты стал доступен для изучения. Тебя должны исследовать ученые.

Мы с Роджером нашли доказательства то-

го, что ты лгал, когда говорил, что видел сон. Мы знаем: то, что ты выдавал за сон, было реальностью, но ты боялся, что тебя сочтут сумасшедшим, если ты станешь утверждать, что все это происходило с тобой на самом деле. И Крокер, бедный мертвый Крокер, нашел доказательства того, что ты был заражен неизвестным организмом.

Очевидно, что эти микроорганизмы произвели изменения в твоем теле. И в твоем сознании. У госпожи Эпплис было сильно изуродованное шрамами лицо от подростковых прыщей. Шрамы исчезли после того, как она помогла уложить тебя в постель в санатории. У медбрата случился сердечный приступ, когда он грубо обошелся с тобой. Он был жестоким, и его не уволняли только потому, что в Адлере трудно найти работников, что неудивительно, учитывая его очень низкую зарплату.

Очевидно, что у тебя есть силы, которых никогда не было ни у кого другого. Разве что в научно-фантастических рассказах. Или, возможно, у некоторых людей в прошлом они были. Иисус, Фауст и так далее… Возможно, такими силами обладали некоторые так называемые колдуны примитивных народов.

Я бы не советовал тебе и дальше бродить по Иллинойсу. Ты можешь причинять боль, убивать и... исцелять. Я имею в виду, что ты делаешь это бессознательно. По крайней мере, пока. Но когда ты, или твое подсознание, или что-то еще, чувствует угрозу, твоей организм активно реагирует. Каким образом это происходит, я не знаю. Я бы предположил, что основа этому какой-то ментальный механизм.

У тебя есть силы творить добро и зло. Ты ударил Крокера, я полагаю, в момент паники. И все же Крокер не пытался тебя убить. Он думал, что ты мертв. Тебя держали в заточении, и твое бессознательное «я», или что-то еще использовало единственный способ вытащить тебя из этой комнаты. По крайней мере, я предполагаю, что ты сделал это не сознательно. Твое тело стало, насколько мог судить Крокер, мертво. Но ты вышел из состояния фальшивой смерти, когда тебя собирались препарировать. И Крокер поплатился за то, что пытался сохранить твое состояние в тайне.

Хорошо, что я брезглив и не присутствовал при вскрытии. Я вернулся домой, и меня пощадили. У старика, одежду которого ты забрал, похоже, случился легкий сердечный приступ. Очевидно,

ты или кто там сидит в тебе, решил, что старик не представляет серьезную угрозу. Во всяком случае, он умер через несколько часов. Его старое сердце не выдержало той незначительной травмы, которую ты ему нанес…

Я прошу тебя сдаться, Пол. Ты должен добровольно позволить запереть себя, по крайней мере, на некоторое время. Тебя не станут обвинять в убийстве или непредумышленном убийстве, потому что ты не мог предотвратить эти смерти. Но если ты будешь упорно прятаться, убегать, ты убьешь еще больше людей, и, в конце концов, тебя убьют.

На данный момент существует очень мало доказательств того, что твоя история правдива. Крокер спрятал слайды — фото твоей крови и свои отчеты о тебе. Мы не можем их найти. Ещё нет. Но госпожа Эпплис и ее санитар видели эксперимент с крысой. Ты был в бессознательном состоянии, Пол, но ты убил крысу, которая была выпущена в твою комнату и пыталась укусить тебя. Она не могла укусить по-настоящему, потому что у нее были удалены зубы. Ты убил ее, не пошевелив ни единым мускулом.

Если ты сдашься, ученые могут проверить тебя, и им придется поверить в то, что они видят.

Они не захотят, но им придется. И тогда им придется поверить, что на Землю приземлился какой-то инопланетянин, механический или биологический. Это открытие они должны будут держать при себе, пока будут вестись тихие поиски. Если новость выплывет наружу, начнется ужасная паника.

Я не стану лгать тебе, Пол. Если мир узнает, что ты — возможный источник инфекции, ты окажешься в серьезной опасности. Но именно поэтому тебя нужно держать в месте, которое тщательно охраняется. Пока ты будешь разгуливать на свободе, новости могут просочиться наружу, и все люди восстанут против тебя.

Почему я рискую тем, что полиция может найти это письмо и таким образом вызвать ту самую ситуацию, которую я описал? Потому что ситуация требует, чтобы я воспользовался этим шансом. Ты сейчас самый важный человек в мире, Пол. Самый главный.

Ты должен сдаться и позволить событиям идти своим чередом.

Ты знаешь мой номер телефона. Позвони мне, и я договорюсь о встрече, и тебе выдадут охранную грамоту.

Лео

Глава 8

ПОЛ ЭЙР СИДЕЛ в машине своей дочери Гленды на стоянке Центральной средней школы Бусириса. Ему потребовалось три часа, чтобы успокоить свое сердце и привести мысли в порядок. К концу этого времени он наполовину убедил себя, что действительно представляет опасность, о которой говорил Тинкроудор. Но он все еще не собирался сдаваться, по крайней мере пока. У него было убогое воображение, но письмо ясно говорило, что с ним может случиться. Возможно, его до конца жизни продержат в больничной палате. Его мог убить какой-нибудь фанатик, который хотел избавить мир от угрозы, которую представлял собой Пол Эйр. Всех охранников и мер предосторожности, которые можно было себе представить, было бы недостаточно, чтобы обезопасить его.

И все же он хотел исполнить свой долг. Долг требовал, чтобы он пожертвовал собой ради мира. Он мог бы стать ходячей бомбой, в тысячу раз более смертоносной, чем дюжина водородных бомб.

На самом деле он не чувствовал, что это так.

Он чувствовал себя одиноким, беспомощным и очень испуганным. Он чувствовал себя прокаженным. И ему было очень жаль самого себя. Почему из всех людей именно с ним это случилось? Что он сделал, чтобы заслужить это? Он был не злым человеком. У него были свои недостатки, хотя в данный момент он не мог придумать ни одного, но они были недостаточно велики, чтобы его выделили для особого наказания. Все, что он хотел, — это продолжать работать, заниматься своим собственным маленьким бизнесом, время от времени наслаждаясь пивом, ходить на рыбалку и охоту, когда-нибудь уйти на пенсию и провести оставшиеся годы в походах, рыбалке и охоте. И поработать над каким-нибудь приспособлением, которое сделает его богатым и знаменитым.

Это было все, чего он хотел.

«Теперь, — подумал он, — я знаю, что чувствуют олени и кролики, когда я охочусь за ними». Не то чтобы он жалел, что застрелил их. Они были дикими животными, предоставленными Богом для его удовольствия и блага. В нем не было той фальшивой сентиментальности, которая позволяла некоторым ужасаться смерти кротких и безобидных оленей, в то время как они ничего

не думали о забое кротких и безобидных коров и овец для своих столов. Он не видел, чтобы они ограничивались орехами, морковью и яблоками.

Тем не менее, пробираясь через лес, а потом через город к этой стоянке, он испытал тот же ужас, что, должно быть, испытал олень.

Бусирис, город с населением 150 000 человек, протянулся на шесть миль вдоль западного побережья Иллинойса. Он также поглотил три утеса на расстоянии пяти миль от реки. Чтобы сюда добраться, Пол Эйр прошел через лес, мимо ферм и нескольких промышленных предприятий на северном берегу, поднялся на утес, поросший лесом, и прошел через окраинные районы. Ему пришлось пересечь несколько главных дорог, и чем ближе он подходил к школе, тем больше у него было шансов оказаться узнанным. Но он сбрил усы и теперь не носил очков.

С помощью отвертки Эйр открыл переднее левое окно машины Гленды. Потянувшись другой рукой, он открыл замок на внутренней стороне двери. Мгновение спустя он нырнул в машину и завел мотор. Если его заметит патрульная машина, он, по крайней мере, попытается уехать на «Импале» дочери…

Наступило три тридцать. Большое здание из-

вергало студентов. Более двух третей машин покинули стоянку, когда появилась Гленда. У нее было красивое лицо с тонкими чертами и длинные черные волосы. И все же выглядела она жалко. Она была бы ростом пять футов восемь дюймов, если бы ее спина напоминала восклицательный знак, а не вопросительным. Ее ноги казались тонкими, как задняя сторона пачки сигарет. Одна нога была на несколько дюймов короче другой. А походка девушки напоминала движения полураздавленой змеи.

Гленда казалась живым упреком своему отцу, хотя он только недавно осознал это. Он был разочарован, когда она родилась, потому что хотел еще одного сына. Девочки были бесполезны; они требовали особого ухода, становились предметом беспокойства, когда достигали половой зрелости, и, помимо помощи своим матерям, когда становились старше, не могли оплатить свое проживание в его доме. Пол Эйр, однако, решил, что его дочь будет как можно больше похожа на мальчика. Он научил ее чинить автомобили и подвесные моторы, делать плотницкие и электрические работы, охотиться и ловить рыбу. По крайней мере, когда она выйдет замуж, она не будет такой занудой, как Мэвис. А ведь Мэвис и

не хотела ничего знать, чтобы помочь ему в его бизнесе. И когда она неохотно сопровождала его в прогулках на свежем воздухе, она жаловалась на стряпню, скуку и неудобства.

Когда Гленде исполнилось десять, она поехала с ним и Роджером на рыбалку в Висконсин. Гленда чувствовала себя нехорошо в течение нескольких дней и возражала против поездки. Мэвис тоже возражала. Пол бушевал, пока они не утихли. Добравшись до маленького озера, Гленда почувствовала себя слишком плохо, чтобы покинуть палатку. Эйр проигнорировал все, кроме ее самых элементарных требований, и на самом деле был зол, потому что думал, что она притворяется. На второй день у Гленды поднялась высокая температура, и она лишь время от времени приходила в сознание. Наконец осознав всю серьезность ситуации, он усадил ее в машину и всю ночь ехал обратно в Бусирис.

Гленда чуть не умерла от паралича. И теперь она навсегда останется калекой.

Она никогда ничего не говорила отцу о том, что он заставил ее отправиться в то путешествие. Однако Мэвис с лихвой компенсировала молчание Гленды. Сколько раз, когда они ссорились, Мэвис бросала ему обвинение в том, что он изуродовал

собственную дочь.

Теперь, глядя, как Гленда ковыляет, согнувшись, через стоянку, Пол почувствовал тошноту. И он понял, почему одно ее присутствие так злило его, почему он так мечтал о том дне, когда она уедет в колледж. В глубине души он знал, что именно его эгоизм и глупость погубили ее. И тем не менее он отказывался признавать это.

Он также впервые понял, что Мэвис тоже виновата. Почему она не сопротивлялась? Как бы он ни разглагольствовал, она должна была отказаться позволить ему взять в такую поездку больного ребенка.

Оба они были виновны. Оба отказались признать свою вину. Единственная разница заключалась в том, что Мэвис все еще слепа, а у него открылись ему глаза.

И он знал, почему это случилось. Странные организмы в его теле изменили его.

Глава 9

ГЛЕНДА, УВИДЕВ ОТЦА на водительском сиденье, остановилась. Ее бледное лицо стало еще белее. Затем она обошла машину и села рядом с ним. По ее щекам текли слезы.

— Что ты здесь делаешь, папа?

Он воздержался от того, чтобы сказать ей, что она стала его вторым выбором. Колледж Бусирис был слишком далеко и слишком хорошо охранялся, чтобы он мог попытаться увидеть Роджера.

Он рассказал ей все, что произошло, и описал письмо Тинкроудора, Гленда выглядела ошеломленной.

— …Я не хотел звонить Лео, потому что полиция могла прослушивать его телефон, — закончил он. — Я хочу, чтобы ты добралась до его дома и устроила так, чтобы он был в телефонной будке рядом с публичной библиотекой в центре города. Я позвоню ему из другой будки.

— Я просто не могу поверить во все это! — пробормотала Гленда. — Это слишком фантастично!

— Я не сумасшедший, и Лео это тебе скажет, — сказал он. — В мире и так достаточно проблем, больше, чем человечество может справиться. Но теперь, в последние несколько дней, у него появились две новые проблемы. И то, и другое делает все прошлые проблемы простыми. Одна из проблем — существо из блюдца. Другая — это я. Я могу сдаться и дать миру шанс решить дилемму, которую я собой представляю. Но что помешает этой твари из блюдца заразить других

людей? Никто ничего не сможет с этим поделать. Кроме меня.

— Что ты имеешь в виду? — спросила она, наклонилась и положила руку ему на плечо. Он отодвинул ее руку, чувствуя, что она может заразиться.

— Во мне есть что-то от блюдца. Оно изменило меня, все еще меняет меня. Я сам отчасти похож на блюдце. В противном случае, почему у меня были грезы о зеленом городе и тоска по нему? Ты видишь перед собой человека, который все еще твой отец, но и не твой отец вовсе. Получеловек. Или, может быть, раньше я был только наполовину человеком, и это делает меня более человечным. Не знаю. В любом случае, чтобы поймать вора, нужен вор, и я единственный, кто может поймать эту тварь с блюдца. Это потому, что я наполовину создание блюдца, а само блюдце преследует меня. Почему так, я не знаю. Я так многого не знаю. Но я убежден, что только я смогу заманить ее в ловушку. Вот почему я не собираюсь сдаваться. Но мне нужна помощь, чтобы не попасть в руки полиции. Вот почему я хочу поговорить с Тинкроудором. Может быть, он мне поможет.

— Папа, — пробормотала Гленда сдавленным

голосом. — Мне плохо!

Она повалилась на него, и даже сквозь рубашку Пол Эйр почувствовал жар ее лица. Он оттолкнул дочь, чтобы та села так прямо, как только сможет. Ее голова свесилась вперед, рот был приоткрыт; и дышала она так, словно в горле застряла ржавая ветряная мельница.

— Я не сержусь на тебя, Гленда! — воскликнул Пол Эйр. — Боже мой, я люблю тебя!

Глава 10

ОДНАЖДЫ ОН БРОСИЛ ее, когда она заболела. Тогда не было никакого оправдания тому, что он сделал. Теперь, если он бросит ее, у него будет оправдание. Он не мог позволить, чтобы его поймали. И логика, конечно, подсказывала ему оставить ее. Он мог позвонить в больницу, а потом уехать. О Гленде позаботятся, и он будет в безопасности.

Он размышлял секунд шестьдесят или около того, а затем выехал со стоянки и направился к ближайшей больнице. Гленде, вероятно, нужно было как можно скорее попасть туда, и он не станет нести ответственности даже за секундную задержку.

Он ехал так быстро, как только мог, миновав три знака «стоп» и два красных светофора. Через четыре минуты его машина остановилась у аварийного входа. Забежав внутрь он сообщил о дочери медсестре на стойке регистрации, а потом направился к телефону-автомату в конце коридора. Он набрал свой домашний номер, но повесил трубку после того, как телефон прозвонил двадцать раз. Затем он набрал номер Тинкроудора. Ответила Морна.

Он велел ей заткнуться и слушать, пока он объяснит ситуацию.

— Сообщи Мэвис и Роджеру, что Гленда в больнице, и позаботься обо всем, — попросил он. — И скажи Лео, что я свяжусь с ним. Пока!

Он пошел по коридору прочь от отделения неотложной помощи. Он услышал, как медсестра окликнула его, но не оглянулся. Через минуту он вышел через главный выход, проскользнув мимо полицейского, стоявшего на страже. Он поднялся по склону холма, направившись вдоль корпуса больницы, свернул на боковую улицу, ведущую к Главной улице, и сел на автобус. В двух кварталах от своего дома он сошел на углу Шеридан и Лакс. Он позвонил в больницу и попросил Мэвис Эйр, мать девочки, которую только что привезли. Он

подождал две минуты, прежде чем Мэвис ответила, затем повесил трубку и пошел к своему дому, надеясь, что Роджера там не будет.

Он не видел никого, кто знал бы его, пока не добрался до своего дома. На другой стороне улицы находился трехэтажный дом престарелых, заполненный стариками, которые часто видели, как он приходил и уходил, и наблюдали за ним, когда он работал над машинами и лодками на подъездной дорожке. Сейчас их было восемь — в основном пожилые дамы. Они загорали на боковом крыльце, когда он шел по подъездной дорожке к задней части своего дома. Они с любопытством посмотрели на него, но никто не помахал. Очевидно, его странная одежда, отсутствие очков и усов ввели их в заблуждение.

Под умывальником на подставке у задней двери лежал ключ. Через пятнадцать минут Пол Эйр вышел из дома. Он был одет в свою собственную одежду, и в кармане у него был бумажник с пятьюдесятью долларами, а под плащом — дробовик с тридцатью патронами. Он сел в машину Роджера. Мотор был еще теплым. Очевидно, Роджер вернулся домой как раз вовремя, чтобы отвезти мать в больницу на ее машине.

У Пола Эйра не было определенного места, куда

он мог бы отправиться. Он решил выехать из города, оставить машину и отправиться пешком к одному из коттеджей на берегу реки, пустующих всю осень и зиму. Там он подождет, пока его оставят в покое.

Не имело значения, где он спрячется. Рано или поздно эта штуковина в форме блюдца или сфинкса появится. И тогда он уничтожит его. Или тварь уничтожит его.

Дойдя до конца улицы, он увидел, как патрульная машина пересекла ее, блокируя его машину. Он ударил по тормозам, с визгом шин выехал на подъездную дорожку и помчался прочь. Зеркало заднего вида показало ему, что полицейская машина сдала назад, чтобы развернуться.

Когда он снова посмотрел, то увидел еще одну чернобелую машину с мигающими красными огнями, выруливающую из-за угла впереди него.

Он поставил тормоз в нейтральное положение, открыл дверцу и вывалился из машины, пока та еще двигалась, и заскочил в дом престарелых — в это святилище пожилых людей, на «кладбище слонов». Старушки на крыльце закричали. Одна из них встала у него на пути. В нем вспыхнула ярость. Женщина упала. Крики мужских голосов оборвались, когда он прошел через дверь в огром-

ную столовую, он услышал выстрел. Серьезное предупреждение.

Он пересек большую комнату, нырнул в меньшую, прошел через нее, через кухню и вышел во двор. Он перепрыгнул через забор с ловкостью, о которой и не подозревал. Но он забыл о свирепой собаке, которую держали охотники. Хотя пес был прикован цепью, у него было достаточно поводка, чтобы добраться до него. Пес прыгнул было на него, упал на землю и замер, высунув язык и уставившись на мир остекленевшими, глазами.

Он остановился и повернулся к большому дому, подняв руки вверх. Если он продолжит бежать, то убьет полмира, а он не мог вынести этой мысли. Сейчас он сдастся, и, если полиция застрелит его, потому что боится оставить в живых, тем лучше. Это решило бы многие проблемы.

Полиция, конечно, не стреляла. Им не сказали, насколько он опасен, и они не знали, что он оставил после себя трех мертвых старух. Даже если бы они знали, то подумали бы, что волнение было слишком сильным для старых сердец.

Потому что те немногие власти, которые знали правду, позволили полиции и общественности оставаться в неведении, он не был привлечен к суду по какому-либо обвинению, но был объяв-

лен психом и признан невменяемым.

Пол Эйр не стал спорить с этим решением. Он также не рассказал своим сторожам об инциденте, произошедшем через три ночи после того, как его заперли, когда он проснулся и выглянул в окно. В небе была четка очерчена форма блюдца. Оно зависло за окном на несколько секунд, а затем вспыхнуло и исчезло из виду. Пол Эйр чувствовал, что оно… она… наблюдает за ним, потому что он был ее единственным живым отпрыском. Или что-то внутри него было.

Глава 11

ПРОШЛО ШЕСТЬ МЕСЯЦЕВ, а он так и не увидел ни одного человека во плоти. Время от времени он просыпался, зная, что его усыпил газ и у него взяли образцы тканей. Однажды он проснулся, а на столе рядом с ним лежал рентгеновский снимок. Телевизор ожил, и изображение доктора Полара объяснило ему, что означает рентген. Это был его мозг, и нарисованная на нем стрелка указывала на крошечное пятнышко в мозжечке, «заднем мозге». Это было что-то, что было обнаружено радиоактивным отслеживанием. Возможно, это опухоль, но доктор Полар так не думал. Форма

новообразования была слишком похожа на форму кирпича. Доктор Полар признался, что хотел бы провести операцию по его извлечению. Но он боялся, что хирург упадет замертво прежде, чем нож успеет сделать первый надрез.

— По-видимому, ваше второе «я» не возражает против того, чтобы мы брали образцы тканей или проводили другие эксперименты, — сказал Полар. — Они не угрожают ни тебе, ни ему… я бы так сказал.

Пол Эйр спросил о природе этого новообразования, но ему ответили, что у Полара и его коллег не было никаких теорий на этот счет. Затем Эйр спросил, планирует ли Полар убить его, чтобы препарировать. Полар не ответил.

Пол Эйр также несколько раз спрашивал о Гленде. Каждый раз ему говорили, что она жива и чувствует себя хорошо. Это было все, что он мог или хотел услышать.

В первый день седьмого месяца, когда Пол Эйр ходил взад и вперед, дверь в его комнату открылась. Гленда вошла, и дверь быстро закрылась и ее заперли.

Эйр был так ошеломлен, что ему пришлось сесть в кресло. Гленда стояла перед ним высокая и прямая, ее груди больше не были просто

маленькими бутонами, а ноги стали ровными и стройными. Она улыбнулась отцу, а потом разрыдалась и бросилась к нему. Он тоже плакал, хотя в свое время счел бы это недостойным мужчины.

— Я чуть не умерла, — сказала она, когда покинула его объятия. — Мои кости стали мягкими. Врачи сказали, что ничего подобного раньше они не наблюдали. Они сказали, что кальций был полурастворен. Кости сначала стали как резина, а потом как твердое желе. Врачи держали меня в чем-то вроде ванны; я плавала в воде, пока они ставили вокруг меня скобки и формы, чтобы выпрямить меня. Через несколько недель кости снова начали твердеть. Потребовалось два месяца, чтобы они стали совершенно твердыми, и это было так долго, так очень долго и так страшно! Но посмотри на меня сейчас!

Пол Эйр был счастлив. Но когда Гленда сказала, что его не освободят, он рассердился.

— А почему бы и нет? Я могу делать великое добро, больше добра, чем кто-либо когда-либо делал раньше!

— Папа, они не могут тебя отпустить. Каждый раз, когда ты злишься на кого-то, ты убиваешь его. Кроме того…

— Ну, в чем дело? — нетерпеливо спросил он.

Он надеялся, что не рассердится на нее. Может быть, ему следует сказать ей, чтобы она убиралась сейчас же.

— Мы все здесь в тюрьме! — сказала она и заплакала.

Хотя не было причин спрашивать почему, он спросил. Власти, кем бы они ни были, заперли в этом месте не только его семью, но и двух Тинкроудоров, миссис Эпплис и всех стариков из дома престарелых. С ними хорошо обращались и давали все, что они хотели, кроме свободы.

— А как же наши друзья и родственники?

— Им сказали, что мы все лечимся от редкой заразной болезни. Я не знаю, как долго люди будут в это верить, но я думаю, что на них оказывается какое-то косвенное давление. Они не должны ничего говорить об этом никому другому. Мы получаем письма, и мы можем писать письма. Но они подвергнуты цензуре. Нам пришлось переписать некоторые из них.

Пол Эйр был в ярости два дня и в ужасе три. На шестой день доктор Полар появился на экране телевизора. Он подождал, пока Эйр перестанет его оскорблять, и сказал:

— Все не так плохо, как вам кажется, Пол. Возможно, для всех нас найдется выход. Я хочу, чтобы

ты сейчас же подошел к двери. Окно просмотра будет открыто на минуту. Я хочу, чтобы ты просто просмотрел. Это все…

Поскольку причин отказываться не было, Пол Эйр так и сделал. Он увидел только младенца, примерно годовалого, лежащего на кровати. У ребенка было изможденное лицо, очень тонкие руки и ноги, и он явно умирал. Эйр почувствовал к нему жалость.

Потом кто-то закрыл окно, и он больше не мог его видеть.

Через три дня дверь открылась, и вошла Гленда. Они обнялись, и Гленда сказала:

— Ребенок, которого ты видел, полностью выздоровел, папа. У него была лейкемия, и он умер бы примерно через неделю. Врачи этого не признают, но признают, что наступила полная ремиссия.

— Рад этому, — вздохнул Пол. — Но что это значит для меня? А для тебя? — поспешно добавил он. — Для остальных?

Гленда бросила на него непроницаемый взгляд и сказала:

— Если ты согласишься сотрудничать, папа, нас освободят. Мы не можем сказать, когда выберемся отсюда, но если ты допустишь ошибку, то мы

попадем в беду. Но если не ошибешься, мы будем свободны. Если…

Было очевидно, что ей стыдно, и все же она отчаянно желала, чтобы он сказал: «Да». Он не мог винить ее за это. Ее освободили от искривленного тела только для того, чтобы лишить обещанной новой жизни.

— А что говорят другие?

— Мама сойдет с ума, буквально сойдет с ума, папа, если не сможет выбраться. Роджер говорит, что решение за тобой. Морна Тинкроудор говорит, что сделает все возможное, чтобы вытащить тебя, но это просто болтовня, и она это знает. Лео Тинкроудор говорит, что ты не должен сдаваться этим ублюдкам. Но он-то счастлив. Он получает все книги и выпивку, которые только пожелает, и ему не нужно содержать себя. Он посылает сообщение: каменные стены не делают тюрьму. Я думаю, он считает, что ты сам выберешься.

— Если бы они хотели, чтобы я сделал что-то плохое, — сказал он, — мне пришлось бы отказаться, и я уверен, что вы не захотите, чтобы я сказал: «Да». Но я говорю: «Да». Только, Гленда, обещай, что не забудешь меня. Ты будешь писать мне, по крайней мере раз в неделю. И ты будешь навещать меня время от времени.

— Конечно, папа, — ответила Гленда. — Но это же несправедливо! У тебя есть дар, ты будешь делать добро многим людям, и все же тебя будут держать в тюрьме!

— Я не первый, — вздохнул Пол Эйр. — И не последний. Во всяком случае, они держат меня здесь, чтобы я никому не причинил вреда, хотя, видит Бог, я никому не желаю зла. Во всяком случае, сознательно.

Он наклонился к дочери и прошептал:

— Скажи Тинкроудору, чтобы он продолжал поиски. Он поймет, что я имею в виду.

Поздно ночью Пол Эйр проснулся, зная, что кто-то или что-то находится рядом и хочет, чтобы он проснулся. Он встал, подошел к окну и посмотрел на стену, на реку за ней и на город, сверкающий множеством огней. Рядом с окном, футах в двадцати, висело блюдце. Оно кружилось, и его вращение, казалось, производило тот же шум, который он слышал во сне. Гудение было модулированным, и его послание, как ему показалось, было прощальным. Прощание и грусть. Оно прилетело на землю по какой-то неизвестной причине, попало в аварию, вызвав незапланированную катастрофу, перемены в другом существе, и теперь должно было улететь.

Что бы оно ни породило в нем, оно чувствовало, что это не принесло и не принесет плодов.

Внезапно тарелка взмыла вверх. Пол Эйр ткнулся лицом в решетку и посмотрел вверх, но ничего не увидел. Когда он отошел от окна, перед ним замелькали красные поля и зеленый город. Было ли это видение дома той твари? Было ли видение передано ему каким-то ментальным способом от существа? Или же он носил в себе одного из своих потомков, и этот ребенок носил в себе наследственную память о доме своей матери? И было ли оно способно передавать ему это наследственное видение время от времени, когда он, или оно, или и то и другое испытывали стресс?

«Теперь я никогда этого не узнаю», — сказал он себе. Посетитель явился по неведомой причине и исчез по таинственной причине. Какова бы ни была его миссия, она была прервана.

Это была его судьба — стать единственным человеком на Земле, которого коснулись звезды. И это была его судьба — стать пугалом для других людей. Итак, пока тот, кто приподнес ему обоюдоострый дар, бродил в пространстве между звездами, он, получатель, был заперт в маленькой комнате. Навсегда.

— Не навсегда, — пробормотал он. — Вы могли

бы удержать меня, если бы я был просто человеком. Но сейчас я не обычный человек. Вы пожалеете, что заперли меня. Вы пожалеете, что не обращался со мной как с человеком.

Часть 3. Эволюция Пола Эйра
Глава 1

ЧУВСТВУЯ, ЧТО ЗА ним наблюдают, Пол Эйр нырнул под кровать. Здесь телекамера не могла его видеть. Его стражи будут в бешенстве, но они не посмеют войти в его палату. Они же не хотели падать замертво.

Обнаженный, он лежал на спине, уставившись на пружины кровати и матрас. Над матрасом были простыни и одеяла, потом крыша, потом облака. А над облаками — ночное небо. И в небе была звезда, которая своим притяжением удерживала планету, которая была его домом. Ну, не совсем его домом. Это было место рождения того, что пряталось в его мозгу, того, что заставляло его меняться.

Эта мысль была не совсем верной. Существо становилось им, и он становился этим существом. Крошечная желто-кирпичная штучка в нем росла и брала верх. И Пол Эйр принял это. Он и оно сливались воедино.

Он был напуган, но не настолько, как следовало бы. К страху примешивалось предвкушение.

Кроме того, перемены были неизбежны. Он видел пришельца во сне двенадцать ночей подряд. Существо общалось с ним во сне, в образах и чувствах. У них не было общего языка, но они и не нуждались в нем.

Его тело сжималось, округлялось, расплющивалось. Плоть и кости размягчились, как размягчились кости его дочери, когда он встретил ее в машине на школьной парковке, убегая от полиции. Но ее скелет стал полужестким, так что она могла принять человеческий облик. «До этого у нее была не человеческая форма, — подумал он. — А теперь она стала слишком человеческой». Приемлемая человеческая форма с прямым позвоночником, полной грудью и нормальными ногами. Но он примет нечеловеческую форму. На самом деле такой формы еще не было ни у одного человека.

Куда пойдут его кости и органы?

Он подставил одну руку под пружины. Ногти мерцали, плоть светилась. Увидят ли наблюдатели, как темнота под простынями, свисающими по бокам, растворится в ярком свете? Может, они подумают, что он сам себя поджег? А потом, зная, что у него нет ни спичек, ни горючей жидкости, догадаются, что он не смог бы себя поджечь?

Они хотели бы послать кого-нибудь в его палату, но не посмеют. Они могли только смотреть и удивляться.

У Пола Эйра было чем всех их удивить. Как можно было так изменить и сжать его сто пятьдесят фунтов, не убив его самого? Как можно расплющить и уплотнить его мозг, не убив его самого?

Его тело обмякло и распласталось. Он попытался поднять голову, но не смог. Его глаза разделились, один устремился влево, другой-вправо. В то же время его зрение стало слабее. Только яркий свет позволял ему вообще видеть. Глаза стали меньше, они начали погружаться в его череп. Но они не могли уйти далеко, потому что его череп был распластан и в то же время уменьшался.

На какое-то время его глаза оказались на дне колодцев, или, по крайней мере, ему так казалось. Он вспомнил, как читал, что днем человек может стоять на дне

глубокого колодца и смутно видеть звезды. И вот появились звезды. И кометы. Но они были внутри него — это нервы подавали сигналы. И скоро нервы у него сдадут. Или превратятся в структуру, которую неврологи Земли не смогут понять. И изменились их функции тоже, функции, лежащие за пределами понимания его

тюремщиков.

Тело Пола Эйра двигалось по полу, словно амеба. Хотя он не мог видеть самого себя, он знал, что должен выглядеть так, как будто превращается в амебу. Его туловище расплющилось и стало круглым. Его ноги, руки, голова превратились в плоские, округлые формы и тоже уменьшились. Он стал амебой, выпускающей псевдоподии.

Куда девается его мозг? Что будет с его глазами? А как насчет его вен, артерий и капилляров? Во что превратятся его кости? Его пальцы? Пальцы на ногах? Его уши? Его нос? Его зубы? Что станет с ним, с Полом Эйром?

Он всегда верил, что у него есть душа. Когда его тело умрет, он вознесется на небеса. Неизменный, неподкупный, вечный Пол Эйр.

Но теперь его душа будет сжата и сплющена вместе с телом. Душа соответствует телу. То, что создает тело, диктуется душой. А Пол Эйр не знал языка, на котором была написана надпись. Он уже не мог закричать, когда ужас полного осознания происходящего обрушился на него. У него уже не было горла, и его губы слились воедино.

А потом что-то внутри действительно закричало. Его голос эхом прокатился взад и вперед, как будто это был человек, заблудившийся и крича-

щий в лабиринте глубоко под землей. Где-то в полумраке поднялась фигура и двинулась к нему. Она была чернее, чем сама чернота, и только наполовину похожа на человека. Незнакомец выглядел угрожающе, но, когда он заговорил, его голос был мягким и успокаивающим. Пол Эйр не хотел, чтобы его успокаивали, и ему хотелось бежать.

Он почувствовал, как его тело распухло. Чувство триумфа и разочарования наполнило его, и внезапно у него появились горло и рот. Вместо того чтобы закричать, он прошептал…

Глава 2

В ДЕСЯТЬ УТРА Пол Эйр проснулся. Он был в пижаме и лежал на спине на кровати. Он чувствовал усталость, голод и стыд. Почему ему должно быть стыдно? Может, потому, что он был трусом?

Он встал с кровати и, пошатываясь, направился к единственной двери в свою палату. В нижней этой двери была дверца поменьше. Он распахнул ее, и вперед выдвинулась полка с подносом с едой и молоком. Пол Эйр убрал поднос и закрыл маленькую дверцу. Он отнес поднос к маленькому складному столику, поставил его на столик и сел в

кресло перед столиком. Пока он ел яичницу с ветчиной, тосты с маслом и грейпфрут, он задавался вопросом, что бы он съел, если бы позволил своей новой форме взять верх. Что может существо без рта и без пищеварительных органов, насколько он знал, использовать в пищу? Топливо?

Был только один способ выяснить это, способ, которым он не хотел воспользоваться. Или хотел?

Ему следовало бы задаться вопросом, напомнил он себе, почему он принял это изменение как реальность. Когда-то он сказал бы, что такое невозможно. Любой,

кто действительно думает, что может менять форму, должен быть сумасшедшим. Теперь вселенная казалась ему такой же гибкой, как и его тело.

Пол Эйр поставил поднос обратно на выдвигающуюся полочку и пошел в ванную. Выйдя из нее, он подошел к шкафу без дверей и забрал свою одежду. Потом он пошел в ванную, чтобы одеться, потому что там за ним никто не будет наблюдать. По крайней мере, он надеялся, что это не так. Теперь ему было все равно, даже если женщины наблюдали за ним. А это означало, что он менялся не только телом, но и душой

— менялось его отношение к жизни. До того, как его привезли сюда, он не стал бы раздеваться ни перед одной женщиной. Даже ложась в постель со своей женой, он сбрасывал одежду в темноте, чтобы она не могла видеть его голым.

Это напомнило ему некоторые из его снов. Хотя ему было пятьдесят четыре года, нет, сейчас пятьдесят пять, у него было сильное сексуальное влечение. Он настоял, чтобы Мэвис обслуживала его по крайней мере три раза в неделю. Для него не имело значения, больна она или просто не хочет. Ее долг — заботиться о нем. Мэвис обычно подчинялась, но либо жаловалась, либо молчала, и, нахмурившись, она давала ему понять, что сердится.

Если его освободят, он не вернется к Мэвис. Она ненавидела его, хотя он должен был признать, что у нее были на то причины. Но он тоже ненавидел ее. Возможно, часть его ненависти к ней была отраженной ненавистью, ненавистью к самому себе. Или презрением. Но думать об этом было бесполезно. Это все осталось в прошлом, которое казалось еще более странным, чем настоящее.

Что это была за пара негодяев!

— Соколы в гнезде, — как-то сказал о них Тинкроудор. Писатель, вероятно, цитировал какое-то

стихотворение или книгу. Его речь была наполовину цитатой, как будто у него не было сил сочинять собственные фразы. Но это было неправдой. Тогда Тинкроудор сказал: — Нет, не соколы. Вы с Мэвис больше похожи на стервятников. Или гиен. Или крыс в норе, забитой цианидом.

Пол Эйр ненавидел Тинкроудора. Неудивительно, что этот человек теперь боялся встретиться с ним лицом к лицу. Не то чтобы Пол Эйр винил его. Почему Тинкроудор должен рисковать упасть замертво?

Сексуальное влечение не пропало, когда дверь его палаты закрылась за ним. Он бы сошел с ума от желания, если бы не эти сны. Он заснет и увидит сверкающий зеленый город в дальнем конце множества полей, покрытых красными цветами. Он шел бы по полям на четырех ногах, вернее, на лапах. Он был существом наполовину человеком, наполовину котом. Леоцентавр. И он был женщиной. У него было красивое человеческое лицо, белые плечи и руки и великолепная грудь. От человеческого туловища вниз его тело было телом львицы. Странный и сильный запах исходил от него, или, скорее, от нее. Его половой орган дергался и пах желанием. Он-она сходил с ума от желания, но, будучи разумным, мог кон-

тролировать свою похоть.

И тогда огромный самец леоцентавра прыгал и прыгал по красным полям, а потом он-она и самец соединялись…

Восемьсот фунтов кошачьих мышц, пот, шерсть, хвост и четыре лапы с двумя руками, и никаких запретов!

Эйр задрожал от воспоминаний об экстазе, намного превосходящем все, что он испытывал, будучи человеком.

Он также чувствовал стыд, но с течением дня стыд уменьшился. Он не мог понять, почему, если он был самкой, он проснулся в липкой пижаме. Но оргазмы его, как самки во сне, соответствовали оргазмам его, как мужчины, в его человеческом теле…

Были и другие сны, сны, в которых он был маленьким телом с твердой оболочкой, летящим по воздуху, летящим через пустоту, где далекие звезды были единственным источником света. Он видел звезды или, скорее, чувствовал их, но как — не мог понять. Это «видение» было лучше, чем «виденье» глазами.

Неужели маленький желтый кирпичик в его мозгу хранил в себе воспоминания предков? Воспоминания, которые он мог передать ему

через сны?

Пол Эйр этого не знал. Было много вещей, которые он не мог объяснить. Например, существо в нем могло убивать или лечить людей. Если он видел больного или искалеченного человека, он исцелял это существо. Однако, если он думал, что ему угрожают, он убивал. Пол Эйр был агентом, через которого эта штука работала, но он не мог ее контролировать.

И все же, когда он был на охоте и выстрелил из дробовика в блюдце, почему оно не убило его? Когда он искал его потом в тех лесах, почему оно не убило его тогда? Тогда у пришельца не могло быть сомнений в намерениях Пола Эйра.

Пол подумал, что ранил его. Как еще объяснить желтую дымку, которая выходила из какого-то отверстия в боку тарелки? Отверстие, которое, должно быть, сделали его дробинки.

Или было? Тинкроудор сказал, что, возможно, тарелка нерестилась или спаривалась. Облако состояло из микроскопических капелек, похожих на ртуть, и это были детеныши блюдца. Некоторые из них, несомненно, попали в Пола Эйра через нос и, возможно, через кожу. Они превратились в миллионы желтых кирпичей в его клетках крови и тканях кожи. Он избавился

от всех них, кроме одного, который застрял в его мозгу. Остальные погибли.

Находясь в лесу, он видел блюдце, а также самку леоцентавра, существо непревзойденной красоты. Только теперь он понял, что она и была блюдцем, только в другой форме.

Он мог принять это, потому что должен был. Но почему эта тварь не убила его своими мыслями или какой бы то ни было силой, которую она использовала для убийства?

Если бы он позволил себе стать блюдцем, то, возможно, понял бы.

У Тинкроудора может быть теория на этот счет. Тинкроудор был писателем, занимавшимся в основном научной фантастикой. Когда Эйр рассказал ему о своем опыте в лесу, Тинкроудор выдвинул несколько довольно правдоподобных теорий, чтобы объяснить, что произошло. Эйр почувствовал, что Тинкроудор каким-то образом близко подошел к истине.

Он должен поговорить с Тинкроудором.

Два дня спустя загорелся экран телевизора с замкнутым контуром, и появилось широкое красное лицо. С минуту Эйр не узнавал его. У Тинкроудора была лохматая рыжевато-седая борода, а глаза запали. Он выглядел так, словно

отрастил бороду, чтобы спрятаться от смерти.

— Привет, Пол, — сказал он. — Они привезли меня сюда, но заставили лететь вторым классом. Мне пришлось самому покупать шампанское.

— Послушай, — начал Пол Эйр. — Остальные могут подумать, что я сошел с ума, но это не имеет значения. Их мнение не изменит моего положения.

Он помолчал, а потом сказал:

— Прошлой ночью я чуть не превратился в летающую тарелку…

Глава 3

ТИНКРОУДОР СЛУШАЛ, НЕ перебивая.

— Несколько лет назад я бы тоже подумал, что ты сошел с ума. Теперь я уже не так уверен. Какого черта! Я знаю, что ты не сумасшедший! Я скажу ебе, почему я верю в то, во что мало кто может поверить. Несколько лет назад студент-антрополог по имени Карлос Кастанеда написал три книги о своем опыте работы с магией индейцев яки. Поставьте кавычки вокруг слова «магия», потому что это слово наполнено суевериями и предрассудками людей западной цивилизации. Для брухо-яки, колдунов, как они их называют,

существует много миров, сосуществующих с нашим. Параллельные миры, если хотите, которые пересекаются с нашим. Используя свою цитатную магию без кавычек, брухо могут использовать сущности или силы этих других миров. Кастанеда назвал эти миры «необычной реальностью». То есть это реалии, с которыми мы обычно не сталкиваемся… Не буду вдаваться в подробности о том, как эти брухо могут выполнять свою так называемую магию. Это не магия, а жесткая и опасная наука. Научная дисциплина. Не обращай внимания на условия. Дело в том, что брухо Кастанеда знал, что Дон Хуан, дон Хенаро и некоторые другие могли совершать невероятные подвиги. Они обладали силами, которые мы, жители Запада, всегда считали мумбо-юмбо, фантазиями, суевериями. Кастанеда был убежден, что эти силы существовали со времен каменного века. Например, как говорят, брухо могут превращаться в птиц и летать. Прочитав его книги, я убедился, что они могут это делать. Кастанеда — уравновешенный ученый, а не мистификатор.

— Ты имеешь в виду, что я встретил существо из этой необычной реальности и что оно произвело во мне эти изменения? — переспросил Пол Эйр.

Тинкроудор покачал головой.

— Не совсем так. Ты встретил необычное существо и претерпеваешь некоторые необычные изменения. Но они не имеют той природы, которую описал Кастанеда. Твое блюдце и твой сфинкс пришли из этого мира, из этой суровой вселенной. Они необычны, что только что прибыли с иной планеты. Вероятно, многие вещи здесь для них необычны, или это, я бы сказал, так как формы кажутся метаморфичными, а не дискретными. Очевидно, желтая штука в тебе способна вызвать изменения в форме. Она не может черпать свою силу исключительно из самого себя. Мы, люди, можем обладать этой силой, но никогда не осознавали ее. Скорее, лишь немногие когда-либо могли пользоваться ею. Устройства существуют в наших телах, и желтая тварь знает, как ими пользоваться. Вот какова, по-моему, может быть ситуация. Задумайтесь о различных видах разумных или, возможно, неразумных существ, которые могут жить в космосе. Они также могут путешествовать в космосе, возможно, используя гравитоны в качестве средства передвижения. Гравитоны — это волновые частицы. Этот желтый туман — явление, которое действует так, как будто является одновременно частотными волнами и частицами. Гравитоны

— волны-частицы, ответственные за гравитацию, точно так же, как фотоны — волны-частицы, ответственные за свет. Ну, это не имеет значения. Важно не то, как они могут перемещаться в космосе и атмосфере, а их биологическая установка. Не понимаю, как они вступают в половую связь и заводят детей с генами от мужчин и женщин. Может быть, у них есть сексуально-репродуктивный процесс, который даже отдаленно не похож на тот, что мы знаем на Земле. Во всяком случае, эти НЛО, назовем их так, а не летающие тарелки, эти НЛО возникли на какой-то планете или, возможно, в космосе. Их планета давным-давно была переполнена, или же у них есть стремление засеять другие планеты. В любом случае многие из них покидают свой родной мир. Они отправляются на другие планеты, похожие на Землю. Туда, где живут разумные существа. Некоторые из них гуманоиды. Несколько кентавроидов. Другие — бог знает что… И вот — беременная самка приземляется и выпускает облако, несущее яйца. Микроскопические яйца, или споры, или что у вас есть, попадают в ткани разумных существ. Только одна из миллионов яйцеклеток в теле разумного существа выживает, точно так же, как только один сперматозоид из миллионов в

эякуляции выживает, чтобы соединиться с яйцеклеткой в утробе матери. Кто первым доберется до матки, тот и победитель. Яйцеклетка — это ты, Пол. Этот процесс наполовину слияние, наполовину симбиоз. Ты думаешь, что это паразитизм, потому что ты невольный и очень сознательный хозяин. А потом происходят странные вещи. У тебя есть сила исцелять или убивать, даже когда ты без сознания или спишь. Только это делаешь не ты, а яйцо-НЛО, которое проходит весь путь в своем исцелении или самозащите… Почему симбиот убивает тех, кто угрожает тебе? Очевидно, потому, что он защищает себя и тебя, хозяина. Почему он исцеляет неопасных людей? Очевидно, потому, что он рассматривает их как будущих хозяев или сперматозоидов… И поэтому ты заперт в тюремной больнице для наблюдения учеными, которые не могут поверить в то, что они видят, но должны верить… Тем временем эмбрион становится взрослым. Взрослая особь является или будет являться яйцеклеткой НЛО плюс носитель. Мои аналогии, с биологической точки зрения, смешаны. Симбиот, или паразит, и его хозяин — это разные существа. Но это не имеет значения. Ты понял идею. Ты пытался менять форму. Пока ты сопротивляешься, но в конце

концов пойдешь до конца. Ты станешь блюдцем. Что будет с твоим мозгом в этом блюдце? Я не знаю. Я подозреваю, что ты станешь наполовину человеком, наполовину инопланетянином. Ты полюбишь свои силы. В конце концов, только человек может желать сил, которых нет у других людей. И ты не будешь привязан к одной форме. Иногда, может быть, когда ты захочешь, ты сможешь вернуться к своей первоначальной форме… То, что блюдце, которое ты видел, приняло форму своего леоцентавра, свидетельствует об этом… А потом, в один прекрасный день, ты выйдешь из этой тюрьмы. Ты либо останешься на Земле, чтобы искать мужчину, либо отправишься в космос. Ты оплодотворишься, как, не спрашивай меня. Ты распространишь свое семя. Другие люди пострадают от того же странного изменения пространства, что и ты… И так далее… В конце концов, Земля будет населена людьми-НЛО. Что произой дет потом? Я не знаю. Я подозреваю, что некоторые из них отправятся в космос на поиски девственных планет…

— Ты и сам в это не веришь, — фыркнул Пол Эйр.

— А ты? — поинтересовался Тинкроудор.

— Не знаю, — ответил Эйр. — Я знаю только то,

что мне это не нравится.

Глава 4

НА ЭТОМ РАЗГОВОР не закончился. А как насчет НЛО? Почему было замечено так много, и почему, если их было так много, ни один человек не пострадал от них, как сейчас Пол Эйр?

— Я не знаю, видели ли НЛО на самом деле, — вздохнул Тинкроудор. — Расследование BBC утверждает: все контакты с НЛО, кроме двух процентов, неверно истолкованные природные явления, заблуждения, мистификации или результат массовой истерии. То, что необъяснимые два процента остаются, может быть связано с неспособностью следователей рационализировать случившееся. Или, возможно, эти два процента и в самом деле встречи с реальными НЛО. Это могли быть самцы, ищущие самок, которых в то время на Земле не было.

— Но они не все были одного типа, — возразил Эйр.

— Некоторые из них напоминали шары. Это были, скорее всего, электрические явления. Некоторые были сигарообразными. У некоторых мигали огоньки. И почти все они были намного

больше, чем блюдце, которое я видел.

Тинкроудор пожал плечами и сказал:

— Если они существовали в каком-то другом месте, кроме разума наблюдателя, они могли принадлежать к другим видам, чем твоя тарелка. Или, возможно, у самцов разные формы. Возможно, разные типы враждебны друг к другу и тратили свою энергию, преследуя друг друга. Возможно, они истребили друг друга в тайной невидимой войне или, возможно, объявили Землю опасной зоной и избегают ее. Может быть, у них есть договор, который объявил Землю закрытой, и появление твоей тарелки здесь незаконно. Или, может быть, она заболела или у нее кончилась еда, и ей пришлось приземлиться здесь.

Ты хочешь, чтобы я все объяснил о них, а ведь все, что я сказал, может быть неправильным.

Тинкроудор, казалось, находил это забавным. Пол Эйр — нет.

После разговора Пол Эйр долго расхаживал взад-вперед. Он не мог долго сидеть на месте, если только не читал или не смотрел телевизор. Пол Эйр задавался вопросом, как повлияет этот разговор на власти. Решат ли они, что он сумасшедший? Если бы они так решили, то ничего бы не сделали. Но пока ничего не изменилось.

Возможно, они и хотят применить терапию, но боятся попробовать. Если бы они поверили его рассказу, то могли бы так встревожиться, что попытались бы убить его. Они оправдали бы убийство как умерщвление в интересах большинства. Большинство — все человечество, за исключением Пола Эйра. Логически он должен был согласиться с ними.

Глава 5

НА СЛЕДУЮЩЕЕ УТРО на экране снова появился Тинкроудор. Он выглядел бледным и испуганным.

— Пол, — начал он, — тебе просили передать, что, если им покажется, что ты собираешься бежать, в твою палату запустят газ с цианидом. Это ужасно, но они не могут позволить тебе выйти в коридор. Они боятся, что не смогут остановить тебя, так как ты можешь убить одним взглядом. Ну, прошлой ночью… — тут он сделал паузу и сглотнул, а затем продолжал: — …прошлой ночью один из них самостоятельно принял решение действовать. Очевидно, он поверил в то, о чем мы говорили вчера. Он прокрался в комнату, в которой находятся клапаны и кнопка включе-

ния, управляющая газообразным цианидом. Эту комнату охраняет один человек, но, если входит кто-то посторонний, срабатывает сигнализация. Злоумышленник ударил охранника дубинкой и бросился к пульту управления. Ему пришлось повернуть два клапана, прежде чем он смог нажать на спусковую кнопку. Ему так и не удалось повернуть первый клапан. Коснувшись его, он упал замертво. А теперь расскажи мне. Ты каким-то образом знал об этом?

Эйр на мгновение замолчал, затем ответил.

Тинкроудор снова сглотнул и сказал:

— Ну, ты понимаешь, какие последствия будут, не так ли?

Эйр не смог сдержать ликования в голосе.

— Да, я… Вернее, эта штука во мне… Может убить, даже если я не вижу того, кто мне угрожает.

Через несколько секунд его словно прошил разряд тока. Он сел, дрожа. Его на самом деле пытались убить. И все же он ничего не сделал, кроме как защищался. Нет, он не сделал даже этого. Это было существо внутри него. Но даже думая об этом, он знал, что это неправда. Больше не было никакого четкого разграничения между Полом Эйром или дитем-НЛО. Их границы растворялись,

их личности сливались.

Он должен был выбраться и уйти, но для этого ему нужно было испытать нечто такое, мысль о чем приводила в ужас.

— У них мнения разделились, — продолжал Тинкроудор. — Половина думает, что ты говоришь правду; половина считает тебя сумасшедшим. Но вторая половина не уверена. Они видели яркий свет, исходящий из-под кровати, и они знают, что это не было вызвано огнем. Они следят за изменениями температуры в твоей палате, а тогда ее не было. Это был холодный свет.

— Почему врачи не разговаривают со мной? — поинтересовался Эйр. — Почему ты вдруг стал пресс-секретарем?

— У меня нет ученой степени, но у меня хорошо развито воображение. Это ситуация, которая требует разума, который непринужденно относится к фантастическому. Наймите вора, чтобы поймать вора. Поставьте автора научной фантастики в фантастическую ситуацию. Кроме того, думаю, что они доверяют мне, потому что я умею держать рот на замке. Они могут наблюдать за мной, пока я работаю на них…

— Мерзкая ситуация, — вздохнул Пол Эйр.

Тинкроудор выглядел расстроенным.

— Кстати, я не думаю, что тебя можно убить.

— Но ты хочешь попробовать, — снова вздохнул Пол Эйр.

Тинкроудор промолчал. Тогда Пол Эйр продолжил:

— А ведь ты всегда захлебывался от негодования, стоило заговорить о том, что США убивали мирных жителей во Вьетнаме. Ты был слишком мягкосердечен, чтобы стрелять в оленей.

Тинкроудор был явно напуган. Он понимал: в любой момент он может упасть замертво. «На самом деле, — подумал Эйр, — Тинкроудор не такой трусливый и мягкосердечный, каким он себе изображает». У него должно быть достаточно мужества, чтобы рассказать Полу все это и не рассердить его.

Или, возможно, Тинкроудор хотел, чтобы его убили? Он чувствовал себя виноватым, потому что не поставил общественность в известность о том, что произошло с Полом Эйром. Его вина была еще больше из-за его участия в удержании в заключении человека, которого он считал своим другом. Более того, он не мог удержаться от попыток выяснить, как убить неубиваемого. Это был своего рода вызов…

Внезапно Пол Эйр понял, что лицо на экране

принадлежит его самому опасному врагу.

За этим осознанием последовал легкий шок. Почему же Тинкроудор не упал замертво?

Может быть, потому, что он тоже тайно переживал за него? Тинкроудор однажды сказал, что было бы хорошо, если бы что-то действительно уничтожило все человечество. Тогда безумие, горе, печаль, жадность, убийства, насилие, жестокость, безнадежность, отчаяние, предрассудки, лицемерие и преследования исчезнут с лица Земли. Тинкроудор признал, что поэзия, искусство и музыка также исчезнут, но цена в несколько достойных стихотворений, драм, картин, скульптур и симфоний была не так уж высока. Кроме того, мало кто ценил искусство. По его словам, деньги, власть и уничтожение других людей словесно и физически были тем, что волновало большую часть общества.

— С другой стороны, — продолжал свои рассуждения Тинкроудор, — если человек умирает, любовь и сострадание тоже уходят. Возможно, мы всего лишь очередная ступень эволюции, ведущей к обществу, все члены которого будут переполнены любовью и состраданием. Но я спрашиваю нашего Создателя, почему, если это правда, мы должны так страдать? Разве мы ни-

чего не значим?

Тинкроудор однажды написал рассказ «То, что вы видите», в котором посетители со звезды Алгол в качестве прощального подарка распылили аэрозоль по всей Земле. Они покрыли особым слоем все зеркала в мире, и всякий раз, когда кто-нибудь смотрел в одно из них, он видел себя таким, каким был на самом деле. Это не возымело желаемого эффекта, не вызвало изменений к лучшему в зрителях собственного «я». Вместо этого все зеркала были разбиты, и был принят закон, предусматривающий смертную казнь за изготовление зеркал. Однако в законе не было необходимости. Никто, кроме нескольких мазохистов, не хотел смотреться в зеркало…

В итоге Пол Эйр спросил Тинкроудора, почему, если он так думает, он не покончил с собой.

— Мне нравится делать несчастными себя и других, — ответил писатель.

А теперь душа Тинкроудора была разорвана надвое. Он хотел выжить и, следовательно, хотел, чтобы Эйр умер. Он также хотел, чтобы Пол Эйр выжил, потому что тот может стать следующей ступенью в эволюции человека.

То, что сам Пол Эйр мог это понять, означало, что он эволюционировал. Было время, когда он

был бы слишком ограничен в мировоззрении, чтобы понять, что беспокоит Тинкроудора. Эйр был инженером, который мог анализировать неисправности в машинах до последней гайки и болта. Но изучение неисправности в мировосприятии людей был выше его сил. Раньше люди казались ему непроницаемыми и иррациональными.

Глава 6

В ТУ НОЧЬ Пол Эйр пробудился от сна, не потревоженного сновидениями. Он встал, выпил воды и подошел к единственному окну, чтобы посмотреть на ночное небо. Звезды сверкали в вышине, река блестела, и город по обе стороны реки были испещрены пятнами и полосами огней.

«Как зебра с корью», — подумал Пол.

Между зданием клиники и высокими каменными стенами была мощеная площадка. Она была ярко освещена прожекторами, установленными на здании и стене. Башня на углу стены слева от него торчала вверх, как рука регулировщика, сигнализирующего об остановке. На площадке, на вершине башни находились два охранника, вооруженные винтовками и пулеметом.

Пол Эйр был удивлен, хотя и не шокирован, увидев самку леоцентавра, стоящую на тротуаре внизу. Свет блеснул белым на ее обнаженной верхней части туловища, черным на ее длинных волосах и рыжевато-коричневым на львином нижнем теле. Она улыбалась ему и помахала рукой.

В последний раз, когда он видел ее, она была чем-то в форме блюдца, висящим в воздухе за его окном. Из ее кружащегося тела донесся звук, который показался ему прощальным. Но он ошибся. Она все еще была рядом, все еще наблюдала за ним. Как мать над своим ребенком.

Со сторожевой башни донеслись крики. Леоцентавр отскочила в сторону, когда винтовочные пули ударили в тротуар, а затем исчезла из поля зрения Эйра, уйдя куда-то вправо. Мгновение спустя пулемет открыл огонь, но после пяти очередей замолчал. Выстрелов больше не было, но поднялась тревога.

Через три четверти часа после того, как охранники и собаки перестали бегать по тротуару, лицо Тинкроудора вновь появилась на экране телевизора.

— До сих пор я был чем-то вроде Иоанна Крестителя для странного мессии, — начал он. — Вера

была заметна только по ее отсутствию. Но теперь они верят! У них есть не только два свидетеля, но и фотографии! На сторожевой башне была установлена кинокамера. Во всяком случае, вот несколько снимков.

На первом была убегающая леоцентавр. На третьей она прыгала высоко в воздух. «Не меньше пятнадцати футов», — прикинул Эйр. На пятом оказалось вытянутое пятно. На следующем был изображен размытый, но, несомненно, похожий на блюдце объект. На последней была изображена тарелка, освещенная прожектором.

— Очевидно, она не думала, что ей действительно угрожает опасность, — заметил Тинкроудор. — Иначе охранники были бы мертвы. Конечно, может случиться так, что взрослый инопланетянин не способен убивать с помощью экстрасенсорных средств или как бы это ни было сделано. В этом случае ты, если станешь взрослым, можешь больше не представлять опасности. По крайней мере, одной опасностью станет меньше… Но ты всегда будешь представлять угрозу… Одна из причин, по которой я думаю, что взрослая форма, возможно, не может убить, заключается в том, что ты не убил охранников. Ты, эта штука в тебе, во всяком случае, должно быть, хотела

защитить свою мать. Так почему же ты этого не сделал? Или есть что-то, чего мы не знаем?

Пол Эйр подавил любое проявление радости по поводу побега матери. Он сказал:

— Так что же теперь происходит?

— Не знаю. Думаю, они собираются известить Белый дом о том, что тут происходит. До сих пор они были очень скрытными. Очень немногие чиновники знают, что человек содержится под стражей вообще без каких-либо судебных процессов, в нарушение его гражданских прав. И еще меньше людей знают истинную причину этого. Но теперь, когда у них есть доказательства, которые даже самые лишенные воображения люди должны будут принять, им придется сообщить обо всем руководству страны. Хотя, возможно, потребуется некоторое время, чтобы убедить их.

«Ты же не хочешь сказать, что все, кто в курсе, будут напуганы до смерти, — подумал Эйр. — До самой смерти».

И в то утро, когда было еще темно, он разделся и залез под кровать. Через некоторое время он появился, дрожащий, слабый и испуганный. На полпути преобразования он остановился. Он долго лежал в постели, ворочаясь с боку на бок и проклиная себя за слабость. И все же он был рад,

что в нем осталось что-то человеческое… На этот раз он сам отказался стать нечеловеком. Наконец он заснул, а проснулся в половине одиннадцатого. Он позавтракал и прочитал несколько страниц книги о племени в высокогорьях Новой Гвинеи. В последнее время он много и много читал книг про этнографии и антропологии, пытаясь наверстать все те годы, когда читал только ежедневные местные газеты и спортивные журналы.

Когда он начал расхаживать взад и вперед, включился телевизор.

— В этот раз я в последний раз вижу тебя, Пол, — начал Тинкроудор. — Во всяком случае, в этой клинике. Я уезжаю. Я больше не хочу иметь ничего общего с этими людьми. Или с тобой. Я больше не могу этого выносить. Я разрываюсь между своей совестью и тем, что, по моему мнению, логически должно быть сделано. И этот последний инцидент — это слишком много для меня. Признаюсь, это была моя идея, но мне не понравилось, когда они решили воплотить ее в жизнь…

— Какая идея? — поинтересовался Пол.

Кто-то, кого не было видно, что-то сказал Тинкроудору.

— Какая, к черту, разница? — прорычал писа-

тель и снова повернулся к Эйру. — Я предложил включить подачу цианида с помощью пульта дистанционного управления. И они установили его. Вернее, два. Светочувствительный монитор должен был послать радиосигнал машине в Вашингтоне, округ Колумбия, когда она обнаружила свечение из-под кровати… Это, в свою очередь, сигнализировало автоматическому контроллеру машины для высвобождения цианида. Установка была устроена так, чтобы не было никакого человека, вовлеченного в фактическую операцию по открытию газового вентиля. Они надеялись, что таким образом никто не умрет… — Он сглотнул. Выглядел он раскаявшимся: — Я сделал это, Пол, потому что я человек! Я хочу, чтобы человечество выжило! Как люди. «Лучше пусть будет дьявол, которого ты знаешь», — подумал я. И вообще, я не верил, что тебя можно убить, и хотел выяснить, не ошибся ли я. Я надеялся, что это так, и в то же время надеялся, что это не так. Ты можешь это понять?

— Полагаю, что на твоем месте я поступил бы так же, — протянул Пол Эйр. — Но ты не можешь ожидать, что я буду дружить с человеком, который пытался меня убить.

— Конечно, не ожидаю. Я сейчас сам себя нена-

вижу. Но вот что произошло… Как только в палате загорелся свет, на машину в Вашингтоне был послан сигнал. Но машина так и не смогла послать ответный сигнал. И она, и контрольное устройство здесь сгорели! Цепи, по-видимому, были перегружены и загорелись. Они расплавились, хотя необходимости в этом не было!

— Вы можете продолжать пытаться уничтожить меня, и у вас никогда не получится, — кивнул Пол Эйр.

Он был поражен. Он не собирался этого говорить. Было ли в нем что-то, что могло говорить за него? Или слияние, как назвал этот процесс Тинкроудор, почти завершилось?

— Послушай, Пол! — крикнул Тинкроудор. — Окно в твоей палате из небьющегося, но ты сможешь пройти через стекло! Их план…

Чья-то рука зажала Тинкроудору рот. Полар и Ковальски на мгновение появились на экране. Они утащили писателя, сопротивляющегося, прочь из поля зрения.

Пол Эйр пожелал Поляру и Ковальски сдохнуть, но мгновение спустя появился Поляр. Пол Эйр был рад, что не убил его. Возможно, было лучше, что он не контролировал свои силы. Ответственность и вина лежали не на нем.

— Уверяю вас, Пол Эйр, мы больше ничего не планируем, — заверил его Полар высоким голосом. — По крайней мере против вас. Мы знаем, что ничего не можем вам поделать. Поэтому мы просто будем держать вас здесь до тех пор, пока, по милости Божьей, мы не придем к удовлетворительному решению.

Конечно, Полар лгал.

— Умри! Умри! — крикнул Эйр, забыв в очередном приступе гнева о своей радости, которую он испытывал минуту назад.

Полар закричал и скрылся из виду. Мгновение спустя экран погас. Пол Эйр перестал смеяться и растянулся на полу. Он закрыл глаза, но почти сразу открыл их. На этот раз свет исходил не от его кожи, а из глубины его самого. И он был не ровным, а пульсирующим.

Снова его охватил ужас хотя Пол Эйр боялся все меньше, а светился все сильнее. Или ему так казалось. Метаморфоза произошла так быстро, что у него закружилась бы голова — если бы у него была голова. Внезапно он распался и изменился.

Напевая, он поднялся с пола. Он вращался или, по крайней мере, ему казалось, что он вращается, но в то же время он не испытывал ни головокружения, ни дезориентации. У него не было

глаз, но он мог видеть. Комната вокруг него стала черной сферой, а не кубом. Мебель состояла из фиолетовых чаш. Электропроводка в стенах представляла собой спирали пульсирующего синего цвета. Окно казалось шестиугольным, свет от прожекторов — лиловым, а звезды были разных цветов и разных форм. Одна из них была огромный красновато-коричневый пончик.

У Пола Эйра не было рук, чтобы ощупать свою скорлупу, но у него появились странные ощущения. Оболочка его тела теперь была гораздо более прочной, чем сталь, но гибкой, как резина.

Он подумал: «Вперед!» И небьющееся стекло вылетело из рамы, осколки пылали и падали, как кометы с зелеными хвостами. Ударившись о желтый тротуар внизу, они стали коричневыми.

Если бы у него Пола Эйра был голос, он бы закричал от восторга. Вместо этого по его телу, как ему показалось, прошла крошечная электрическая искра. Она светилась, перемещаясь от одного края его «тела» к другому, пошипела и исчезала.

Где его глаза, уши, руки, ноги, рот, гениталии? Кому какое дело? Он, конечно, и не думал об этом, когда взмыл вверх, почти вертикально изогнувшись в воздухе. Его смена угла зрения вызвала видения полосы — молнии, окрашенной

в алый цвет. Он словно проехал на ней верхом. Внизу промчались пулеметные пули — оранжевые пирамиды, которые становились все более коричневыми по мере того, как гравитация несла их обратно на землю. Приземлившись, они превратились в плоские шестиугольники.

Дети играют, и Эйр играл в течение долгого времени. Вверх и вниз, внутрь и наружу, скользя по полям, поднимаясь над атмосферой, где солнце сияло лазурью, а пространство — зеленью… А потом он снова понесся вниз. Воздух двигался вокруг него, как снег на экране телевизора. «Снег» растаял, когда Пол замедлил движение, устремившись вниз, в реку, двигаясь по кроваво-красной воде, пятиугольникам темно-фиолетового цвета, сорнякам — перевернутым бежевыми башнями Вавилона. И снова вверх и наружу, сквозь облака, похожие на лазурные поганки.

Он не устал и не проголодался. Напрягаясь или отдыхая, он «кормился». Он не понимал, как ему это удается, так же, как дикарь не понимает процессов, посредством которых пища, поступающая в его рот, становится энергией и плотью. Все, что он знал, это то, что, питаясь без рта, он пожирал фотоны, гравитоны, хронотроны, радиоволны и магнитные силовые поля. Находясь в космосе,

он станет питаться всем этим и рентгеновским излучением. Как инженер, он предположил бы, что площадь поверхности его оболочки была слишком мала, чтобы поглощать достаточно энергии, чтобы сохранить ему жизнь. Но будучи тем, кем он был сейчас, он знал, что может поглотить более чем достаточно энергии.

А затем, когда он взмыл вверх по кривой, которая оставила за собой след длиной в милю — след из мерцающих сапфировых игл дикобраза, он увидел свою мать. Двигаясь в три раза быстрее, она представляла собой нечто в форме анка, испещренное алыми и синими полосами и желтыми энергетическими частицами в форме звезд Давида. Она не сбавляла скорости — продолжала подниматься в космос, направляясь к какой-то звезде. Но, пролетая мимо, она прошептала — или ему так показалось, — что он должен следовать за ней. Ей бы очень хотелось, чтобы он сопровождал ее. Однако, если он не хочет, она нежно попрощается с ним…

— И что же нам делать, брат? — спросил он сам себя своим беззвучным голосом.

Его второе «я» ничего ему не ответило. Маленькое желтое существо в нем было его братом…

Пол Эйр повернулся и помчался вокруг пла-

неты, которая представляла собой движущийся узор из треугольников и кубов. Он мчался по своей орбите, как будто полет был средством для принятия решения.

Так оно и было.

Глава 7

В ДВЕРЬ ПОЗВОНИЛИ.

Мэвис Эйр встала со стула — она сидела перед телевизором, и прошла к входной двери. Она открыла ее и увидела Пола Эйра. Прошло две секунды, за которые он мог бы пролететь пятьдесят миль, находясь вне атмосферы и в другой форме. Потом Мэвис упала в обморок.

В доме был полный бардак. Однако Пол Эйр действовал спокойно и сделал то, что должен был сделать. Когда порядок был восстановлен, телевизор выключился, и Мэвис с детьми — Роджером и Глендой, уселись в свои кресла, он начал рассказывать, поведав им немного о том, что произошло. О своей метаморфозе он ничего не сказал.

Когда он закончил, Мэвис спросила:

— Почему они не сказали нам, что отпускают тебя? Почему ты нам не позвонил? Я чуть не

умерла от неожиданности, когда увидела тебя!

— Они хотели бы сохранить это в тайне, — соврал он. — Твои расписки о неразглашении все еще в силе.

Теперь я здоров, хотя уже не тот, что прежде. Ни в коем случае. И я не предупредил вас о своем приезде, потому что они просили меня этого не делать. Почему, я не знаю. Наверное, из соображений безопасности.

Конечно, он не мог сказать им правду.

Наступила тишина. Жена и сын все еще боялись его. Гленда не боялась, но и не доверяла ему до конца. Из всех троих она подозревала, что он изменился много больше, чем признался.

— Папа, где ты взял эту одежду? — спросил Роджер. — Она выглядит так, словно ты вытащил ее из мусорного бачка. И точно так же пахнет!

— Я избавлюсь от этих тряпок, — сказал он. И он подумал, что тряпки он действительно забрал у бездомного алкаша. Он взял его одежду, а взамен вылечил его больную печень и начинающийся туберкулез и, возможно, изменил химический дисбаланс, который сделал его алкоголиком. Может быть. Он не знал, чем тот был еще болен. Но если у него был цирроз печени, и кашель был от туберкулеза, а виной его алкоголизма была

химия организма, тогда он исцелил несчастного.

— Ты собираешься вернуться к работе? Опять займешься ремонтом машин? — спросила Гленда.

— Никогда. От одной мысли об этом меня тошнит.

— И что ты будешь делать? — пронзительно воскликнула Мэвис. — Тебе пятьдесят пять, и только через десять лет ты сможешь выйти на пенсию! Если ты все бросишь, ты потеряешь свою пенсию по старости и групповую медицинскую страховку и…

— У меня есть дела поважнее, — объявил Пол Эйр.

— Например, что? — спросила Мэвис.

— Например, я хочу выяснить, что такое человек и почему он такой, — ответил Пол Эйр. — Прежде чем я продолжу…

— Куда отправишься дальше? — спросила Гленда.

— Куда приведет судьба…

— И куда же?

— Туда, где лучше. Или есть что-то хорошее.

— Послушай, папа, — начала Гленда. Она встала. — Посмотри на меня. Я была калекой и горбуном, а ты исцелил меня одним лишь взгля-

дом! Подумайте о том, что ты можешь сделать для других!

Гленда сияла от радости, но… У Роджера и Мэвис было больше оснований для эмоций, чем у Гленды. Не то чтобы они его так боялись. Они должны бояться того, что другие попытаются сделать с ним и с ними. Возможно, Полу Эйру не следовало возвращаться сюда. Он подверг их опасности. Но если бы он отправился в какое-нибудь отдаленное место, они были бы в безопасности.

Однако это было неправдой. Пока он оставался на Земле, ни один человек не был в безопасности. Перемены были опасны, и Пол Эйр был здесь, чтобы увидеть, как все изменилось. Неважно, что он отправится в Тимбукту (а он мог бы), перемены распространятся от него всепоглощающей волной. Он будет кружить над Землей и изменять этот мир…

Он встал.

— Пойдем спать. Завтра…

— Да, — не дослушав, согласилась Мэвис.

— А завтра я займусь изысканиями…

Мэвис предположила, что он имеет в виду поиск новой работы. Его долг — содержать семью.

Так оно и было. Но теперь его обязанностью было найти себе пару. И тогда начнется посев.

Часть 4. Все дальше и дальше — все страньше и страньше…
Глава 1

КАК ВЕТЕР… КАК призрак, он мчался вокруг Земли.

Когда-то он был человеком, Земля была твердой и ограничивала горизонт. Когда он был блюдцем, это был сложный узор из движущихся треугольников и кубиков. Земля тускло светилась каштановым и серебряным. Вода ярко светилась алым и золотым. Треугольные очертания и полые кубики суши были меньше, чем у воды. Гольфстрим был того же цвета, что и остальная Атлантика, но кубики вращались вокруг треугольников более тесно.

Облака воды казались поганками. Смог напоминал косяк рыб-дикобразов. Чистый воздух, которого было очень мало, напоминал снег на экране неисправного телевизора. Дождь и снег выглядели как многогранники, но дождь был лазурным, а снег — ярко-оранжевым.

Так все «виделось» из стратосферы. Когда он приблизился к Земле, треугольники и кубы сли-

лись, стали неподвижными, приобрели оттенки зеленого. Деревья были перевернутыми пирамидами, больше похожими на странной формы опухоли Земли, чем на отдельные существа.

Временами Пол Эйр замедлял шаг и приближался к какому-нибудь дому. Он «заглядывал» в окна. Собаки напоминали кометы, кошки — газовые струи, люди были символами на долларовой купюре, пирамиды с одним огромным малиновым глазом, постоянно расширяющимся или сжимающимся.

Круг за кругом, вверх и вниз. И нигде больше таких, как он. Пол Эйр должен был принять приглашение своей «матери», и таким образом он мог бы путешествовать по космосу к планете какой-нибудь далекой звезды с ней в качестве компаньона и проводника. Теперь, если бы он прожил тысячу лет, а он проживет, он мог бы никогда не увидеть никого из своих. С другой стороны, он мог столкнуться с дюжиной вариантов завтрашнего дня. Вернее, послезавтрашнего, потому что он летал только поздно ночью. Днем в Соединенных Штатах Америки он ходил на двух ногах.

Он не нуждался во сне. Превращение означало потерю потребности во сне. Что-то произошло в

его измененном теле, что уничтожило яд, накопленный двуногим. Яды остались позади, пока он парил, темно-зеленые, сплющенные сферы, смешанные с сапфиром перья, которые отслеживали изменение угла его полета.

Падающей звездой он помчался к своей квартире, затормозил вспышкой голубых комет с белыми краями, остановился перед открытым окном и вошел. Переход был настолько быстрым, что любой человеческий глаз увидел бы лишь размытое пятно. И теперь он был в облике, который миллиарды знали как Пола Эйра.

Глава 2

БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ ИМЕЛО свои преимущества. Когда он мчался от полюса к полюсу, как блюдцевидный Санта-Клаус, то натыкался на фотоны, гравитоны, рентгеновские лучи, магнитные линии и хронотроны. Но они были безвкусны. Тост с маслом, хрустящий бекон, жареное яйцо, дыня, кофе — совсем другое. Прием пищи был восхитителен, так же как и выход. До перемены он испражнялся с поспешностью и стыдом, хотя был слишком туп, чтобы понять, что так оно и есть. Теперь он испытывал почти экстаз; избавиться

от лишнего было так приятно, как принять его, но по-иному…

Очередной раз став человеком, он побрился, принял душ, оделся, четыре часа читал и в половине восьмого вышел из своей квартиры. Дневной администратор и охранники поздоровались и посмотрели на него с едва скрываемой неприязнью, страхом и благоговением. Они были там, чтобы защитить его. На самом деле они защищали других от него. Остальные — это остальная часть человечества.

Только фактически они не могли защитить ни его от людей, ни людей от него.

Он вышел из здания. На другой стороне улицы был еще один жилой дом. Там находились помещения, где десятки людей круглосуточно наводили камеры на его обитель или слушали, используя сверхчувствительные микрофоны. Пол Эйр «видел» их ночью и днем. Они подчинялись различным агентствам в Вашингтоне, Европе и Азии. Они шпионили за ним и друг за другом.

Пол Эйр быстро прошел двенадцать кварталов и свернул на подъездную дорожку, ведущую к огромному старому особняку. Когда-то тот принадлежал богатой семье, потом стал похоронным

бюро, а теперь превратился в его штаб-квартиру. Толпа на подъездной дорожке и на крыльце приветствовала его, когда он прошел среди них. Они протянули к нему руки, но так и не прикоснулись к нему. Он сделал жест, чтобы они отступили, и они хлынули, как волна, отступающая от берега. Они любили его и ненавидели.

Из тысячи людей, собравшихся на пустой стоянке автомобилей, территории, тротуаре и крыльце половина была хромыми, больными, слепыми, умирающими. Остальные — родственники, друзья или наемные работники, которые помогли им сюда добраться на костылях, носилках и инвалидных колясках. Пол Эйр мог и хотел бы отправить большинство из них домой здоровыми. Но что он мог сделать для других, тех, кого определяли как здоровых? Как он мог бороться с жадностью, ненавистью, предрассудками?

Порой все люди казались ему прокаженными.

Он остановился на крыльце, обернулся и поднял руку. Повисла тишина.

— А теперь ступайте домой! — сказал он. — Покажите дорогу остальным!

Раздались крики радости и изумления. Костыли полетели в воздух. Мужчины и женщины танцевали и плакали. Дети встали с инвалидных

колясок. Некоторые, все еще оставаясь на носилках, скрылись в ожидающие их машины скорой помощи. Это были те, чье выздоровление займет какое-то время. Женщина, чьи уродливые кости начали желтеть, закричала от страха. Но через несколько недель с ней все будет в порядке.

Человек, стоявший у подножия лестницы, ведущей на крыльцо, внезапно сунул руку в карман пальто и вытащил револьвер. Его лицо было бледным и искаженным.

— Умри, грязный антихрист! — закричал он. — Умри и иди к черту!

И тут боль пересилила ненависть. Убийца выронил револьвер и схватился за грудь. Двое в штатском двинулись к нему, но было слишком поздно. К тому времени, как они добрались до него, он уже лежал мертвым на тротуаре.

Пол Эйр пробормотал:

— Они никогда ничему не учатся!

Глава 3

ВНАЧАЛЕ ОН СИДЕЛ в большом кабинете, пока «пациенты» проходили мимо или их проносили перед ним. Они входили в одну дверь и, не останавливаясь и не разговаривая, направлялись к

выходу. Не было никаких дел, кроме как вводить и выводить людей. Каждому была вручена карточка, в которой говорилось, что, если получатель пожелает, он может отправить любую сумму, которую ему захочется, по этому адресу. Пол Эйр не сомневался, что среди его сотрудников были агенты Американской медицинской ассоциации и Управления по контролю за продуктами и лекарствами. Они смотрели на него так, словно он был ястребом среди цыплят или хозяином цыплят. Но их отчеты были однообразными, не приправленными нарушениями.

Через несколько месяцев Пол Эйр переехал на веранду. В теплую погоду он смотрел на прохожих через затемненные окна. В холодную погоду крыльцо было застеклено. Автомобили, грузовики и автобусы проползали мимо по подъездной дорожке в форме подковы и по улице, пока он смотрел на бледные и полные надежды лица. Чтобы исцелиться, он должен был увидеть их во плоти. Одного взгляда было достаточно.

С другой стороны, ему не нужно было видеть, чтобы убивать. Снайперы, спрятанные в комнатах на много этажей выше него, падали замертво, когда клали палец на спусковой крючок. Автоматическое устройство, настроенное на то, чтобы

отравить его газом, работающее под управлением часового механизма, чтобы не было прямого посвящения человека, превратилось в дым. Какой-то фанатик-самоубийца попытался влететь на своем самолете, начиненном нитроглицерином, в штаб-квартиру Пола Эйра, но взорвался над рекой Иллинойс. Бомба замедленного действия взорвалась перед лицом человека, прежде чем он успел вытащить ее из машины.

Несомненно, было много других случаев со смертельным исходом, о которых Пол Эйр ничего не знал.

Это было для него самой странной вещью в его способностях. Он не имел ни малейшего представления о том, как все это действует. Не было ни щекотки, ни покалывания, ни изменения температуры тела, ни внешнего или внутреннего проявления энергии, передаваемой или отводимой.

Однако он установил, что не убивает только потому, что ему не нравится тот или иной человек или он его ненавидит. Сила активировалась только тогда, когда человек становился для него непосредственной опасностью.

Он был загадкой не только для себя. Все, даже индейцы в отдаленных джунглях Амазонки или

аборигены в великой австралийской пустыне слышали о нем. Они приезжали отовсюду, и бизнес в Бусирисе, штат Иллинойс, процветал. Все мотели, гостиницы и жилые дома были забиты битком. Мотели и рестораны возводились, как телефонные столбы. Полицейскому департаменту пришлось удвоить свой транспортный отдел, но налогоплательщики не стали возражать. Пол Эйр заплатил за новый персонал. Соседи Эйра протестовали по поводу переполненных улиц, но никто ничего не мог с этим поделать.

Порой Пол Эйр сидел на веранде даже во время обеда или расхаживал взад и вперед, пока мимо носили больных. В семь часов вечера он исчезал в глубине дома. Его сотрудники оставались на своих местах еще на два-три часа, чтобы завершить свою работу. Но ему хватило десяти часов и тридцати с лишним тысяч человек в день. И это было слишком. Он был измотан, хотя ничего не делал, кроме как сидел, ходил и время от времени совещался со своим менеджером и секретаршами. Он шел домой без телохранителя, хотя тротуары и улицы были заполнены больными, ожидающими, когда он их увидит.

Он обедал один в своей квартире, за исключением трех вечеров в неделю, когда его навещали

его нынешние любовницы. Это были красивые молодые женщины, у которых были свои особые причины желать переспать с ним. Некоторые были благодарны ему за то, что он исцелил их, их родственников или их мужей. Некоторые чувствовали, что обожают его, потому что он был чудотворцем. Некоторые, как он узнал позже, были агентами АМА, Налоговой службы, ФБР, России, Китая, Кубы, Англии, Израиля, Объединенной Арабской Республики, Германии (Западной и Восточной) и Индии. Некоторые даже просили его укрыться в их странах. Их страны пытались похитить его, что привело к фатальным последствиям для агентов, так что теперь они пытались просто соблазнить его. Пол Эйр никогда не передавал их ФБР (в одном случае молодая женщина работала как на Албанию, так и на ФБР). Он просто выставлял их и просил больше его не беспокоить.

Иногда он подходил к окну и смотрел на улицу. Улицы были белыми от лиц, обращенных к нему, как будто он был солнцем, а они — растениями. Их бормотание доносилось до него даже сквозь звукоизоляцию.

— Исцели меня, — кричали они. — И я буду счастлив!

Он знал, что это не так, но все равно исцелял их. Он ничего не мог с собой поделать.

Кто-то однажды предложил ему полетать над миром, пока больных выводили на открытое пространство, чтобы он мог смотреть на них сверху вниз. Он отверг это. Даже если бы он мог охватить каждый квадратный фут планеты за один день, на следующий день у него был бы миллион новых пациентов. Но путешествовать на самолете вокруг и вокруг земного шара означало бы потерять личную жизнь. Как тогда он мог покинуть свой дом ночью и покружить вокруг Земли, исследовать небо, подлунное пространство, Африку, Полинезию и Южный полюс? Нет, по крайней мере, сейчас он мог в любой момент ускользнуть через заднее окно, выходившее во двор, куда никто не мог войти. Без сомнения, он находился под электронным и фотографическим наблюдением. Но его наблюдателями были правительственные чиновники, и их отчеты были совершенно секретными. Они не верили тому, что сами сообщали своему руководству. Некоторые вещи настолько невозможны, что признать, что вы в них верите, значит признать, что вы сумасшедший. Между ними был предохранитель осознания реальности, который легко перегорел

в людях.

Почему Пол Эйр стал великим целителем? Почему он подчинил себя скучному делу, хотя знал, что никогда не достигнет своей цели — уничтожение всех физических болезней в человечестве? Во-первых, у него не хватило бы духу прогнать больных. Во-вторых, он становился богатым, и ему нужно было много денег, чтобы платить за безбедное существование своей дочери и бывшей жены. И последнее, но отнюдь не менее важное: будучи существом в человеческом облике, он был удовлетворен вниманием и обожествлением. Он был самым важным человеком на планете. Важным в том смысле, о котором общество даже не подозревало. Если бы они это понимали, то попытались бы разорвать его на части, в буквальном смысле. Пол Эйр содрогнулся, когда подумал об этом, но не потому, что толпа добьется успеха, а потому, что они этого не сделают. Его тошнило при мысли о сотнях, а может быть, и тысячах людей, падающих замертво. До сих пор было несколько известных смертей его потенциальных убийц, и объяснялись они как вызванные волнением в сочетании со слабым сердцем. Хотя ни у кого из нападавших не было проблем с сердцем. Обществу были преставлены поддельные

истории болезни. Патологоанатомов, которые делали вскрытия, не нужно было подкупать, чтобы подтвердить это. Они всегда находили сердце разорванным, даже когда оно выглядело здоровым.

Пол Эйр некоторое время читал после еды, заказанной в лавке деликатесов. Не было необходимости дегустировать пищу; отравитель умер бы прежде, чем смог прикоснуться к еде. Потом Пол Эйр отложил книгу в сторону и полчаса смотрел на телевизор, затем выключил его. Какими тривиальными казались даже его любимые программы. Чушь и вздор, как любил говорить его друг Тинкроудор.

Тинкроудор…

Был ли он другом?

Когда Эйра держали в тюрьме, Тинкроудор помогал ему. В то же время Тинкроудор думал о том, как убить его. Но это, как объяснил Тинкроудор, он делал потому, что на самом деле не верил, что Пола Эйра можно убить. Кроме того, подобный интеллектуальный вызов оказался для него слишком тяжел. Он должен был попытаться.

Пол Эйр подошел к телефону и позвонил на коммутатор внизу. Он ждал, а звонок все звенел и звенел. Сколько человек подслушивало? По

меньшей мере дюжина американских правительственных агентств и полдюжины иностранных агентов. Тролли подслушивают убийцу троллей. Беспомощные не в силах сделать что-либо, кроме как слушать, а затем писать отчеты.

Наконец ответил пьяный мужской голос.

— Говорит Лео Квикег Тинкроудор, поэт — лауреат премии «Бусирис».

Если неосторожный посетитель спрашивал, что означают эти буквы, Тинкроудор отвечал: «Бусирис, мудак, творения».

— Прекрати кривляться, — сказал Эйр. — Я хотел бы поговорить с тобой.

— Ты не сердишься на меня?

— Я просто хочу поговорить, если, конечно, ты достаточно трезв.

— Я был прав, — сказал Тинкроудор. — Скажи своим гориллам, чтобы не стреляли.

— Они здесь только для того, чтобы наблюдать за мной, а не для того, чтобы защищать меня, — объяснил Пол Эйр. — Ты мог бы прийти с базукой, и они только попросили бы тебя лишь предъявить удостоверение личности…

И это не было большим преувеличением.

Глава 4

ЕЩЕ ДО ПРИБЫТИЯ Тинкроудора из вестибюля позвонил еще один посетитель. Это был доктор Ленхаузен, правая рука президента Соединенных Штатов. Пол Эйр был удивлен, хотя и не очень. Ленхаузен и раньше наносил ему неожиданные визиты, тайно прилетал из Вашингтона, разговаривал с ним около часа, а затем улетал так же быстро, как и приезжал.

Через минуту Пол Эйр впустил Ленхаузена. Четверо мужчин стояли на страже: двое у двери, один у лифта и один в конце коридора, возле пожарной лестницы…

Ленхаузен был высоким темноволосым мужчиной с легким немецким акцентом. Он махнул рукой Полу Эйру и поинтересовался:

— Как поживаете?

— Никогда не болею и постоянно занят, — ответил Пол Эйр. — А вы?

— Зависит от того, что вы мне скажете, — пожал плечами Ленхаузен. — Я здесь, чтобы попросить вас пересмотреть свое решение. Президент сказал мне, что надеется, что вы вспомните, что вы американец.

«Как бы я обрадовался этим словам всего год назад! — подумал Пол Эйр. — Сам президент просит меня выполнить свой долг, защитить свою страну».

— Я никогда не говорил «нет», — ответил вслух Пол Эйр. — Я думал, что ясно дал это понять. Я сказал, и вы были там и знаете это, что мне не обязательно жить в Вашингтоне или получать советы от кучки генералов и бюрократов. Я буду защищать эту нацию, но это будет происходить автоматически.

— Да, мы это понимаем, — вздохнул Ленхаузен. — Но что, если президент считает, что необходимо нанести ядерный ракетный удар до того, как это сделает другая страна?

— Не знаю, — ответил Пол Эйр. Он начал расхаживать взад-вперед и потеть. — Я неоднократно пытался объяснить, что у меня нет контроля над своим даром, над этой силой. Все, что представляет для меня непосредственную угрозу, кажется, умирает. Атомная война угрожала бы мне, даже если бы атака была начата из этой страны на другую. Враг, конечно, ответил бы, и это была бы угроза. Чтобы остановить ее, я или то, что работает внутри меня, может решить, что человек, который дает приказ атаковать, должен упасть

замертво, прежде чем он сможет произнести это слово. Это означает, что тот, кто отдаст приказ, попытается нажать на кнопку, умрет. Значит президенту нет необходимости отдавать приказ о нападении. Нападение, которое он будет пытаться предотвратить, никогда не произойдет. Вражеский руководитель умрет прежде, чем президент успеет отдать приказ. И его преемник умрет, и так далее. Таким образом, у президента нет никакой необходимости отдать свой приказ. Вы понимаете, что я имею в виду? Видит Бог, я уже говорил вам об этом… И я нахожу этот визит ненужным и раздражающим. Кажется, я не могу донести правду до вас, людей в Вашингтоне…

Ленхаузен с горечью сказал:

— То, что вы сделали, сводит на нет наш атомный потенциал. Мы не можем его использовать, и это ставит нас в невыгодное положение по сравнению с государствами, которые обладают большим потенциалом в обычных средствах ведения войны. И Советский Союз, и Китай могут собрать гораздо большие армии, чем мы. Военно-морской флот Советского Союза больше нашего. Россия может захватить Европу в любой момент, и мы ничего не сможем с этим поделать. И Китай может захватить Азию. Что тогда произойдет?

— Не знаю, — не ответил Пол Эйр. — Возможно, я — вернее, существо во мне — решу, что подобное вторжение непосредственная угроза для меня. Тогда я смогу убить китайских или российских лидеров прежде, чем они успеют отдать приказ атаковать. Я не знаю. Я знаю, что он, вероятно, решит, что вторжение в эту страну любой державы будет непосредственной угрозой для меня. В таком случае никакого вторжения не будет.

— Но такая участь может постигнуть кого-то из Старого Света, и вы ничего не сделаете, — вздохнул Ленхаузен.

— Вы говорите обо мне как о предателе, — очередной раз вздохнул Эйр. — Разве я не смог убедить вас, что я абсолютно не контролирую ситуацию? Во всяком случае, вы сказали мне, что иностранные правительства узнали обо мне и не будут нападать, потому что боятся, что их руководители упадут замертво, если они закажут такое. Не то чтобы они собирались это делать. Все это гипотетично.

— Когда-то вы были бунтовщиком. Но вы покинули своих товарищей, когда организация была объявлена незаконной. Я бы подумал…

— Я не тот Пол Эйр…

— Иногда мы задаемся вопросом, являетесь

ли вы вообще Полом Эйром, — в свою очередь вздохнул Ленхаузен.

Эйр рассмеялся. Он знал, о чем думает Ленхаузен. Тинкроудор объяснил ему, что некоторые высшие чины должны быть убеждены, что он не сможет превратиться в существо, чуждое Земле. А потом некоторые из них пришли к выводу, что настоящий Пол Эйр убит, а его место заняла неведомая тварь. Это существо, «это чудовище из космоса», явилось, чтобы захватить Землю или, по крайней мере, разрушить ее, чтобы та была беспомощна перед вторжением, которое последует…

«Научно-фантастические рассказы и фильмы ужасов приучили людей думать именно так, — сказал Тинкроудор. — Я и сам думал о том же, но внимательно наблюдал за тобой. Ты действительно настоящий Пол Эйр. По крайней мере, половина оригинала. Ты можешь быть одержим, но не полностью».

Впервые Пол Эйр полностью осознал, что он единственный свободный человек на планете. Он мог делать все, что хотел, и никто не мог его остановить. Он мог переехать в любую страну по своему желанию, и власти не смогли бы его остановить. Ни США, ни страна, в которой он хотел

бы жить, ничего не могли сделать. Он мог жить, где хотел, воровать, открыто грабить, насиловать и убивать, и ему ничто не помешало бы.

Только, к счастью, у него не было ни малейшего желания делать что-либо из этого. Но что, если у кого-то другого был такой же опыт? Что, если какой-нибудь безнравственный человек столкнулся бы с этим существом в лесу рядом с фермой?

И что это был бы за мир, если бы у каждого были сверхъестественные силы? Никто не смел бы угрожать кому-то еще. Но как насчет ссоры, в которой оба считали бы себя правыми? Это была обычная ситуация. Умрут ли оба спорщика? Нет, если только каждый из них не намеревался причинить физический вред другому. А это означало, что умрет тот, кто использует насилие.

— Нам не о чем говорить, — заявил Пол Эйр. — Я устал от того, что ты и другие правительственные чиновники меня прослушивают.

«В том числе и президент», — подумал он. Но Пол Эйр не мог заставить себя сказать это. Он все еще испытывал некоторое благоговение перед главой исполнительной власти.

— Я не хочу вас больше видеть или слышать о вас, если только в стране не наступит чрезвычай-

ное положение. И я сомневаюсь, что даже тогда в этом есть какая-то необходимость.

— Надеюсь, что любая чрезвычайная ситуация рассосется прежде, чем вы осознаете, что происходит, — заметил Ленхаузен. — Некоторые фанатики утверждают, что это так!

— Я публично отверг все эти идеи, — напомнил Пол Эйр. — Я не виноват, что люди не обращают внимания на то, что я говорю.

Он посмотрел на свои наручные часы.

— У меня назначена встреча. Так почему бы вам не уйти сейчас?

— Вы же — гражданин… — попытался пристыдить его Ленхаузен и остановился. Глаза за толстыми стеклами очков выпучились, лицо покраснело.

Он сглотнул, достал носовой платок, вытер очки и лоб, снова надел очки и попытался улыбнуться. Он крепко сжал платок в кулаке.

— Вы в безопасности, если не попытаетесь наброситься на меня, — мягко сказал Пол Эйр.

— У меня и в мыслях такого не было, — отмахнулся Ленхаузен. — Очень хорошо. Если вы не выполните свой долг…

— Не могу, не хочу…

— Результат будет тот же. Но, как я уже начал

говорить, президент хотел бы получить от вас хотя бы одно заверение. Выборы через год, и…

— И вы хотите, чтобы я пообещал, что не буду баллотироваться в президенты? — поинтересовался Пол Эйр. — Но я сказал ему, что у меня нет таких амбиций.

— Люди, как известно, меняют свое мнение.

— Я не заинтересован. Тогда я бы все испортил. Было время, когда я был достаточно невежествен, чтобы поверить, что могу добиться большего, чем кто-либо другой в Белом доме. Но с тех пор мои горизонты расширились. Я все еще невежествен, но не настолько.

— Мы знаем, что к вам обращались демократы, Социалистическая рабочая партия, коммунисты и мессианисты. Если вы…

— Если бы я и баллотировался, то как республиканец, — объявил Пол Эйр. — И первое, что я бы сделал — избавился от тех людей, которые пытаются меня убить. Вы были бы среди них…

Ленхаузен побледнел и сказал:

— Я это отрицаю!

— Подозреваю, что человек, который пытался убить меня сегодня утром, был одним из ваших агентов. Этот антихрист действовал, чтобы люди думали, что он религиозный фанатик…

— У вас развивается паранойя, — проворчал Ленхаузен.

— Параноик — тот, у кого нет рациональных оснований подозревать преследование. Я знаю, что вы пытались убить меня.

— Убийство подразумевает политический мотив, — сказал Ленхаузен. — Правильное слово — «ликвидация».

— У вас есть политические мотивы, — заверил своего оппонента Эйр. — Но это не основной мотив… До свидания, мистер Ленхаузен.

Ленхаузен поколебался, а затем медленно вытащил из кармана пиджака бумагу.

— Не могли бы вы подписать заявление о том, что вы не будете кандидатом в президенты?

— Нет, — покачал головой Пол Эйр. — Моего слова достаточно. До свидания.

Глава 5

— ТЫ ВПЕРВЫЕ СПРОСИЛ меня о моем втором имени, — удивился Тинкроудор. — Неужели любопытство никогда тебя не мучало?

— Я всегда думал, что твое имя индейского происхождения, что в тебе течет индейская кровь и ты не хочешь этого признавать, — сказал Пол

Эйр.

— У меня есть индейские предки родом из Майами, — заверил Тинкроудор. — Но я нисколько не стыжусь этого. Квикег, однако, считается полинезийским именем, хотя в нем, конечно, нет того мелодичного наполнения гласными, которое отличает все полинезийские слова. Думаю, Мелвилл все выдумал. В любом случае мой отец много читал, даже если он был инженером-электриком. Его любимой книгой был «Моби Дик», а любимым персонажем — гигант-гарпунщик Квикег. Поэтому он назвал меня в честь сына короля острова Коковоко. Его нет ни на одной карте. Истинных мест никогда не бывает на картах. Так говорил Измаил. Если бы у меня был хоть какой-то выбор, я бы взял себе имя Таштего. Этот индеец до последнего держался за свою работу, прибив непокорный флаг Ахава, даже когда «Пекод» затонул, и, поймав крыло небесного ястреба между лонжероном и своим молотом, унося с собой в ад живой кусочек рая. Прекрасный символ, хотя и слишком очевидный, чтобы кому-то, кроме Мелвилла, это сошло с рук… С другой стороны, мой отец, вероятно, знал, что делал, когда навешивал ярлык на мой характер еще до того, как он сформировался. Квикег много думал о смерти, и

я — тоже. Квикег приготовил себе гроб, когда был еще жив, и я тоже. Гроб был из твердых сортов дерева и украшен множеством странных символов. Мой гроб — разведенный спирт. Мы оба плаваем живыми в наших гробах. — Тинкроудор налил себе еще, понюхал и сказал: — Вот лучшее, что предлагает мир и Кентукки.

— Давай-ка вернемся к нашей теме, — остановил приятеля Пол Эйр.

— Единственный реальный субъект — это я сам, и я никогда не откажусь от этого… Так на чем мы остановились?

— Экстраполирую… Я хочу, чтобы ты бросил пить. Ты сказал, что твоя память и твои творческие способности стали намного лучше с тех пор, как ты начал встречаться со мной. Твое пьянство привело к повреждению мозга, и я обратила необратимое вспять. И все же ты продолжаешь разрушать свой мозг.

— Почему бы и нет, пока я все еще могу исцелиться, войдя в твое святое присутствие? Когда ты уйдешь навсегда, я погибну.

— А ты думаешь, я уйду?

— Я бы посоветовал тебе уйти немедленно. Я не имею в виду завтрашнее утро. Я имею в виду прямо сейчас. Ты остаешься на Земле только по

двум причинам. Во-первых, ты не можешь избавиться от чувства вины, потому что ты бросил бы свою семью и всех больных людей на этой планете… Забудь ты о них… Они все равно умрут, и ты никогда не сможете вылечить их всех, лишь небольшую часть. Земля порождает больных быстрее, чем дюжина Пол Эйров могла бы их вылечить. Во-вторых, ты можешь оставаться здесь тысячу лет, и никто к тебе не прилетит. Так что отправляйся к звездам и поищи там, — так что Тинкроудор проглотил три унции, причмокнул губами и сказал: — Есть еще две причины… В-третьих, пусть человечество идет своим путем. Пусть оно само выбирает свою судьбу, какой бы несчастной она ни оказалась. Человек не должен был быть летающей тарелкой. В-четвертых, если вы будете болтаться вокруг этой планеты, тебя неизбежно убьют.

Эйр слегка вздрогнул и сказал:

— И как именно они могли бы это сделать?

— Не знаю, но они что-нибудь придумают. Глупость человека превосходит только его изобретательность. Ты бросил вызов нашему выживанию, и ментальные центры по всему миру работают по три смены в день, изобретая средства для твоего уничтожения. Кто-то придумает

решение, и ты погибнешь.

— Я не знаю, как это можно сделать.

— Тебе даны божественные силы, но твое воображение по-прежнему неразвито. Конечно, сам ты ничего не придумаешь.

— А ты сможешь?

— Не смотри на меня так. Я не представляю для тебя опасности. Не сейчас. Я перестал придумывать способы… По крайней мере, я никому о них не рассказываю…

— Хорошо, — кивнул Пол Эйр. — Меня тошнит от всего этого. Нет никакой радости ложиться спать, зная, что тысячи людей ждут в номерах мотеля, чтобы увидеть меня утром, что еще тысячи едут, чтобы увидеть меня на следующее утро. И все же я чувствую, что бедняги нуждаются во мне, и моя совесть будет мучить меня, если я брошу их. Но я также чувствую, что пренебрегаю своим главным долгом. Я должен быть там, искать кого-то, с кем я смог бы стать настоящей парой. Кто-то или что-то, с кем я могу разделить экстаз, который вы… человеческие существа, я имею в виду… никогда не сможете познать.

— Одно — это долг, другое — радость. Вот что тебя мучает, — сказал Тинкроудор.

— Мой долг, — сказал Эйр.

— Ты говоришь так, будто ты нация, а не человек, — вздохнул Тинкроудор.

— Я мог бы выносить еще кого-то внутри себя.

— Смог бы, — отмахнулся Тинкроудор. Выглядел он так, словно удивление отрезвило его. — Ты мог бы носить в себе миллионы гамет-блюдец. Пролети над населенным городом, выпусти желтое облако, и сотни, может быть, тысячи станут оплодотворенными или спермифицированными… Называй как хочешь. И это означало бы конец человеческой расы. Во всяком случае, так, как мы это знаем.

— Вот этого я и не понимаю, — вздохнул Пол Эйр. — Ради эффективности гаметы должны быть распределены среди плотной популяции. Почему желтое облако было выпущено, когда я был единственным, на кого это могло повлиять?

— По логическим причинам мы должны предположить, что это был несчастный случай. Ты выстрелил в то, что, как тебе показалось, было перепелкой, но это был… э-э… человек с блюдцем. Ты ранил его и вывели гаметы раньше времени.

— Да, но почему я не упал замертво, прежде чем выстрелить? А как насчет ее ран? Когда я увидел ее позже, в другой форме, у нее не было даже шрама.

— Сначала втрое… Она, и я полагаю, ты тоже, обладает замечательными свойствами самовосстановления. Если ты можешь исцелять других, почему бы не исцелить себя? Что касается ее уязвимости, то, возможно, форма блюдца не обладает убийственной силой, которой обладает человеческая форма. Гамета, которая слилась с тобой, обладает способностью защищать себя, пока она находится в хрупкой форме, то есть в форме человека. У взрослой формы, или, по крайней мере, у формы блюдца, этого нет.

Почему, я не знаю… — Тинкроудор сделал еще один глоток, а затем продолжал: — Но, возможно, ты еще не взрослый. Или, возможно, у взрослого просто нет способности убивать мыслью, или как бы там оно ни происходило. Помни, когда твоя прародительница бежала с тюремного двора, а вокруг нее летали пули из пулеметов, охранники, стрелявшие в нее, не упали замертво. Это — важно.

Эйр постарался, чтобы в его голосе не прозвучала тревога.

— Тогда почему они не попытались убить меня, когда я был в форме… блюдца?.. Должно быть, они следят за моим окном, выходящим на задний двор. Они видели, как я входил и выходил

из него, и они отслеживали меня с помощью радара. Я знаю это, потому что питался волнами их радара.

— Что ты хочешь этим сказать? Их приборы пропускали каждую вторую волну? Они не получили «эха» сигнала?

— Не знаю. Но они, должно быть, подумали, что с их оборудованием что-то не так.

Тинкроудор рассмеялся.

— Они не стреляли в тебя, потому что им никогда не приходило в голову, что тебе может не хватить сил защищаться, когда ты находишься в форме тарелки.

— Значит, ты считаешь, никто об этом не подумал?

Тинкроудор поколебался и ответил:

— По крайней мере, у меня есть такие подозрения.

— И ты никому о них не говорил?

— Никому…

Пола Эйра не беспокоило, что за их разговором следят. Ему было все равно, что телефоны прослушиваются, но он не мог вынести, чтобы его подслушивали, когда он разговаривал с женщинами, которые навещали его. Два раза в день приходили двое мужчин и проверяли квартиру

на наличие электронных жучков, а вечером он сам проверял ее с помощью оборудования, предоставленного ФБР.

— Перекреститься, превратиться и понадеяться умереть? — сказал Эйр, ухмыляясь.

— Я боюсь, что вскоре умру, — вздохнул Тинкроудор.

Глава 6

ВО ВРЕМЯ ГОНОК в качестве крошечного спутника Земли, сидя или гуляя по своей квартире, Пол Эйр пытался связаться с существом в своем мозгу. Тишина была единственным ответом. Тишина и пустота. Он не чувствовал, что в его теле сокрыт кто-то еще. Он был один. Единственный.

И все же он знал об обследовании, которое провел ныне покойный доктор Крокер. Первое из них показало, что его кровь и другие ткани кишат микроскопическими существами. Они больше всего походили на желтые кирпичики с закругленными краями. Затем они исчезли, предположительно выделившись из организма, за исключением одного, который обосновался в его мозгу.

Именно этот организм давал ему силы убивать,

лечить и превращаться. Это, по словам Тинкроудора, была своего рода гамета, аналогичная человеческой яйцеклетке. Пол Эйр, хотя и состоял из триллионов клеток, был еще одной гаметой, сперматозоидом. Гаметы-блюдца слились с ним, чтобы создать новую личность. Однако слияние не обязательно было физическим. Оно могло быть исключительно психическим. Или это может быть психосоматическое заболевание.

Какой бы ни была последняя стадия, она, казалось, несла в себе воспоминания предков и, казалось, передавала их Полу Эйру через сны. Снова и снова, пока он спал, ему снился мерцающий зеленый город — купола, много башен, далеко за полями красных цветов. Иногда он видел существ, похожих на леоцентавров — наполовину людей, наполовину львов. Иногда он был самкой леоцентавра, и он или она спаривались. Иногда он был в форме блюдца и путешествовал между звездами, двигаясь по смятой ткани пространства и питаясь светом и другими формами энергии…

В последние шесть месяцев эти сны прекратились. Означало ли это, что существо больше не было отдельным, а слилось с ним? И если так, то почему он, Пол Эйр, чувствовал себя неизменным, полностью человеком? То есть он чувствовал это,

когда был в двуногой форме. Находясь в форме блюдца, он становился полностью нечеловеком, хотя, если бы кто-то мог спросить его, как его зовут, он бы ответил, что это Пол Эйр.

Тинкроудор сказал, что это неправда, Пол Эйр изменился. Теперь он обладал проницательностью и состраданием, которых ему не хватало раньше. Но это могло быть связано с потрясением от событий, которые он пережил. Это поколебало те качества, которые всегда существовали в нем, но которые он по какой-то причине, вероятно, еще с детства, подавлял.

— Возможно, сущность доминирует, когда используется форма блюдца, — рассуждал Тинкроудор. — Тогда инопланетянин захватывает твой разум, хотя одержимость настолько сильна, что ты думаешь, что контролируешь ситуацию. Когда ты в человеческой форме, ты доминируешь, хотя очевидно, что сущность использует свои силы для вашего совместного выживания. Однако это могут быть всего лишь потенциальные возможности, которые всегда существовали в человеке, но о которых знали или могли использовать лишь очень немногие. Примеры: так называемые знахари в так называемых примитивных сообществах. Возможно, как я уже

говорил, что эти силы проявляются только тогда, когда ты находишься в человеческой форме. Когда ты в форме блюдца, ты полагаешься на скорость, чтобы выжить. Единственный способ выяснить это — сделать тест. И ты не можешь этого сделать, потому что, если ты бессилен, тебя убьют. Знания в этом случае не стоили бы такой цены.

Это была дилемма, которая занимала большую часть человеческого времени Пола Эйра. Когда он мчался по воздуху или прямо над ним, когда мчался по полям или проносился над городами, он не думал об этом. Ему было слишком хорошо, чтобы позволить земным заботам проникнуть в его сознание. Правда, эта радость была смягчена тупой грустью оттого, что она не нашла себе пару. Но это вторжение произошло только тогда, когда рассвет угрожал среднему западу, и он вернулся домой.

В тот вечер, после того как Тинкроудор ушел, Пол Эйр вылетел из окна и взмыл вертикально вверх. Впервые он решил покинуть подлунное пространство и посетить саму Луну. Возможно, там мог быть кто-то из его вида, хотя что-то подсказывало ему, что шансы невелики. Это было легкое и быстрое путешествие. Ему не мешали

сложные проблемы орбитальных вычислений и расхода энергии. Все, что ему нужно было сделать, это направиться в сторону Луны, обогнать ее, сопоставить свою скорость с ее, увеличить или уменьшить свою скорость, и кружить вокруг нее, пикировать вниз, снова взлетать и устремляться к поверхности. Весь полет, если верить часам в его квартире, занял три часа и четыре с половиной минуты. И целый час из них был потрачен на изучение поверхности Луны.

В следующую субботу и воскресенье Пол Эйр посетил Марс и оба его спутника, Деймос и Фобос.

В последующие выходные он посетил Венеру, но недолго пробыл в ее тяжелой, насыщенной облаками атмосфере. Когда он пронесся сквозь нее, сражаясь с титаническими ветрами и крошечными частицами, природу которых он так и понял, но обнаружил что-то живое далеко-далеко внизу. Оно было темным и огромным, смутно веретенообразным, и излучало опасность. Пол Эйр метнулся вверх в порыве скорости. Его паника не утихала, пока он не поднялся высоко над атмосферой. Вернувшись в свою квартиру, он принял человеческий облик, и плакал, и рыдал. Какими бы ни были его собственные силы, он рано или поздно будет пойман и уничтожен каким-то

ужасным способом если бы не отреагировал так быстро, эта тварь проглотила бы его, но не убила бы. Часть Пола Эйра страдала бы в аду целую вечность, прежде чем в его теле угасла бы последняя искра жизни.

Он редко нуждался во сне, но этим утром был измотан, страшно устал. Он лег на кровать, не надевая пижамы, и заснул, хотя сон его оказался тревожен. Дважды он просыпался со стоном ужаса, когда что-то черное и бесформенное пыталось втянуть его в себя.

Страх тяготил его в последующие дни и ночи. Впервые он не чувствовал себя в безопасности, находясь в форме блюдца. Если подобное создание могло существовать на Венере, что он мог найти на Юпитере или Плутоне?..

Однажды субботним утром Пол Эйр принял решение. Он покинет Землю и человеческую расу и отправится искать себе подобных. Он нуждался в общении, которое они могли бы обеспечить, хотя понятия не имел, какова будет его природа. Что бы это ни было, оно, несомненно, должно было превосходить то, что могут дать ему мужчины и женщины. Или, если быть справедливым, то, что он им дал. Что-то в нем делало его одиночкой, каким бы общительным он ни казался другим. У

него не было настоящих друзей, людей, с которыми он чувствовал бы себя комфортно и близко. Его попытки завязать разговор были нелепыми и скучными. Он чувствовал себя непринужденно только рядом с машинами, что объясняло, почему они отнимали у него так много времени или почему он уделял им так много времени. Он мог справиться с ними, мог проанализировать их неисправности и исправить их. Но его знакомые, коллеги по работе, его семья оставались загадками. Пол Эйр был не в ладах с ними, и тот, с кем он был наиболее близок, оказался незнакомцем, которого он возненавидел и который ненавидел его. Если бы у него была его нынешняя проницательность, когда он женился на Мэвис, он мог бы сохранить брак и даже быть счастлив. Но теперь было уже слишком поздно.

Возможно, его встреча со сфинксом-блюдцем в лесу не была случайностью. Может быть, она, скорее, почувствовала, что он может принять нечеловеческую форму легче, чем большинство людей, которых она обследовала. Его корни были неглубокими и в рыхлой почве; быть оторванным от человечества не было бы для него трудным или слишком болезненным.

Слишком много «может быть». А он хотел быть

уверенным и знать все точно, и единственный способ получить это для него состоял в том, чтобы отправиться к тем, кто мог предоставить ему факты.

Итак, приняв решение, он взял воскресную утреннюю газету и увидел то, что снова заставило его передумать.

Он прочитал статью на второй странице раздела «А», а затем позвонил в газеты Чикаго и Сент-Луиса. В них муссировалась все та же история, но более подробно, чем в местном журнале.

ЛЕТАЮЩАЯ ТАРЕЛКА ЗАМЕЧЕНА В РАЙОНЕ ЛОС-АЛАМОСА

НЛО ПРИЗЕМЛЯЕТСЯ В НЬЮ-МЕКСИКО

РАДАР ЗАСЕК, А ОЧЕВИДЦЫ ВИДЕЛИ ПРИШЕЛЬЦА ИЗ КОСМОСА?

Вчера, 1 апреля День дурака), в 5:32 вечера по восточному времени, пассажиры автобуса, полного правительственных служащих, видели…

…радар обнаружил и удерживал на своем экране в течение двух минут НЛО…

…пилот сообщает, что видел, как объект приземлился на вершине холма…

…официальные лица отказываются давать какие-либо комментарии…

Эйр прочитал все об «НЛО условной формы», а затем включил телевизор. Только в пятичасовых новостях было какое-либо упоминание об НЛО, и это был краткий комментарий диктора, который, очевидно, думал, что это мистификация. Но там была фотография размытого объекта, предположительно сделанная охранником рядом с испытательным полигоном. В конце 1960-х годов здесь проводились эксперименты с водородной бомбой.

Пол Эйр несколько раз подумывал о том, чтобы улететь сразу, хотя было уже светло. Какая теперь разница, если он нарушит свою клятву не менять форму, пока солнце не сядет? Скорее всего, он не вернется, и какое ему дело до того, что его могут увидеть прохожие? Пусть говорят. В любом случае эта история не увеличит количество внимания к нему.

Но он не последовал своему порыву. Он мог не найти ее (почему он думал о ней, когда это мог быть другой мужчина?). Если бы она улетела, а на Землю заглянула ненадолго, ему пришлось бы отправиться за ней. Но он может и не найти ее. Он никак не мог определить, в какой сектор пространства она отправилась.

Однако казалось маловероятным, что она оста-

нется здесь. Возможно, она была готова «родить» облако гамет и поэтому искала планету с разумными существами. Но если это так, то почему она выбрала отдаленный и малонаселенный лос-аламосский полигон для атомных испытаний? Неужели ее привлекли какие-то остатки радиации?

Как только наступит ночь, он улетит. Небо начало заволакиваться тучами, и синоптики предсказали дождь. Тогда будет достаточно темно, чтобы он мог улететь; он помчится так быстро, что человеческий глаз не распознает в нем ничего, кроме светлой полосы. Человеческий разум классифицировал бы его как иллюзию, временную аберрацию глаза. Хотя какая разница, что они думают?

За несколько минут до того, как солнце коснулось горизонта, он позвонил Тинкроудору.

— Привет, Лео. Это я — Пол Эйр. Я собираюсь улететь.

Последовала пауза, а затем Тинкроудор странным голосом сказал:

— Послушай, Пол, я…

— Не бери в голову. До свидания.

— Но, Пол!..

Пол Эйр повесил трубку и разделся. Зазвонил

телефон. Тинкроудор, вероятно, перезванивал, но у него не было ничего, что нужно было бы услышать. Он сказал, что долг Пола Эйра — служить человечеству (несмотря на то, что он много раз возражал против этого). Он напомнил бы Полу Эйру, что именно его присутствие гарантирует защиту от атомной войны или даже крупномасштабной обычной войны. Тинкроудор бы так и сделал… какая разница, что он скажет?

И поэтому он скользнул в свою другую форму, как рука в перчатку, и бросил эту перчатку в ночь.

Глава 7

КРУГ ЗА КРУГОМ над тем, что он считал северным Нью-Мексико, он мчался. Земля представляла собой движущийся узор из треугольников и кубов, ярко светящихся, разноцветных, серебряные блоки холмов подталкивали каштановые треугольники вокруг них. А потом вдали, крошечный, вспыхнул огонек, похожий на светляка. Вкл., выкл. Вкл., выкл… Тире, точка… Тире, точка… Более длинные импульсы казались ему алыми нотами, написанными на лазурной странице, такой бледной, что он мог видеть за ней неясные

геометрические формы земли. Более короткие импульсы походили на канделябры с шестью рожками, окутанные серебряным пушком.

Они не вызвали у Пола Эйра шока узнавания. Они оказались не такими, как он ожидал. Конечно, это не были излучения его «матери», существа, которое пронеслось мимо него в космосе, направляясь к планете, вращающейся вокруг какой-то далекой звезды. Но потом он увидел, как она движется, и очертания ее менялось со скоростью. Нет, на самом деле она не изменилась, это его восприятие ее менялось, когда она изменила скорость.

«Она ждет его, — взволнованно подумал он. — Но почему где-то там? Почему она не разыскала его в его квартире?»

Пол Эйр мог «видеть» во всех направлениях и поэтому воспринимал свой полет как нечто синее. Среди этой синевы были маленькие частицы зеленого цвета, переходящие в фиолетовый. Это указывало на то, что он не просто летел — он мчался искрясь от восторга.

Импульсы стали быстрее, слились в исчезающие яйцевидные тела, а затем превратились в многолучевую звезду с желтым центром. Если бы Пол Эйр был в человеческом облике, он знал, что

увидел бы просто форму блюдца, светло-серого цвета, два фута в диаметре, четыре дюйма в самой толстой части, в центре. Он лежал посреди равнины шириной более трех миль; колеблющиеся полосы пурпура были кактусами.

Или будет? Многолучевая звезда с желтым центром. В этой форме и цвете было что-то знакомое или, по крайней мере, должно быть знакомым.

Куда?

Внезапно он все понял.

Он рванул с места, но было уже слишком поздно.

Теперь был только один свет, ослепительный бушующий свет солнца. Высвобожденная атомная энергия, превращение материи в энергию…

Даже когда он помчался прочь и языки лизали его, он думал: «Как они это сделали?»

Глава 8

ОН ИЗБЕЖАЛ ГИБЕЛИ, но не остался невредимым. Огненный шар никогда не охватывал его, и Пол Эйр на какое-то время потерял контроль, переворачиваясь снова и снова, падая, врезаясь во что-то, рикошетя высоко, восстанавливая контроль, ускоряясь. Воздух вокруг него становился

черным, что означало, что он сам был близок к тому, чтобы сгореть.

А потом он вернулся домой, смертельно раненный.

Нет, он не мог вернуться в свою квартиру. Там не было никого, кто мог бы гарантировать, что его смерть не окажется бесполезной.

Он не сможет снова превратиться в человека. Это означало, что он не мог узнать, как они обманули его. Но будет по крайней мере один человек, который получит наследство.

Их может быть несколько. Он миновал множество городов и одиноких фермерских домов. За ним тянулся след из крошечных, но ярко-золотистых капель — раковин наутилуса. Когда он был человеком, они были похожи на кирпичики. Они вываливались из разорванной оболочки его самого, и большинство из них сбежало до того, как он осознал их. Затем Пол Эйр сжал что-то внутри себя и заблокировал то немногое, что у него осталось. Он берег остатки.

Вскоре, когда он подумал, что у него нет сил и он должен потерпеть неудачу, замаячила шестиугольная фигура, и он прошел сквозь нее. Это было окно, главное в спальне Тинкроудора. Звук разбитого стекла и тяжелого предмета, врезав-

шегося в пол, врезавшегося в стену, должен был бы привлечь внимание Тинкроудора, если бы он был дома. Пол Эйр надеялся, что его друг дома. Даже если бы это было не так, он нашел бы здесь Эйра и прикоснулся бы к нему, и по всей комнате и над ним самим были бы гаметы.

Поверхность под Полом Эйром задрожала, пошла длинными плоскими волнами серебра. Потом послышалея звук приближающихся шагов. Затем в дверном проеме, который для него был радужной оболочкой, появилась фигура. Она была пирамидальной формы с большим, похожим на глаз выступом на вершине. Кометы, похожие на кометы из бенгальского огня Четвертого июля, брызнули из верхней части глаз. Это были слова взволнованного человека, и этим человеком был Тинкроудор. В центре глаза была светящаяся зеленым форма человеческого мужского начала. Она несла на себе в центре крест, образованный двумя формами, напоминающими бутылки. «Как уместно для Тинкроудора», — подумал он. Больше ни у кого во вселенной не было такой специфической формы.

«Прощай, Тинкроудор, — подумал он. — Передай мой дар дальше». Пол Эйр смутно видел существо с нижней частью тела льва, красивым

торсом и головой женщины и, еще более смутно, красные поля и зеленый город. А потом они тоже обесцветились.

Глава 9

— ПРЕЗИДЕНТ НЕ ХОТЕЛ хвалить вас ни письмом, ни по телефону. Почему, я не знаю, так что не спрашивайте меня, — объявил чиновник. — Мне просто сказали передать сообщение устно.

Тинкроудор стоял и смотрел в окно гостиной. Мужчина сидел на диване с чашкой кофе в руке. Морны, жены Тинкроудора, не было дома. Чиновник убедился в этом еще до того, как зашел в дом писателя…

На заднем дворе протянулся пустырь. Там рос высокий и очень старый платан. У его корней было ровное место, где росла новая трава. Под травой была сокрыта твердая скорлупа, разорванная с одного конца, а внутри было гниющее мясо и черви. Только Тинкроудор знал, что она там, потому что он похоронил ее, и он не собирался никому об этом рассказывать. Он не хотел повторить судьбу Эйра.

Неужели его кровь кишела миллионами крошечных желтых кирпичиков? Возможно. Он не

собирался вызывать врача, чтобы тот исследовал его кровь. На этот раз события пойдут по-другому…

Повернувшись к чиновнику, Тинкроуд спросил:

— Значит, вы не знаете, что означает это сообщение? Тот выглядел встревоженным.

— Если вы попросите, я встану и уйду…

— Не парьтесь, — отмахнулся Тинкроудор. — Ну, скажите президенту, что ему не нужно беспокоиться обо мне. Не то чтобы он этого не знает. И передайте ему, что я не жалею, что он не может дать мне медаль. Я бы ее не принял. Но можете сказать ему, что, если бы я знал, что он собирается воплотить мой план, я… ну, в любом случае передайте ему от моего имени, что он большой лжец. Он обещал… — Чиновник выглядел озадаченным, а Тинкроудор продолжал: — Неважно. Просто скажите ему, что мне не за что его благодарить.

Чиновник поставил чашку и встал.

— И это все?

— Это все, что я могу рассказать или когда-либо скажу по этому вопросу. Держу пари, вам до смерти хочется все знать. Но что произошло бы, если бы вы все знали?

Брови чиновника поползли вверх. Он взял шляпу и сказал:

— До свидания, мистер Тинкроудор.

Он не предложил пожать руку писателю. Но в дверях он замешкался.

— Вы хорошо знали Пола Эйра?

— Как никто другой.

— Я спрашиваю, потому что он вылечил неизлечимый рак моей жены.

— Не знал, но понимаю, почему вы не можете сдержать свое любопытство…

— Это было так странно! — воскликнул мужчина. — Вот так исчезнуть, и никаких следов! А ведь его охраняло две дюжины агентов! И ФБР тоже! Вы думаете, что он просто сбежал? Или его выкрали иностранные агенты?..

— Мне бы не хотелось строить догадки.

— Ну, по крайней мере, мир уже никогда не будет прежним.

Тинкроудор улыбнулся и сказал:

— Вы никогда не говорили более правдивые слова.

— Такой человек, как он, никогда по-настоящему не умрет. Он продолжает жить в нас.

— Во всяком случае, в некоторых из нас…

— До свидания…

Когда чиновник ушел, Тинкроудор налил себе еще бурбона.

«Что ж, — подумал он, — Пол Эйр определенно знал, кому и как отомстить. Прилетел прямо сюда. Он не мог знать, но, должно быть, догадался, что ловушку устроил я. Но президент сказал мне, что план был отклонен. Я был рад, что он отказался. Я действительно не хотел быть ответственным за смерть Пола Эйра. Когда он находился в форме блюдца, сила убивать или лечить мыслью не действовала. Так что ловить Пола Эйра нужно было в таком виде. А приманка? Чего он желал больше всего, так это пару. Это рифмуется, не так ли? А ведь Пол Эйр сам рассказал мне, как он воспринимает вещи, и поэтому я знал, что его никогда не одурачит просто симулякр. Там должно быть что-то живое. И они устроили ему ловушку… Пол Эйр был одурачен достаточно долго, чтобы попасться. Атомная бомба, спрятанная под землей под манекеном, была приведена в действие устройством, подключенным к радару. Изображение, зафиксированное радаром, было единственным, которое могло привести к взрыву бомбы. Правительства соседних стран возмущались незаконными экспериментами с бомбами, хотя американское правительство и заявило, что

это — несчастный случай. Это было сделано во имя спасения общества. После того как главам правительств было тайно сообщено, что Пол Эйр мертв, возражения были сняты, оправдания приняты».

Радар выследил Пола Эйра в районе Бусириса, штат Иллинойс, и Тинкроудор мог себе представить, какой ужас это вызвало. Но когда останки не были найдены, было решено, или, по крайней мере, Тинкроудер предполагал, что так оно и было, что Эйр упал в реку или где-то в лесу вокруг Бусириса. Поиски прошли безрезультатно. Шли месяцы, и чиновники постепенно приходили в себя.

Была одна вещь, которая… Тинкроудор ничего не понял. У Пола Эйра не было пары, так как же он мог выпустить облако гамет? Если бы человек-блюдце выпустил их и не было бы перекрестного оплодотворения, то гаметы содержали бы только гены матери.

После долгих размышлений Тпнкроудер пришел к выводу, что это не имеет значения. Существо, с которым сливается гамета, в конце концов найдет себе пару. А если нет, то оно передаст свои гаметы другому, который, в свою очередь, найдет себе пару.

Или, возможно, не было никакого спаривания, никакого перекрестного оплодотворения, не так, как это определяла земная наука. Каждая взрослая форма порождала гаметы в своем теле, и их целью было найти и слиться с существом совершенно другого рода. Может быть, с существом совершенно иного царства, поскольку блюдца, насколько он знал, могли быть овощами. Или иными существами — не животными и не растениями.

Какова бы ни была теория, действительность оказалась еще более фантастической.

Тинкроудер подошел к окну и поднял бокал в тосте, глядя на неподвижную, невидимую массу под деревьями, произнес:

— Ты победил, Пол Эйр. Ты и тебе подобные. Скоро я стану таким же, как ты.

Дверь открылась, и вошла его жена Морна.

Он поздоровался и поцеловал ее, думая при этом о той ночи, когда он натер ей руку желтой ртутью, пока она спала. Он не знал, сделал ли он это из любви или из ненависти. Но он знал, что не хочет идти в неизвестность в одиночестве…

Безземельный пэр

Посвящается Сэмюэлю Розенбергу, который создал величайшего из когда-либо существовавших Дойлей.

Все персонажи этой книги реальны; любое сходство с вымышленными персонажами — чистая случайность.

Предисловие

КАК ВСЕМ ИЗВЕСТНО, доктор Ватсон хранил в потрепанном жестяном ящике свои рукописи, касающиеся неопубликованных дел Шерлока Холмса. Этот ящик был помещен в хранилище банка «Кокс и К0» на Чаринг-Кросс. Какие бы надежды ни питал мир на то, что эти бумаги когда-нибудь станут достоянием общественности, они не оправдались — банк разнесли на куски во время бомбардировок Второй мировой войны. Говорят, что сам Уинстон Черчилль распорядился обыскать руины в поисках шкатулки, но никаких следов ее так и не обнаружил.

Но я рад сообщить, что это отсутствие успеха не является причиной для сожаления. В свое время и по неизвестным, мне причинам шкатулку с рукописями тайно перевезли на маленькую виллу на южном склоне Сассекс-Даунс, неподалеку от деревни Фулворт. Она хранилась в сундуке на чердаке виллы. Это, как всем должно быть известно, была резиденция Холмса после того, как он ушел в отставку. Неизвестно, что в итоге случилось с величайшим сыщиком. Нет никаких записей о его смерти. Но даже если бы это было

так, многие из тех, кто все еще думает о нем как о живом человеке, не поверили бы в его смерть. Эта вера процветает, чуть ли не превратившись в религию, хотя Холмсу на момент написания этого предисловия было бы, если бы он был еще жив, сто двадцать лет.

Что бы ни случилось с Холмсом, его вилла была продана в конце 1950-х годов семнадцатому герцогу Денверскому. Шкатулку вместе с другими вещами перевезли в герцогское поместье в Норфолке. Его светлость намеревался подождать. В завещании он указал, чтобы эти рукописи были опубликованы после его смерти. Однако его светлости уже восемьдесят четыре года, и он чувствует, что может дожить и до ста. Общественность ждала слишком долго. Она всегда была готова, какими бы шокирующими ни оказались неопубликованные рассказы Ватсона... В итоге после долгих переговоров герцог дал свое согласие на публикацию всех документов, кроме нескольких, которые могут быть напечатаны, если только потомки людей, упомянутых в них, дадут свое разрешение. Я благодарен его светлости за это великодушное решение.

Услышав хорошие новости, я, как редактор, связался с британскими агентами, занимавши-

мися наследием Ватсона, и права на публикацию рассказов посчастливилось приобрести одному американскому агентству. Повесть, которая сейчас перед вами, — первое, что должно быть выпущено; другие же истории будут напечатаны чуть позже — станут выходить время от времени.

Рукопись Ватсона — это, очевидно, первый набросок.

Ряд отрывков, записанные диалоги, произнесенные участниками во время этого приключения, либо зачеркнуты, либо заменены звездочками. «Несравненный пэр» этой истории зовется Грейсток, но однажды старая привычка прорвалась, и Ватсон ненароком написал Холдернесс. Ватсон не оставил записки, объясняющей, почему он заменил один псевдоним другим. Он использовал фамилию Холдернесс в «Человек с побелевшим лицом», чтобы скрыть личность благородного клиента Холмса. Сам Холмс, говоря о дворянине, использовал псевдоним Грейминстер.

Ваш редактор полагает, что Ватсон специально выбрал «Грейсток» в этом повествовании, потому что псевдоним получил мировую известность благодаря романам, основанным на африканских подвигах племянника человека,

которого Ватсон назвал Холдернессом.

Сама же история необычна по многим причинам. Из нее явствует, что Холмсу не позволили остаться в отставке после событий, описанных в рассказе «Его прощальный поклон». Кроме того, нам стало известно, что Холмс второй раз побывал в Африке, выехав далеко за пределы Хартума (хотя и не по своей воле), и таким образом спас Великобританию от величайшей опасности, которая когда-либо угрожала ей. Мы получили некоторое представление о карьере двух величайших американских авиаторов и шпионов в первые годы Первой мировой войны. Мы узнали, что Ватсон был женат в четвертый раз, кроме того было впервые зафиксировано разрушение цивилизации, соперничающей с Древним Египтом. В этой рукописи рассказывается о вкладе Холмса в апиологию и о том, как он использовал ее для спасения себя и других. Это повествование также описывает, как гений дедукции Холмса позволил ему прояснить некоторое несоответствие, которое озадачило более проницательных читателей американского биографа Грейстока.

Некоторые аспекты этого несоответствия раскрываются самим лордом Грейстоком в выдержках из мемуаров лорда Грейстока («Мать

моя была прекрасным животным», редактор Филип Хосе Фармер, Чилтон, октябрь 1974 года). Однако это откровение — лишь малая часть хроники Ватсона, одна из многих разгаданных тайн, и этот рассказ представляет некие общеизвестные события с несколько иной точки зрения.

По этим причинам ваш редактор решил составить это объяснение. Кроме того, вы должны помнить, что вашему покорному слуге и в голову не пришло вмешиваться в Священное Писание.

Филип Хосе Фармер

Глава 1

С ЛЕГКИМ СЕРДЦЕМ я берусь за перо, чтобы записать новую историю, прославляя гений, отличавший моего друга Шерлока Холмса. Я помню, что когда-то написал нечто подобное, хотя в то время на сердце у меня было очень тяжело. На этот раз я уверен, что Холмс удалился в последний раз. По крайней мере, он поклялся, что больше не станет лезть на рожон. Случай с несравненным пэром обеспечил ему финансовую независимость, и он не предвидит более серьезных опасностей, угрожающих нашей стране теперь, когда наш великий враг повержен. Более того он поклялся, что никогда больше не ступит ни на какую землю, кроме своей родной. И он никогда больше не приблизится к самолету. Один только вид или звук мотора одного из них замораживает его кровь.

Странное приключение, о котором пойдет речь на этих страницах, началось во второй день февраля 1916 года. В то время я, несмотря на свой возраст, служил в штабе военного госпиталя в Лондоне. Дирижабли бомбили Англию в течение двух предыдущих ночей, главным образом в

центральных землях. Хотя такие бомбежки считались сравнительно неэффективными, семьдесят человек были убиты, сто тринадцать ранены, а денежный ущерб составил пятьдесят три тысячи восемьсот тридцать два фунта стерлингов. Эти рейды были последними в серии, начавшейся девятнадцатого января. Паники, конечно, не было, но даже доблестные британцы испытывали некоторое беспокойство. Ходили слухи — несомненно их распускали немецкие агенты, — что кайзер намеревался послать через Ла-Манш флот из тысячи воздушных кораблей. Я обсуждал эти слухи со своим юным другом доктором Феллом за рюмкой бренди в моей каюте, когда раздался стук в дверь. Я открыл ее, чтобы впустить посыльного. Тот протянул мне телеграмму, которую я, не теряя времени, прочел.

— Великий Скотт! — воскликнул я.

— В чем дело, мой дорогой друг? — поинтересовался Фелл, поднимаясь со стула. Даже тогда, на военном пайке, он набрал слишком много веса.

— Меня просят приехать, — вздохнул я. — Холмс. При этом он рекомендует взять бессрочный отпуск.

— Шерлок Холмс? — переспросил Фелл.

— Нет, Майкрофт, — поправил я.

А через несколько минут, собрав свои немногочисленные пожитки, я уже ехал в лимузине к Министерству иностранных дел. Час спустя я вошел в маленький, строго обставленный кабинет, где массивный Майкрофт Холмс восседал подобно огромному пауку, плетущему паутину, которая протянулась по всей Британской империи и многим чужим землям. В кабинете были еще двое, которых я знал. Одним из них был молодой Мерривейл, сын баронета, блестящий адъютант главы британского военного разведывательного управления, которому вскоре предстояло занять пост главнокомандующего. Он также был квалифицированным врачом — одним из моих студентов, когда я читал лекции у Барта. Майкрофт утверждал, что Мерривейл способен соперничать с самим Холмсом в искусстве сыска и не будет сильно отставать от Майкрофта. Ответ Холмса на этот «укол» был таков: «Только практика открывает истинные перспективы».

Мне стало интересно, что Мерривейл делает вдали от Военного министерства, но у меня не было возможности задать свои вопросы. Вид второго человека поразил меня и в то же время обрадовал. Прошло уже больше года с тех пор, как я в последний раз видел эту высокую худощавую

фигуру с седеющими волосами и незабываемым ястребиным профилем.

— Мой дорогой Холмс, — воскликнул я. — Я так и думал после истории с фон Борком…

— Восточный ветер стал ужасно холодным, Ватсон, — вздохнул мой друг. — Долг не признает возрастных ограничений, и поэтому меня оторвали от моих пчел, чтобы послужить нашему народу еще разок, — а потом с еще более мрачным видом Холмс добавил: — Дело фон Борка еще не закончено. Боюсь, что мы недооценили этого парня, из-за того что так легко поймали его. Его не всегда принимают всерьез. Наше правительство жестоко ошиблось, разрешив ему вернуться в Германию вместе с фон Герлингом. Он должен был предстать перед расстрельной командой. Автомобильная катастрофа в Германии после его возвращения почти сделала за нас то, что мы обязаны были сделать, согласно сообщениям, которые недавно дошли до меня. Но, за исключением травмы левого глаза, фон Брок выздоровел. И еще… Майкрофт сказал мне, что фон Борк нанес и продолжает наносить нам неоценимый ущерб. Наша разведка сообщила нам, что он действует в Каире, Египет. Но где именно в Каире и какую маскировку он использует, неизвестно.

— Этот человек действительно опасен, — подтвердил Майкрофт, протягивая тяжелую, как лапа гризли, руку за табакеркой. — Не будет преувеличением сказать, что фон Борк ныне самый опасный человек в мире, во всяком случае, с точки зрения союзников.

— Опаснее, чем был Мориарти? — поинтересовался Холмс, и глаза его загорелись.

— Гораздо опаснее, — ответил Майкрофт. Он вдохнул табак, чихнул и вытер лицо большим красным носовым платком. Его водянистые серые глаза утратили отстраненный взгляд и теперь горели так, словно были прожекторами, выискивающими в темноте далекую цель.

— Фон Борк украл формулу венгерского ученого-беженца, нанятого нашим правительством в Каире. Ученый недавно доложил своему начальству результаты некоторых экспериментов, которые он проводил над определенным типом микробов, характерных для страны фараонов. Он обнаружил, что эти микроорганизмы можно модифицировать химическим путем, чтобы те питались только квашеной капустой. Когда в квашеную капусту клали одну-единственную бациллу, она размножалась с фантастической скоростью. В течение шестидесяти минут она

превращалась в колонию, которая уничтожала фунт квашеной капусты до последней молекулы. Вы понимаете, что это означает. Бациллы — это то, что ученые называют мутировавшим типом. После обработки определенным химическим веществом изменяется как форма, так и функции. Если бы мы разбили пробирки с этой мутацией в Германии или наши агенты непосредственно распыли эти микроорганизмы, все пищевые запасы постигла бы участь квашеной капусты. Все запасы продовольствия были бы уничтожены. Но фон Борк каким-то образом пронюхал об этом, украл формулу, уничтожил записи и образцы, устроив пожар, и убил единственного человека, который знал, как вырастить мутировавших микробов. Однако дело выплыло наружу. Каир был окружен плотным кордоном, и у нас есть основания полагать, что фон Барк скрывается где-то в туземном квартале.

Мы не можем долго держать эту сеть плотно затянутой, мой дорогой Шерлок, и именно поэтому вы должны как можно скорее отправиться туда и выследить негодяя. Англия ждет от тебя нового подвига, брат, и я уверен, ты совершишь этот подвиг.

Я повернулся к Холмсу, который выглядел та-

ким же потрясенным, как и я.

— Дорогой Холмс, неужели мы едем в Каир?

— Разумеется, Ватсон, — ответил он. — Кто еще сможет отыскать тевтонского лиса, заманить его в ловушку? Мы не настолько стары, чтобы раз и навсегда покончить с этим стрелком, фон Борком.

Холмс, как я заметил, все еще имел привычку употреблять американизмы, вероятно, потому что он так старательно играл роль ирландца-американца, выслеживая фон Борка в том приключении, которое я назвал «Его прощальный поклон».

— Если только ты действительно не считаешь, что старый боевой конь не должен покидать своего уютного пастбища, — усмехнулся он.

— За прошедшие полтора года я нисколько не изменился, — возразил я. — Ты когда-нибудь слышал, чтобы я отказывался от участия в расследовании?

Холмс усмехнулся и похлопал меня по плечу — жест, который он использовал так редко, что у меня потеплело на сердце.

— Старина Ватсон…

Майкрофт предложил сигары, и пока мы закуривали, он продолжил:

— Вы двое отправитесь в Африку сегодня же вечером. Полетите с аэродрома Королевской военно-морской авиации под Лондоном. Вас доставят в Каир с пересадкой. Летчики были тщательно отобраны, потому что их груз будет драгоценным. Возможно, гунны уже знают, куда вы направляетесь. Если они будут знать наверняка, то предпримут отчаянные усилия, чтобы перехватить вас, но наши летчики — лучшие. Летчики-истребители, но в этот раз они полетят на бомбардировщиках. Первый пилот, который возьмет вас сегодня под свое крыло, — молодой человек. На самом деле ему всего семнадцать, он солгал, чтобы поступить на службу, но официально ему восемнадцать. За две недели он сбил семь вражеских самолетов и сослужил хорошую службу, высадив наших агентов в тылу врага. Возможно, вы знаете его… По крайней мере, вы знали его двоюродного деда… Вы, конечно, помните покойного герцога Грейстока[5]?

— Я никогда не забуду размер гонорара, который получил от него, — пробормотал Холмс и усмехнулся.

— Ваш пилот, лейтенант Джон Драммонд,

---

[5] Примечания: 5

Это строка, где Ватсон ненароком написал «Холдернесс», но исправил ее. (*Редактор*).

приемный сын нынешнего лорда Грейстока, — продолжал Майкрофт.

— Но подождите! — встрял я. — Я слышала странные слухи о лорде Грейстоке. Разве он не живет в Африке?

— Да, в самом отдаленном уголке Африке, — подтвердил Майкрофт.

— Кажется, в домике на дереве.

— Лорд Грейсток живет в домике на дереве?

— Точно, — подтвердил Майкрофт. — Грейсток живет в доме на дереве с обезьяной. По крайней мере, это один из слухов, которые я слышал.

— Лорд Грейсток живет с обезьяной? Полагаю, это самка обезьяны.

— Да, — подтвердил Майкрофт. — Знаешь, в лорде Грейстоке нет ничего странного[6].

— Но ведь этот лорд Грейсток не может быть сыном старого герцога? Не лорд ли это Салтайр, сын герцога, которого мы спасли от похитителей во время приключения в монастырской школе?

Холмс вдруг встрепенулся, как орел, который увидел ягненка. Потом он наклонился к брату

---

[6] Примечания: 6

В обычных обстоятельствах редактор удалил бы эту старую шутку. Несомненно, читатель слышал ее в той или иной форме. Но это рассказ Ватсона, и он имеет историческое значение. Теперь мы знаем, когда и где возникла эта история.

и спросил:

— Разве между его светлостью и героем фантастического романа этого американского писателя… как его там? Байроуз? Борроус? Разве главный герой янки не списан в некотором роде с лорда Грейстока? По-моему, книга вышла в Штатах только в июне 1914 года, но из-за блокады в Англию завезли очень мало экземпляров. До меня доходили слухи об этом. Я полагаю, что его светлость мог бы подать в суд за клевету на персонажа и многое другое, если бы захотел обратить внимание на роман.»

— Право, не знаю, — протянул Майкрофт. — Я никогда не читаю художественную литературу.

— Клянусь лордом Гарри! — воскликнул Мерривейл. — Верно! Я читал эту книгу. Несмотря на хорошую продажу — дикая хряпа. История про то, как наследник английского пэра был усыновлен самкой обезьяны и воспитывался в племени диких, хвостатых…

Майкрофт хлопнул ладонью по столу, напугав всех нас и заставив меня задуматься, чем вызвано такое неслыханное выражение чувств со стороны обычно флегматичного Майкрофта.

— Хватит тратить время на пустую болтовню о неуравновешенном пэре и чрезмерно богатом

воображении писателя-янки! Империя рушится у нас на глазах, а мы болтаем, как в пивной и все в мире хорошо!

Он, конечно, был прав, и все мы, включая Холмса, были смущены. Но этот разговор не был таким уж неуместным, как мы думали в то время.

Час спустя, получив устные инструкции от Майкрофта и Мерривейла, мы выехали в лимузине на секретную взлетно-посадочную полосу под Лондоном.

Глава 2

НАШ ШОФЕР СВЕРНУЛ с шоссе на узкую грунтовую дорогу, петлявшую среди густых дубов. Проехав с полмили, мы миновали множество знаков, предупреждающих нарушителей о том, что это военная собственность, и остановились у ворот из колючей проволоки. Вооруженные охранники проверили наши документы, а затем махнули нам рукой. Через десять минут мы вышли из леса на большой луг. На северной его оконечности возвышался высокий холм, в основании которого зияла словно разинутая от удивления пасть. Удивительно было то, что вход вел вовсе не в пещеру, а в ангар, выдолбленный в основании холма. Когда мы вышли из машины, мужчины вытолкнули из ангара огромный аэроплан, крылья которого были сложены — прижаты к фюзеляжу.

После этого события развивались быстро… Слишком быстро для меня, признаюсь, и, возможно, даже слишком быстро для Холмса. В конце концов, мы родились примерно за полвека до того, как в небо взлетел первый самолет. Мы тогда не были уверены, что автомобиль, недавнее

изобретение с нашей точки зрения, был в целом полезным изобретением. И вот теперь коммодор подвел нас к чудовищно большому самолету. Через несколько минут, по его словам, мы окажемся внутри его фюзеляжа и оставим твердую землю.

Пока мы шли к самолеты, его крылья были установлены и закреплены. К тому времени, как мы добрались до летающей машины, его винты уже были раскручены механиками. Двигатели грохотали, а из выхлопных труб вырывалось пламя.

Каковы бы ни были истинные чувства Холмса, он стал серым, однако он не мог подавить своего жгучего любопытства, своей потребности узнать все, что имело отношение к делу. Однако ему пришлось кричать коммодору, чтобы его услышали сквозь рев прогревающихся моторов.

— Адмиралтейство приказало снарядить самолет для вашего использования, — сказал коммодор. Выражение его лица говорило о том, что, по его мнению, мы, должно быть, действительно очень важные персоны, если этот самолет оборудован специально для нас.

— Это прототип модели «Хэндли Пейдж 0/100», — крикнул он. — Первый из «кровавых аэропланов», которым адмиралтейство поручило

бомбардировку Германии. Как видите, у него два мотора Rolls-Royce Eagle II, каждый в двести пятьдесят лошадиных сил. Он имеет закрытую каюту для экипажа. Мото гондолы и передняя часть фюзеляжа бронированы, но сейчас броня снята, чтобы придать кораблю большую скорость.

— Что? — воскликнул Холмс. — Броню сняли?

— Да, — подтвердил коммодор. — Для вас это не должно иметь никакого значения. Вы будете в каюте, а она никогда не была бронированной.

Мы с Холмсом переглянулись.

— Для увеличения дальности полета аэроплана были установлены дополнительные бензобаки, — продолжал коммодор. — Они будут как раз перед каютой…

— А если мы разобьемся? — спросил Холмс.

— Пуф! — выдохнул коммодор, улыбаясь. — Никакой боли, дорогой мой. Если удар не убьет вас, то пылающий бензин выжжет легкие и вызовет мгновенную смерть. Единственная трудность заключается в идентификации трупа. Обугленного трупа, знаете ли…

Мы поднялись по маленькой деревянной лестнице и залезли в каюту. Коммодор закрыл люк, тем самым несколько приглушив рев. Он указал на койки, которые были установлены для нашего

удобства, и туалет, где находился небольшой умывальник с резервуаром для воды и несколько громкоговорителей, привинченных к палубе[7].

— Прототип этого аэроплана может нести экипаж из четырех человек, — пояснил коммодор. — Здесь, как вы заметили, есть кабина для носового стрелка, а пилот находится в кабине прямо за ним. В задней части самолета есть кабина для другого пулеметчика, а также люк, через который пулемет можно направлять для прикрытия задней части под самолетом. Вы стоите на дверце люка, ведущего в пулеметное гнездо.

Мы с Холмсом заняли свои места, хотя, надеюсь, не слишком поспешно.

Мы подсчитали, что при нынешней нагрузке корабль может лететь со скоростью около 85 миль в час. В идеальных условиях, конечно. Мы решили отказаться от обычного вооружения пулеметами, чтобы облегчить нагрузку. Фактически с этой целью все члены экипажа, кроме пилота и второго пилота, устраняются. Летчик, как мне кажется, прихватил с собой личное ору-

---

[7] Примечания: 7

Доктор Ватсон, вероятно, намеревался удалить ссылки на санитарию в окончательной версии истории. По крайней мере, он всегда был сдержан и старался избежать таких упоминаниях во всех своих предыдущих произведениях. Однако эта история была написана в 1932 году, и Ватсон, возможно, думал, что дух времени дал ему больше свободы.

жие: кинжал, несколько пистолетов, карабин и специально сконструированный для воздушного боя пулемет «Шпандау» — трофей, кстати, снятый с «Фоккера», который капитан Вентворт сбил, удачно метнув золотник в голову немецкого пилота. Вентворт также прихватил несколько ящиков ручных гранат и ящик шотландского виски.

Шлюз или люк, или как там еще называют дверь в Королевской военно-морской воздушной службе, открылась, и вошел молодой человек среднего роста, но с очень широкими плечами и узкой талией. Он был красив, а его серо-стальные глаза обладали таким же притягательным взглядом, как у Холмса. И еще в них было что-то странное. Если бы я знал, насколько странное, я бы сошел с самолета в ту же секунду. А Холмс, пожалуй, опередил бы меня.

Пока же он пожал нам руки и сказал несколько слов. Я был поражен, услышав ровный средне-западный американский акцент. Когда Вентворт исчез на корме, Холмс спросил коммодора:

— Почему к нам не приставили британского офицера? Без сомнения, этот доброволец-янки способный молодой человек, но на самом деле…

— Есть только один пилот, который может

сравниться с воздушным гением Вентворта. Он американец на службе у русского царя. Русские знают его как Кентова, хотя это и не настоящее его имя. Они обращаются к нему с почтением называя «Черным орлом», французы называют его «Эгль Нуар», а немцы предлагают сто тысяч марок за дер Шварца Адлера, живого или мертвого.

— Он что, негр? — удивился я.

— Нет, прилагательное «черный» относится к его зловещей репутации, — ответил коммодор. — Кентов подберет вас в Марселе. Ваша миссия настолько важна, что мы позаимствовали его у русских. Вентуорт ангажирован нами тоже на сравнительно короткий срок, так как в ближайшее время он должен выполнить еще одну миссию. Если вы разобьетесь и выживете, он сможет провести вас через вражескую территорию лучше, чем кто-либо из известных нам людей, исключая Кентова. Вентуорт — непревзойденный мастер маскировки…

— Неужели? — с сомнением спросил Холмс, выпрямляясь и холодно глядя на офицера.

Осознав, что допустил оплошность, коммодор сменил тему разговора. Он показал нам, как надевать громоздкие парашюты, которые хранились под койками.

— А что случилось с молодым Драммондом? — спросил я его. — Я имею в виду приемного сын лорда Грейстока. Разве он не должен был быть нашим пилотом?

— Он в больнице, — ответил командор, улыбаясь. — Ничего серьезного. Несколько сломанных ребер и ключиц, печень, которая может быть разорвана, сотрясение мозга и возможный перелом черепа. Шасси его корабля сломалось, когда он сажал самолет вслепую, и он врезался в кирпичную стену. Он передает вам привет.

Внезапно появился капитан Вентуорт. Бормоча что-то себе под нос, он заглянул под наши одеяла и простыни, а потом и под койки.

— В чем дело, капитан? — спросил Холмс.

Вентуорт выпрямился и уставился на нас своими странными серыми глазами.

— Кажется, я слышал шорох крыльев летучих мышей, — сказал он. — Крылья трепещут. Гигантские летучие мыши. Но их нигде не видно.

Затем он вышел из кабины и направился по узкому коридору, специально проложенному так, чтобы пилот мог попасть в кабину, не вылезая наружу. Второй пилот, лейтенант Нельсон, разогревал моторы. Коммодор ушел через минуту, пожелав нам удачи. Выглядел он так, словно

думал, что нам это понадобится.

Вскоре нам «позвонил» Вентуорт и велел лечь на койки или ухватиться за что-нибудь твердое. Аэроплан готовился к взлету. Мы забрались на койки, и я уставился в потолок, пока самолет медленно выруливал к стартовой точке, потом моторы «взревели», и машина помчалась, трясясь по лугу. Вскоре хвост рванулся вверх, и мы внезапно оказались в воздухе. Ни Холмс, ни я не могли больше просто лежать. Нам пришлось встать и выглянуть в иллюминатор в двери-люке. Вид земли, уходящей вдаль в сумерках, домов, коров, лошадей и повозок, ручьев, а затем и самой Темзы, уменьшающейся… уменьшающейся, вызывал у нас тревогу и возбуждение.

Холмс был седым, но я уверен, что не страх высоты стал тому причиной. Однако теперь он полностью зависел от ситуации. На земле Холмс был сам себе хозяин. В небе его жизнь была в руках двух незнакомцев, один из которых уже произвел на нас впечатление очень странного существа. Кроме того, слишком скоро стало ясно, что Холмс, какими бы крепкими ни были его нервы и каким бы спокойным ни было его пищеварение на земле, подвержен воздушной болезни.

Самолет летел все дальше и дальше, пересекая в темноте Ла-Манш, западную, а затем и юго-западную часть Франции. Мы приземлились на полосу, освещенную факелами. Холмс хотел выйти и размять ноги, но Вентуорт запретил ему это делать.

— Кто знает, кто бродит здесь в темноте, поджидая, чтобы опознать вас, а затем попытаться прикончить? — заметил он.

— Холмс, — сказал я, когда мой друг вернулся на свое место, — вам не кажется, что он несколько странно говорит о возможности шпионажа? И разве вы не почувствовали запах виски в дыхании пилота? Должен ли пилот пить во время полета?

— Откровенно говоря, я слишком плохо себя чувствую, чтобы обращать на это внимание, — фыркнул Холмс.

Дозаправка прошла без происшествий. Наступила полночь, и огромный самолет пронесся сквозь темную безлунную атмосферу. Лейтенант Нельсон забрался в свою койку с радостным сообщением, что к рассвету мы приземлимся под Марселем. Холмс застонал. Я пожелал парню, который казался вполне приличным человеком, спокойной ночи. Вскоре я заснул, но через неко-

торое время проснулся, вздрогнув. Однако, как старый ветеран кампаний Холмса, я знал, что лучше не выдавать своего пробуждения. Повернувшись на бок, как будто я делал это во сне, я, прищурившись, наблюдал за происходящим.

Меня разбудил какой-то звук, или вибрация, или, возможно, шестое чувство старого ветерана.

У входа в коридор, освещенный единственной лампочкой над головой, стоял лейтенант Нельсон. На его красивом молодом лице застыло выражение, которого обстоятельства, конечно, не требовали. Вид у него был такой злобный, что у меня заколотилось сердце и, несмотря на холод под одеялом, я обливался потом. В руке у него был револьвер, и когда он поднял его, мое сердце чуть не выскочило из груди. Но он не повернулся к нам. Вместо этого он направился к передней части корабля по узкому коридору, ведущему в кабину пилота.

Поскольку он стоял ко мне спиной, я перегнулся через край койки и потянулся, чтобы разбудить Холмса. Но мне не нужно было его предупреждать. Каково бы ни было физическое состояние моего друга, он оставался все тем же бдительным лисом — старым лисом, это верно, но все же лисом. Его рука поднялась и коснулась моей, и

через несколько секунд он уже был на ногах. В одной руке он держал свой верный «Уэбли», который нацелил в спину Нельсона, и одновременно крикнул, чтобы тот остановился.

Не знаю, услышал ли тот Холмса за ревом моторов. Если и так, то у него не было времени подумать об этом. Раздался выстрел, почти неслышный в шуме, и Нельсон упал на спину и проскользил несколько футов по полу назад. Из его лба хлынула кровь.

Тусклый свет падал на лицо капитана Вентуорта, чьи глаза, казалось, горели, хотя я уверен, что это была оптическая иллюзия. Лицо на мгновение исказилось, потом разгладилось, и Вентуорт вышел на свет. Я слез с койки и вместе с Холмсом подошел к нему. Стоя рядом с ним, я почувствовал тяжелый, хотя и душистый запах превосходного виски, исходивший от него.

Вентуорт посмотрел на револьвер в руке Холмса, улыбнулся и сказал:

— Я ждал его. Ждал, что он подкрадется ко мне, пока я буду занят управлением самолетом. Он думал, что снесет мне череп!

— Он, конечно, немецкий шпион, — подытожил Холмс. — Но как вы определили, что он — предатель?

— Я подозреваю всех, — ответил Вентуорт. — Я не спускал с него глаз, а когда увидел, что он говорит по рации, прислушался. Было слишком шумно, чтобы расслышать, но он говорил по-немецки. Я уловил несколько слов: *schwanz* и *schweinhund.* Несомненно, он информировал имперскую германскую военную авиационную службу о нашем местонахождении. Если он не убьет меня, то мы будем сбиты. Гунны, должно быть, уже в пути, чтобы перехватить нас.

Тревожная новость, но и Холмса и меня одновременно поразила куда более тревожная мысль. Холмс, как обычно, отреагировал много быстрее меня. Он закричал:

— Кто сейчас управляет самолетом?

Вентуорт лениво улыбнулся и сказал:

— Не беспокойся. Управление подключено к маленькому устройству, которое я изобрел в прошлом месяце. Пока нет воздушных ям, самолет будет лететь ровно сам по себе.

Он вдруг напрягся, склонил голову набок и спросил:

— Вы слышите это?

— Боже! — воскликнул я. — Как мы сможем что-то слышать за адским грохотом этих моторов?

— Тараканы! — рявкнул Вентуорт. — Гигант-

ские летающие тараканы! Этот злой ученый выпустил еще один ужас в наш мир!

Он резко повернулся и исчез в темноте коридора.

Мы с Холмсом уставились друг на друга.

— Мы во власти безумца, Ватсон, — объявил Холмс. — И мы ничего не можем сделать, пока не приземлимся.

— Мы можем спрыгнуть с парашютами, — предложил я.

— Я бы предпочел этого не делать, — сухо ответил Холмс. — Кроме того, это не похоже на крикет. У пилотов, знаешь ли, нет парашютов. Эти двое командуют только потому, что мы — гражданские лица.

— Я не собиралась просить Вентуорта прыгать со мной, — пробормотал я, немного стыдясь своих слов.

Холмс не слышал меня, его желудок снова пытался отторгнуть несуществующее содержимое.

Глава 3

ВСКОРЕ ПОСЛЕ РАССВЕТА немецкие самолеты нанесли удар. Это, как мне сказали позже, были одноместные монопланы Fokker E-Ш, оснащенные двумя пулеметами «Шпандау». Они были синхронизированы с пропеллерами, чтобы стрелять пулями через пустые пространства между вращающимися лопастями.

Холмс сидел на полу, держась за голову и постанывая, и я сочувствовал ему, хотя и устал от его жалоб, когда зазвонил телефон. Я вынул трубку из коробки, прикрепленной к стене, или переборке, или как там это называется.

— Наденьте парашюты и держитесь за что-нибудь покрепче! — проревел голос Вентуорта. — Двенадцать еб… «фоккеров», целая эскадрилья, на одиннадцать часов!

Я неправильно его понял.

— Да, что это за самолеты?

— «Фоккеры»! — воскликнул он и добавил: — Нет, нет! Мои глаза сыграли со мной злую шутку. Это гигантские летающие тараканы! На каждом из них сидит прусский офицер, в шлеме, с выпученными глазами и вооруженный абордажной

саблей!

— Что вы говорите? — крикнул я в трубку, но он уже отключился.

Я передал Холмсу слова Вентуорта, и он забыл, что его укачало, хотя выглядел ничуть не лучше прежнего. Пошатываясь, мы подошли к двери-люку и выглянули в иллюминатор.

Ночь теперь стала светнее, чем день, — результат вспышек выстрелов атакующих нас самолетов. Их пилоты использовали яркие прожекторы для наведения пулеметов на наш беспомощный аэроплан. Затем, как будто этого было недостаточно, вокруг начали рваться снаряды зенитной батареи, причем некоторые так близко, что наш самолет содрогался и раскачивался под ударами взрывных волн. Нас слепили гигантские прожекторы. Некоторые из них высветили монопланы с черными крестами на фюзеляжах.

— Арчи! — воскликнул я. — Французские зенитки стреляют по гуннам! Дураки! Они могут попасть по нам!

Что-то промелькнуло мимо. Мы потеряли объект из виду, но через мгновение увидели истребитель, пикирующий на нас сквозь яркий свет факелов и прожекторов, не обращая внимания на разрывы снарядов вокруг. Два крошечных крас-

ных глаза мелькнули за пропеллером, и лишь когда в ткани всего в нескольких футах от нас внезапно появились дыры, мы поняли, что это дула пулеметов. Мы рухнули на пол, а огромный самолет несся вперед, нырял, поднимался и падал. Нас швыряло то в одну, то в другую сторону по полу, било о переборки.

— Мы обречены! — крикнул я Холмсу. — Наденьте парашют! Мы не можем отстреливаться, а наш самолет слишком медленный и неуклюжий, чтобы сбежать от них!

Как же я ошибался. И что за демон сидел у нас за штурвалом! Он выписывал на большом неуклюжем самолете такие фигуры пилотажа… Расскажи мне кто-то об этом, я бы никогда не поверил, что такое возможно. Несколько раз мы падали вниз головой и отчаянно цеплялись за койки, чтобы нас не раздавило, как мышей в консервной банке.

Один раз Холмс, чей слух был несколько острее моего, сказал:

— Ватсон, кажется, наши пулеметы ведут ответный огонь… Как он может управлять этим самолетом, делать такие маневры и еще управлять оружием, которое должен держать обеими руками?

— Не знаю, — признался я. В этот момент мы оба повисли на столбе, не упав только потому, что крепко ухватились. Самолет лег на левом боку. В иллюминатор под ногами я увидел немецкий самолет, от которого тянулся дым. За ним последовал еще один, превратившийся в огненный шар примерно в тысяче футов от земли.

Наш самолет выпрямился, и я услышал над головой слабые глухие удары, за которыми последовала треск пулемета. Что-то взорвалось совсем рядом с нами, и обломки полетели мимо иллюминатора.

Это потрясло меня, но еще больше потряс стук в иллюминатор. Кто-то, к моему удивлению, стучал кулаком в дверь. Я подполз к иллюминатору, встал и заглянул в него. Вверх ногами, глядя на меня через стекло, на меня смотрел Вентворт. Его губы сложились в слова:

— Открой дверь! Впусти меня!

Я оцепенел, а потом повиновался. Мгновение спустя, с акробатическим мастерством, которое я до сих пор нахожу невероятным, наш пилот распахнул дверь. В одной руке он держал «Шпандау» с прикладом от винтовки. Мгновение спустя, пока я держал его за талию, он закрыл дверь, укрывшись от холодного пронзительного ветра.

— Вот они! — крикнул он и, направив автомат на лежащего на полу Холмса, выпустил три короткие очереди.

— Осторожнее, старина! — воскликнул Холмс.

Вентуорт в бешенстве пробежал мимо него, и через мгновение мы снова услышали грохот Шпандау.

— По крайней мере, он вернулся в кабину, — слабым голосом произнес Холмс.

Однако это был один из тех случаев, когда Холмс ошибался. Через мгновение капитан вернулся. Он открыл люк, просунул в него ствол своего оружия, выпустил одну-единственную очередь, объявил:

— Попался, сукин сын! — закрыл люк и побежал обратно в кабину.

Через сорок минут самолет приземлился на французском военном аэродроме под Марселем. Его фюзеляж и крылья были пробиты пулями в сотне мест, хотя, к счастью, ни одна пуля не попала в бензобаки. Французский командир, осматривавший самолет, отметил, что больше дыр было сделано орудием, стрелявшим изнутри, чем из орудий, стрелявших снаружи.

— Чертовски верно! — подтвердил Вентуорт. — Тараканы и их союзники, летающие леопарды,

ползали по всему самолету! Они почти поймали этих двух стариков!

Через несколько минут прибыл британский офицер медицинской службы. Вентуорта, яростно сражавшегося с шестью мужчинами, усмирили, надели смирительную рубашку и увезли в машине скорой помощи.

Бредил не только Вентуорт.

Бледное лицо Холмса исказилось, кулаки сжались, он проклинал своего брата Майкрофта, молодого Мерривейла и всех остальных, кто мог быть в ответе за случившееся, за исключением, разумеется, его величества.

Нас провели в кабинет, где сидели несколько французских и английских офицеров очень высокого ранга. Самый высокий, генерал Чатсон-Доус-Оверли, только головой покачал:

— Да, дорогой мистер Холмс, мы понимаем, что у него иногда бывают галлюцинации. Откровенно говоря, порой он становится совсем сумасшедшим. Но он — лучший пилот, а также лучший шпион, который у нас есть, даже если он сумасшедший, и он уже сделал героическую работу для нас. Он никогда не видит «неправильных» галлюцинаций, то есть он никогда не причиняет вреда своим товарищам, хотя однажды он

застрелил итальянца. Но тот парень был всего лишь рядовым, и он был итальянцем. Это был несчастный случай, — и поэтому мы чувствуем, что должны позволить ему работать на нас. Мы, конечно, не можем допустить, чтобы хоть одно слово о его состоянии дошло до гражданского населения, поэтому я должен потребовать от вас клятвы молчать обо всем этом деле. Что вы должны были бы сделать, как само собой разумеющееся и, конечно же, из патриотизма… Теперь ему дадут отдохнуть, подлечат, а потом вернут на службу. Британия остро нуждается в нем[8].

Холмс еще какое-то время бредил, но он всегда был человеком, способным смотреть правде в глаза и соответственно управлять собой. Тем не менее, он не мог сдержаться от саркастических замечаний о своей жизни, которая также была чрезвычайно ценной, но оказалась отдана на попечение маньяка-убийцы.

— А пилот, который доставит нас в Египет? — спросил он наконец, немного успокоившись. —

---

[8] Примечания: 8

Этот сумасшедший американец, несомненно, был великим авиатором и гением шпионажа, который после перевода в американские войска в 1917 году станет известен под кодовым именем G-8. Находясь на британской службе, он, по-видимому, носил фамилию Вентуорт — фамилию своего сводного брата. Об истинных именах G-8, Паука и Тени смотрите в моей книге «Доктор Сэвидж: его апокалиптическая жизнь», (Bantam, 1975).

Он тоже безответственный безумец? Не будет ли нам от него больше опасности, чем от врага?»

— Говорят, он такой же хороший пилот, как и Вентуорт, — сказал генерал. — Он — американец…

— Великий боже! — вздохнул Холмс. Потом он застонал и добавил: — Почему бы нам не нанять хорошего британского пилота, испытанного и верного?

— И Вентуорт, и Кентов принадлежат к лучшим пилотам в мире, — сухо заметил Оверли. — Они происходят из самых древних и благородных родов Англии. На самом деле в них течет королевская кровь. Но они оказались «не у дел». Человек, который увезет вас отсюда, работает на двоюродного брата его величества — царя всея Руси, как агент и шпион. Царь же был настолько любезен, что одолжил нам и его, и один из больших самолетов Сикорского — «Муромец» пятой модели. Кентов прилетел сюда на нем с полным экипажем, и он готов к взлету.

Лицо Холмса побледнело еще больше, и я с каждой минутой чувствовал себя много старше своих шестидесяти четырех лет. Нам не полагалось ни минуты покоя, и все же то, что мы пережили, — опыт, который заставил бы многих завалиться в

койку на несколько дней.

Глава 4

ГЕНЕРАЛ ОВЕРЛЕЙ ЛИЧНО проводил нас к огромному русскому самолету. Когда мы подошли к нему, генерал, отвечая на вопросы Холмса, описал некоторые особенности машины.

— Это пока что единственный в мире четырехмоторный самолет тяжелее воздуха. Построен он русскими, — объяснил он. — К большому стыду англичан. Первый самолет был собран и запущен в 1913 году. Это, как вы видите, биплан, оснащенный колесами и лыжным шасси. У него четыре двигателя типа *Sunbeam* с водяным охлаждением, каждый в 150 лошадиных сил. *Sunbeam*, к сожалению, оставляет желать лучшего…

— Я бы предпочел этого не знать, — пробормотал я. Пепельный оттенок лица Холмса свидетельствовал о том, что его реакция была схожа с моей.

— …Размах крыльев — 24,9 метра, длина — 15,5 метра. Максимальная скорость — 120 километров в час, эксплуатационный потолок — 3000 метров. В воздухе может продержаться пять часов в идеальных условиях. Экипаж корабля пять-семь человек, хотя он может перевозить и больше.

Задняя часть фюзеляжа оборудована отсеками для сна и еды…

Оверлей пожал нам руки после того, как передал нас лейтенанту Ивану Обренову. Молодой офицер провел нас по ступенькам в хвостовую часть фюзеляжа, где показал наш отсек. Холмс болтал с ним по-русски, которым он овладел в достаточной степени, когда работал в Одессе над делом Трепойфа. Настойчивость Холмса в том, чтобы говорить по-русски, казалось, несколько раздражала офицера, поскольку, как и все представители высшего общества его страны, он предпочитал говорить по-французски. Но он был вежлив и, убедившись, что нам удобно, откланялся. Конечно, жаловаться нам было не на что, разве что на размеры каюты. Она была приготовлена специально для нас, в ней были две раскладные кровати, толстый ковер, который, по словам Холмса, был персидским, картины маслом на стенах, которые, по словам Холмса, кисти Малевича (хотя я думаю, что это художественная чепуха), два удобных кресла, привинченных к палубе, и буфет, тоже привинченный к палубе, где хранились спиртные напитки. В углу располагалась крошечная каморка со всей мебелью и всем необходимым, что можно найти в туалете.

Мы с Холмсом закурили прекрасные кубинские сигары, найденные в буфете, и налили себе немного шотландского виски — кажется, «Даггановская роса Киркинтиллоха». Внезапно мы оба подпрыгнули в воздух, расплескав напиток по манжетам. Словно из ниоткуда, бесшумно появилась высокая фигура. Как он это сделал, я не знаю, так как дверь была закрыта и все время находилась под наблюдением одного из нас или обоих.

Холмс застонал и пробормотал себе под нос:

— Только не еще один безумец!

Парень определенно выглядел эксцентрично. Он был одет в форму полковника Императорской Российской воздушной службы, но носил длинный черный оперный плащ и большую черную шляпу с опущенными полями. Из-под его широких полей горели самые притягательные и внушающие страх глаза, которые я когда-либо видел. Мое внимание, однако, было несколько отвлечено орлиным носом незнакомца. Такой нос вполне мог принадлежать Сирано де Бержераку[9].

---

[9] Примечания: 9

Описание этого человека, безусловно, соответствует описанию известного борца с преступностью, действовавшего на Манхэттене в 30-40-е годы. Если он тот, о ком я думаю, то одним из его многочисленных псевдонимов был Ламонт Крэнстон. (*Редактор.*)

Мне пришлось сесть, чтобы перевести дыхание. Незнакомец представился с оксфордским акцентом:

— Полковник Кентов.

У него был удивительно приятный голос, глубокий, богатый и властный. К тому же он был сильно сдобрен бурбоном.

— У вас все в порядке? — поинтересовался он.

— Думаю, да, — ответил я. — Вы нас здорово напугали. Мне показалось, что к нам прокрался враг… Но сейчас я в порядке, спасибо.

— Я должен удалиться в рубку, — сообщил он. — Но я поручил одному члену экипажа — хвостовому стрелку присматривать за вами, если что-то понадобиться дворецкий все устроит, просто позвоните в колокольчик, если дворецкий понадобится…

И он ушел, на этот раз открыв дверь. По крайней мере, мне так показалось.

— Боюсь, дорогой мой, что нам предстоит еще одно испытание, — вздохнул Холмс.

На самом деле путешествие оказалось довольно приятным, если привыкнуть к реву четырех моторов и неожиданным появлениям Кентова.

— Если все пойдет хорошо, поездка займет около двадцати восьми часов…

Мы приземлялись только для дозаправки. Примерно каждые четыре с половиной часа садились на наспех построенной взлетно-посадочной полосе, куда несколько дней назад доставили топливо и припасы на кораблях, самолетах или верблюдах. Средиземное море было слева от нас, а берег Северной Африки под нами. Мы мчались к Каиру со средней скоростью 100 километров в час, по словам нашего командира. Потягивая различные напитки и куря гаванские сигары, мы читали, чтобы скоротать время. Холмс несколько раз говорил, что ему не помешало бы немного кокаина, чтобы развеять скуку, но я думаю, что он сказал это только для того, чтобы успокоить меня. Холмс прихватил с собой собственное сочинение, напечатанное в частном порядке — практическое руководство по пчеловодству, с некоторыми замечаниями по поводу сегрегации матки. Он часто уговаривал меня изучить результаты его опытов с суссекскими пчелами, и теперь я поддался его уговорам, главным образом потому, что все остальные доступные книги были на русском языке.

Сочинения по пчеловодству показалось более интересным, чем я ожидал, и я сказал об этом Холмсу. Это, казалось, обрадовало его, хотя до это-

го он делал вид, что мое мнение по этому вопросу ему совершенно неинтересно…

— Описанные в этой книге приемы и опыты пчеловодства достаточно интригующие и сложные, — пояснил мой друг. — Но меня отозвали из проекта, который выходил далеко за рамки всего, что предпринимал любой ученый-пчеловод. Согласно моей теории, у пчел есть язык, и они передают друг другу такую важную информацию, как местоположение нового луга клевера, приближение врагов и так далее… и все это посредством символического танца. Я исследовал этот феномен с целью подтвердить теорию фактами, когда получил телеграмму Майкрофта.

Я сел так резко, что пепел с моей сигары упал мне на колени, и был занят тем, что стряхивал угли, прежде чем они прожгли дыру в моих брюках.

— Право же, Холмс, — наконец сказал я. — Вы меня разыгрываете! У пчел есть язык? А потом вы мне скажете, что они сочиняют сонеты в честь инаугурации своей королевы! Или, может быть, эпитазы, когда она выходит замуж!

— Эпитазы? — переспросил он, презрительно глядя на меня. — Ты имеешь в виду эпиталамии? Предлагаю вам соблюдать умеренность при упо-

треблении национального напитка России. Да, Ватсон, пчелы действительно общаются, хотя и не так, как *homo sapiensus.*

— Может быть, вы соблаговолите объяснить, что именно… — начал я, но меня прервала внезапная растерянность, вызванная появлением нашего командира. Я всегда вздрагивал, и сердце мое сильно билось, когда облако рассеивалось, и я понял, что передо мной стоит Кентов. Единственным моим утешением было то, что Холмс был так же поражен.

— Черт возьми! — воскликнул Холмс, покраснев. — А вы не могли бы вести себя как цивилизованное существо и стучать, прежде чем войти? Или у американцев нет таких обычаев?

Это, конечно, был явный сарказм, поскольку Холмс уже несколько раз бывал в Штатах.

— Мы в двух часах полета от Каира, — объявил Кентов, игнорируя замечание Холмса. — Но только что радиостанция в Каире сообщила, что с севера на нас надвигается сильный шторм. Нас может сбить с курса. Кроме того, наши шпионы в Турции сообщают, что вчера оттуда вылетел дирижабль. Они считают, что он намерен забрать фон Борка. Каким-то образом он проскользнул за кордон и теперь ждет шпиона в пустыне.

— Если это отвратительное путешествие окажется напрасным… если окажется, что я вынужден был терпеть опасные выходки этого безумца только для того, чтобы!.. — Внезапно полковник исчез. К Холмсу вернулись его обычный цвет лица и самообладание, и он продолжил: — Знаете, Ватсон, мне кажется, я знаю этого человека! Или, по крайней мере, его родителей. Я изучал его при каждом удобном случае, и, хотя он, несомненно, мастер притворяться, этот нос фальшивый, у нашего пилота определенная костная структура и определенная черта походки, поворачивания головы, которая заставляет меня поверить…

В этот момент зазвонил телефон. Поскольку я сидел ближе к аппарату, я ответил на звонок.

— Сложите все свободные предметы и привяжите себя к кроватям, — раздался голос нашего командира. — Нас ждет адский шторм, худший в этом столетии, если верить прогнозам погоды.

На этот раз метеорологи не преувеличивали. Следующие три часа были ужасны. Гигантский аэроплан раскачивался, как лист писчей бумаги. Электрические лампы на стенах мигали снова и снова и наконец погасли, оставив нас в темноте. Холмс все стонал, стонал и наконец попытался доползти до унитаза, но, к несчастью, судно

раскачивалось вверх-вниз, как дикая лошадь, вибрировало как лодка, попавшая в стремнину. Холмсу удалось добраться до своей постели, не сломав ни одной кости, но, к сожалению, он избавился от водки и бренди (сочетание, по-моему, само по себе не способствует хорошему пищеварению), бефстроганова, щей и черного хлеба, которыми мы обедали ранее. Еще более прискорбно, что он перегнулся через край кровати, чтобы выполнить эту неоспоримую функцию… У меня не хватило духу сделать ему выговор. Кроме того, он убил бы меня или, по крайней мере, попытался бы сделать это, если бы я начал его упрекать. Настроение у него было не из лучших.

Наконец я услышал его слабый голос:

— Ватсон, обещайте мне одну вещь.

— Что именно, Холмс?

— Поклянитесь, что, как только мы ступим на землю, вы прострелите мне голову, если я еще хоть раз соглашусь сесть в летательный аппарат. Не думаю, что это опасно, но даже если его величество лично попросит меня сесть в самолет или что-нибудь летающее, дирижабль, воздушный шар, что угодно, вы милостиво предложите мне эвтаназию. Обещайте мне.

Я подумал, что это обещание мне ничем не

грозит. Во-первых, я чувствовал нечто подобное, и это желание было почти так же сильно, как и у него.

В этот момент дверь нашей каюты отворилась, и появился наш слуга Иван с маленькой электрической лампой в руке. Он обменялся с Холмсом несколькими взволнованными словами по-русски и ушел, оставив лампу. Холмс сполз с койки и сказал:

— Нам приказано покинуть корабль, Ватсон. Нас занесло далеко к югу от Каира, и через полчаса у нас кончится бензин. Тогда нам придется прыгать, нравится нам это или нет. Иван говорит, что полковник искал безопасное место для посадки, но не видит земли. Воздух наполнен песком, видимость нулевая; песок попал в подшипники двигателей, а порывы ветра выбили лобовое стекло. Итак, мой дорогой старый друг, мы должны надеть парашюты.

Мое сердце потеплело от такого нежного обращения, хотя в следующие несколько минут, пока мы помогали друг другу пристегивать снаряжение, эмоции несколько поутихли.

— От вас исходит отвратительный запах, Ватсон, — заявил Холмс, и я раздраженно ответил:

— Вы и сами воняете, как туалет в пабе Ист-

Энда, дорогой Холмс. Кроме того, любой запах, исходящий от меня, исходит и от вас. Вы, конечно, знаете об этом.

Холмс пробормотал что-то насчет прыжков с парашютом, и я уже собирался попросить его пояснить свое замечание, когда снова появился Иван. На этот раз у него было оружие, которое он раздал нам. Мне вручили кавалерийскую саблю, стилет, кнут (который я выбросил) и револьвер какой-то неизвестной марки, но 50-го калибра. Холмсу выдали саблю, карабин, пояс с патронами и моток веревки, на одном конце которой висели абордажные крюки. Иван оставил себе кортик, две ручные гранаты, болтающиеся на штифтах у пояса, и кинжал, который зажал в зубах.

Мы подошли (вернее, перекатились) к двери, где стояли еще трое пилотов, тоже полностью, может быть, даже чересчур вооруженные. Мы с Холмсом перебрались к иллюминатору, чтобы понаблюдать за бурей. В течение нескольких минут мы почти ничего не видели, кроме облаков пыли, а потом пыль внезапно исчезла. На нас обрушился сильный дождь, хотя ветер бил нас так же сильно, как и раньше. Небо прочертили молнии, и некоторые из них громко взрывались рядом с летающей машиной.

Через минуту к нам присоединился Иван, который потянул Холмса за руку, что-то крича по-русски. Холмс что-то ответил ему и, повернувшись ко мне, сказал:

— Кентов утверждает, что заметил дирижабль!

— Боже мой! — воскликнул я. — Это наверняка тот дирижабль, который послали за фон Борком! Его тоже застигла буря!

— Элементарная дедукция, — сказал Холмс.

Но он, казалось, был чем-то доволен. Я предположил, что он счастлив, потому что фон Борк либо пропустил воздушный корабль, либо, если он уже был на борту, находился в таком же опасном положении, как и мы. Я не видел в этой ситуации ничего смешного.

Через несколько минут улыбка Холмса исчезла с его лица, когда нам сообщили, что мы собираемся атаковать дирижабль.

— В такую бурю? — удивился я.

— Да.

— Но ведь полковник даже не может держать нас на одной высоте или в одном положении.

— Он — маньяк! — воскликнул Холмс.

И насколько это безумно, мы вскоре выяснили…

Вскоре в поле зрения появился огромный ди-

рижабль, выкрашенный серебристой краской сверху и черной снизу. На боку в свете прожекторов можно было прочитать обозначение L9[11]. Контрольная кабина впереди, вращающая толкающий винт, двигатели спереди и сзади двух средних кораблей и одной кормовой моторной гондолы — все это выглядело довольно чудовищно, зловеще и все же красиво.

Дирижабль раскачивался, мотался из стороны в сторону, словно игрушечная лодка в потоке лосося, идущего на нерест по горной реке в северной Шотландии. Его экипаж, должно быть, страдал воздушной болезнью, и у них были заняты руки, чтобы не быть выброшенными из корабля. Это в какой-то степени обнадеживало, поскольку никто из нас в самолете, за исключением, возможно, Кентова, был не в состоянии вступать в бой.

Иван что-то пробормотал, и Холмс пояснил:

— Он говорит, что если буря будет продолжатся, то этот воздушный корабль разобьется. Будем надеяться, что так оно и будет и это избавит нас

[11] Примечания: 11

Согласно немецким официальным записям, L9 был сожжен 16 сентября 1916 года в ангаре Фульсбюттеля. Либо Ватсон ошибся, либо немцы намеренно сфальсифицировали записи, чтобы скрыть тайную попытку спасти фон Борка. В то время, когда произошла эта авантюра, L9 должен был действовать в Европе, и его командиром был капитан-лейтенант Д. Р. Прельсс. (*Редактор.*)

от воздушных боев.

Но цеппелин хотя и казался несколько побитым, его каркас слегка перекосился, пока держался в воздухе. Тем временем наш четырехмоторный «колосс» — малыш по сравнению с немецким воздушным кораблем, развернулся к вражескому судну. Это был сложный маневр. Удивительно, что его вообще удалось исполнить.

— Что этот дурак делает? — возмутился Холмс и снова обратился к Ивану. Затем небо озарила молния, и я увидел, что его лицо стало мертвенно-серым.

— Этот парень еще безумнее, чем пилот нашего предыдущего самолета! — фыркнул он. — Он хочет приземлиться на крышу дирижабля!

— Как он может это сделать? — ахнул я.

— Откуда мне знать, какими приемами он воспользуется, болван ты этакий! — крикнул мой друг. — Какая разница? Что бы он ни сделал, самолет соскользнет с дирижабля, возможно, сломает крылья, и мы разобьемся насмерть!

— Мы можем прыгнуть прямо сейчас! — крикнул я.

— Ну и что же? Окажемся посреди пустыни? — воскликнул он. — Ватсон, мы же англичане!

— Это всего лишь предложение, — пошел я на

попятный. — Простите меня. Конечно, мы потерпим. И ни один славянин не скажет, что нам, англичанам, недостает мужества.

Иван снова заговорил, и Холмс перевел мне, о чем речь:

— Он говорит, что полковник, вероятно, самый великий летчик в мире. Он залетит на корму дирижабля и остановит самолет прямо над верхней пулеметной платформой. Как только самолет замрет, мы должны выпрыгнуть наружу. Если мы оступимся или соскользнем с баллона дирижабля, то сможем воспользоваться парашютами. Кентов настоял на том, чтобы взять их с собой, несмотря на протесты Императорского русского Генерального штаба. Если удержимся на куполе, то спустимся по трапу с платформы и поднимемся на борт летающего корабля. А потом Кентов сказал, что, когда мы покинем самолет, мы должны будем…

Мой друг замолчал, и я попытался подтолкнуть его:

— Да, Холмс?

— Убивать! Убивать! Убивать!

— Боже мой! — ужаснулся я. — Какое варварство!

— Да, — согласился Холмс. — Но его надо изви-

нить. Он явно не в своем уме.

Глава 5

СЛЕДУЯ ПРИКАЗАМ, ПЕРЕДАННЫМ через Обренова, мы легли на палубу и ухватились за части фюзеляжа, которые были хорошо закреплены. Самолет нырнул, и мы скользнули вперед, а затем нас резко подбросило, и мы скользнули назад, а затем аэроплан задрал нос, и рев четырех двигателей стал намного выше, и внезапно мы оказались прижатыми к полу. А потом давление исчезло.

Медленно, но слишком быстро для меня, палуба накренилась влево. Это соответствовало планам Кентова. Он посадил самолет вдоль продольной оси, или осевой линии, чуть левее осевой линии дирижабля. Таким образом, вес самолета заставил воздушный корабль крениться влево.

Секунду я не понимал, что происходит. Честно говоря, я был напуган до смерти — онемел от ужаса. Я никогда не позволил бы Холмсу увидеть это, и поэтому я преодолел свое «замороженное состояние», хотя и не скованность и медлительность, вызванные возрастом и недавними трудностями. Я встал и, спотыкаясь, выскользнул через дверь, парашют ударился о мою пятую точку.

Мне показалось, что он из свинца. Я растянулся на небольшой платформе на верхней части дирижабля. Я ухватился за нижний конец трубы, образующей ограждение вокруг платформы. Люк, ведущий внутрь дирижабля, уже был открыт, и Кентов оказался внутри дирижабля. Я услышал грохот выстрелов. Сейчас здесь, снаружи, было сравнительно тихо, поскольку Кентов заглушил двигатели аэроплана, как раз перед тем, как те заглохли. Тем не менее ветер завывал, и можно было хорошо расслышать скрип балок конструкции дирижабля, когда его корпус прогибался под весом самолета. Мои уши ужасно заложило, потому что дирижабль устремился к земле под весом гигантского самолета. Самолет также издавал свои собственные, безошибочно узнаваемые звуки, стонал, когда его корпус изгибался, разрывая хлопчатобумажную ткань обшивки корабля. Он все больше и больше соскальзывал влево. Затем раздался громкий треск, и дирижабль подо мной метнулся назад, освобожденный от огромного веса самолета. В тот же миг он взмыл ввысь, и два рывка — чуть в сторону и вверх, едва не вырвали трубу из моих рук.

Когда дирижабль прекратил свои «маневры», русские поднялись и один за другим исчезли в

недрах немецкого колосса. Мы с Холмсом, двигаясь к люку, проползли мимо двух завернутых в одеяло восьмимиллиметровых пулеметов Максима и спустились по трапу. Как раз перед тем, как войти в люк, я заглянул через спину огромного зверя, в который мы вторглись. Я был бы потрясен, если бы не был так ошеломлен всем, что случилось в эту ночь. Колеса и лыжное шасси самолета вскрыли огромную рану в тонкой обшивке судна. Столкнувшись с дюралевыми балками и кольцами каркаса, они разорвали обшивку на части, а затем и само шасси самолета оторвалось. Пропеллеры, хотя и не вращаясь, также нанесли значительный урон. Я подумал, что если бы каркас корабля, скелет чудовища, так сказать, пострадал бы чуть сильнее, то дирижабль рухнул бы и унес нас всех вниз, навстречу смерти.

Я также на секунду восхитился мастерством, нет, гениальностью пилота, который посадил нас.

А затем я спустился в чрево дирижабля — огромную сложную паутину внутри корпуса корабля с его кольцами и балками, выпуклыми заполненными водородом газовыми ячейками и балластными мешками с водой. Я вынырнул

у киля корабля, на мостике шириной в фут, который протянулся по всей длине корабля между треугольными балками. До этого это был просто кошмар, а теперь он превратился в кошмар кошмаров. Помню, как я лез, цепляясь за балки, проползал куда-то и карабкался, чтобы не попасть под огонь немецких матросов на носу. Я помню лейтенанта. Обренов упал со смертельными пулевыми ранениями после того, как проткнул двух немцев своей саблей. Размахивать ею было негде, и поэтому он пользоваться клинком, как штыком.

Я помню, как другие русские умирали, некоторые ухитрялись сохранить хватку и таким образом избежать падения через ткань обшивки в пропасть внизу. Я помню, как Холмс прятался за газовой камерой и стрелял в немцев, которые боялись стрелять в ответ, так как могли поджечь водород[12].

Больше всего мне запомнилась закутанная в плащ фигура Кентова. Он все еще был в шляпе с опущенными полями: он прыгал, раскачиваясь

---

[12] Примечания: 12

На самом деле никакой опасности пожара не было, так как пули с фосфорным покрытием не использовались. По-видимому, гранатами, которые могли бы привести к взрыву, тоже никто не пользовался. (*Редактор.*)

на балках и растяжках. С балок он перебрался на огромный газовый баллон, потом вернулся. Он порхал, как Призрак оперы, по лабиринту, стреляя с двух рук из огромных автоматических пистолетов 45-го калибра (не в одно и то же время, конечно, иначе он потерял бы хватку). Немец за немцем вскрикивали или убегали, а этот маньяк в промежутках между грохотом выстрелов заходился смехом, леденящим кровь. Но хотя сам он стоил эскадрильи, его люди умирали один за другим. И так случилось неизбежное.

Возможно, это была срикошетившая пуля или он поскользнулся. Не знаю. Внезапно он упал с балки, скользнул сквозь паутину проводов, чудом не задев их. Теперь в каждой руке у него было по ревущему, плюющемуся пламенем пистолету 45-го калибра. Он убил двух матросов и громко смеялся, даже когда прорвался сквозь хлопчатобумажную ткань и исчез в темном дожде, полетев к земле.

Поскольку на нем был парашют, он мог выжить. Но больше я о нем ничего не слышал.

Вскоре немцы осторожно приблизились, услышав, как мы с Холмсом прокричали, что сдаемся. У нас кончились патроны, и мы были слишком слабы, чтобы даже поднять саблю. Мы стояли

на подиуме с поднятыми руками — два усталых побитых старика. И все же это был наш звездный час. Ничто не могло лишить нас удовольствия увидеть лицо фон Борка, когда он нас узнал. Если бы его потрясение было чуть сильнее, он бы упал замертво от сердечного приступа.

Глава 6

ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО МИНУТ мы уже спускались по трапу из корпуса в рубку управления под носовой частью дирижабля. Позади нас бушевал, сдерживаемый старшиной и старшим помощником, оберлейтенант Генрих Тринг фон Борк. Увидев нас, он тут же приказал выбросить нас за борт, но Тринг, порядочный малый, отказался подчиниться. Нас представили командующему, капитан-лейтенанту Виктору Райху[13]. Он оказался порядочным парнем, открыто восхищаясь нашим подвигом высадки и посадки на его корабль, несмотря на то что он и его команда ужасно пострадали. Он отверг предложение фон Борка расстрелять нас как шпионов, поскольку мы были в гражданской одежде и прилетели на русском военном корабле. Он, конечно, знал о нас и не хотел иметь ничего общего с казнью

[13] Примечания: 13

Архивы германского императорского флота были безрезультатно прочесаны в поисках идентификации L9 и членов экипажа, упомянутых Ватсоном. Может ли быть так, что дирижабль и команда были секретными агентами, что L9 был «призрачным» кораблем, что выполнял определенные миссии, которые немец скрывал от всех, кроме высшего? Или записи все еще находятся под грифом «Совершенно секретно»? Или бумаги были уничтожены по той или иной причине? (*Редактор.*)

великого Холмса и его коллеги. Выслушав нашу историю, он позаботился о том, чтобы устроить нас с максимальным комфортом. Однако он не разрешал Холмсу курить, выбросил табак за борт, и это заставляло Холмса страдать. Он так много пережил, что отчаянно нуждался в глотке никотина.

— К счастью, буря стихает, — сказал Райх на прекрасном английском. — Иначе наш дирижабль скоро развалится. Три мотора не работают. Сцепление с левым мотором перегрелось, вода в радиаторе мотора в среднем моторе правого борта выкипела, и что-то ударило по двигателю контрольной машины и разбило его вдребезги. Мы так далеко на юге, что, даже если бы они могли работать со стопроцентной эффективностью, у нас кончился бы бензин где-нибудь над Египтом на обратном пути. Кроме того, сильно повреждены органы управления лифтами. Все, что мы можем сейчас сделать, — это плыть по ветру и надеяться на лучшее.

Последующие дни и ночи были полны тревожных размышлений. Семеро членов экипажа были убиты во время боя, и только шестеро остались на корабле. Одного этого было достаточно, чтобы сделать невозможным возвращение в Турцию

или Палестину. Райх сообщил нам, что он получил радиограмму, приказывающую ему связаться с немецкими войсками в Восточной Африке под командованием фон Леттов-Форбека. Там он должен был сжечь цеппелин и присоединиться к войскам. Это, конечно, было не все послание. Что-то должно было быть сказано о возвращении фон Борка в Германию, поскольку у него уже была формула для мутации и культивирования «кислых бацилл капусты».

Когда мы остались одни в средней гондоле порта, где нас держали в течение части плавания, Холмс тяжело вздохнул.

— Мы должны заполучить эту формулу, Ватсон, — начал он. — Я вам не говорил, но еще до того, как вы пришли в кабинет Майкрофта, мне сообщили, что эти микробы обоюдоострое оружие. Они могут мутировать, чтобы питаться другими продуктами. Представь себе, что случится с нашими запасами продовольствия, не говоря уже об ударе по нашему моральному духу, если эти микробы «переориентируют» на вареное мясо? Или пшеницу? Или картофель?

— Боже мой! Могло быть и хуже, Холмс, гораздо хуже. А что, если немцы сбросят над Англией бомбы, микробы в которых выпьют весь эль? Или

подумайте о том, как упадет дух наших доблестных шотландцев, если их запасы виски исчезнут у них на глазах?

Фон Борк был впечатлен, но… от него, столь же необученного, как и мы, толку было немного. Кроме того, его поврежденный левый глаз мешал ему так же, как и нам наш возраст. Немец был сильно разозлен и не мог скоординировать действия со своим партнером. Мое профессиональное мнение состояло в том, что он был совершенно невменяем. Другой глаз был вполне здоров. Он сверкал каждый раз, когда его взгляд падал на нас. Пламя отражало неистовую ненависть в его сердце, жажду убить нас.

Однако воздушный корабль находился в таком затруднительном положении, что ни у кого не было ни времени, ни желания думать о чем-либо, кроме выживания. Пара двигателей все еще работало, что позволяло управлять летающим судном. Пока мы двигались на юг, ветер дул нам в спину, мы продвигались вперед. Но из-за заклинивших рулей нос корабля был опущен, а хвост поднят. Некоторое время L9 летел, накреняясь примерно на пять градусов к горизонтали. Райх поручил всем, включая нас, поскольку мы вызвались добровольцами, переносить все необходимое

оборудование в заднюю часть корабля, чтобы перегруппировать вес. Все, что было ненужным, а такого было немного, летело за борт. Кроме того, была сброшена большая часть водяного балласта.

Под нами раскинулись пески Судана. Солнце пылало в безоблачной синеве. Огненное дыхание нагревало водород в полостях, и огромное количество газа с шипением вырывалось через клапаны. Горячий ветер задувал в корпус через огромную дыру, проделанную самолетом, когда тот совершил посадку на дирижабль. Жара, конечно, заставляла водород расширяться, таким образом и корабль поднимался все выше и выше, несмотря на потерю газа из клапанов. Ночью воздух остывал очень быстро, и корабль быстро опускался, слишком быстро для того, чтобы его пассажиры чувствовали себя в безопасности. Днем восходящие потоки тепла от песков заставляли судно раскачиваться и вибрировать. Все мы на борту чувствовали себя больными.

Работая не покладая рук, несмотря на все препятствия, экипажу удалось снова запустить все двигатели. На пятый день управление рулями было исправлено. Но корпус дирижабля все еще был скособочен, и это вместе с огромной дырой в

баллоне делало его аэродинамический неустойчивый. По крайней мере, так нам объяснил Райх. Он, между прочим, ничего не скрывал, рассказывая нам о самом корабле, хотя и не сообщал нам нашего точного местонахождения. Возможно, потому, что он хотел быть уверенным, что мы каким-то образом не доберемся до радиопередатчика и не пошлем сообщение англичанам в Восточной Африке.

Плоская пустыня сменилась горами. Было сброшено еще больше балласта, и L9 едва избежал царапин на некоторых вершинах. Наступила ночь с ее охлаждающими эффектами, и корабль упал. К счастью для нас, горы в этом месте были ниже…

Два дня спустя, когда мы лежали, изнемогая от жары, на мостике, который тянулся вдоль киля, Холмс сказал:

— По моим расчетам, сейчас мы находимся где-то над Британской Восточной Африкой, где-то в окрестностях озера Виктория. Очевидно, что мы никогда не доберемся до Махенге или вообще куда-либо в Германской Восточной Африке. Дирижабль потерял слишком много водорода. Я подслушал несколько осторожных комментариев на этот счет Райха и Тринга. Они думают, что

мы разобьемся где-нибудь сегодня ночью. Вместо того чтобы искать ближайшие британские власти и сдаваться, как это сделал бы любой здравомыслящий человек, они полны решимости пересечь нашу территорию и перебраться на территорию Германии. Знаете ли вы, сколько миль вельда, джунглей и болот, кишащих львами, носорогами, гадюками, дикарями, малярией, лихорадкой Денге и бог знает чем еще нам придется пройти? Вернее, попытаться пройти пешком?

— Может быть, нам удастся ускользнуть как-нибудь ночью?

— И что мы тогда будем делать? — с горечью вздохнул Холмс. — Ватсон, мы с вами хорошо знаем лондонские джунгли и вполне приспособлены для сафари по ним. Но здесь… нет, Ватсон, любой чернокожий восьмилетний ребенок знает много больше нас, чтобы выжить в этих дебрях.

— Печальная перспектива, — мрачно сказал я.

— Хотя я происхожу из семьи великих французских художников, — заметил Холмс, — сам я не умею писать красивые картины.

Холмс усмехнулся тогда, и я был воодушевлен. Холмс никогда не сдавался. Его неукротимый английский дух не мог быть побежден, но мог пасть в бою. И я надеялся, что в этот миг буду

рядом с ним. Разве не лучше погибнуть в седле, пока еще есть силы, чем умереть в постели, когда ты стар, искалечен, болен и, возможно, идиот, пускающий слюни и делающий всякие жалкие, тошнотворные вещи?

Вечером мы приготовились покинуть корабль. Балластная вода из балласта была перелита в переносные контейнеры, запасы продовольствия распределили по мешкам, сделанным из хлопчатобумажной ткани, оторванной от корпуса… Мы ждали. Где-то после полуночи наступил конец. К счастью, стояла безоблачная ночь, и луна светила достаточно ярко, чтобы мы могли разглядеть, хотя и не слишком отчетливо, местность внизу. Это были невысокие горы, заросшие джунглями. Корабль пошел вниз, спускаясь в извилистую долину, по дну которой бежал серебристый ручей. Затем нам нужно было резко подняться, но мы не могли этого сделать.

Мы уже сидели в рубке управления, когда перед нами встал склон холма. Райх отдал приказ, и мы выбросили наши припасы, тем самым облегчив груз и дав еще несколько секунд передышки. Нам, двум заключенным, вежливо разрешили прыгать первыми. Райх сделал это, потому что корабль поднимался, когда члены экипажа пры-

гали, и он хотел, чтобы мы были ближе к земле. Мы были стары и не так проворны, и он считал, что нам нужны все преимущества.

Он был прав. Несмотря на то что мы с Холмсом упали в кусты, которые облегчили наше падение, мы были все в синяках. Однако мы выбрались из зарослей и отправились сквозь кусты к мешкам с припасами. Дирижабль же пронесся над нами, скользя огромной тенью, как плащ, и вдруг наткнулся на что-то. Жужжащие пропеллеры отключились, корпус смялся, и кабина оторвалась с нервно-скрежещущим звуком. Потом сам баллон, освободившийся от лишнего груза, взмыл в небеса. Но очевидно было, что ему совсем не долго оставалось бороздить африканские небеса. Через несколько минут он взорвался. Райх оставил несколько бомб замедленного действия рядом с газовыми камерами.

Пламя было очень ярким, очертив темный скелет каркаса. Птицы взлетали и кружились вокруг обломков. Несомненно, они и звери джунглей издавали громкие звуки, но рев пламени заглушал вся и все.

При свете горящего дирижабля мы смогли разглядеть спуск с холма, хотя видимость была не такой и хорошей. Мы стали продираться

сквозь густую растительность, надеясь добраться до припасов раньше остальных. Мы договорились взять столько еды и воды, сколько сможем унести, и отправиться в путь самостоятельно, если представится такая возможность. Конечно, рассуждали мы, поблизости должна быть какая-нибудь туземная деревня, и, оказавшись там, мы попросим совета, как добраться до ближайшего британского поста.

По чистой случайности мы наткнулись на мешки с едой и флягами воды.

— Госпожа Судьба нам улыбнулась, Ватсон! — воскликнул Холмс, но его смех тут же стих, когда из кустов вышел фон Борк. В руке он держал автоматический «Люгер», а его единственный глаз горел от решимости пустить пистолет в ход до появления остальных. Конечно, он мог заявить, что мы бежали или напали на него и что он оказался вынужден застрелить нас.

— Умрите, свиньи вы этакие! — зарычал он и поднял пистолет. — Но прежде чем вы сдохнете, знайте, что формула у меня с собой и что я доставлю ее на родину. Она погубит вас, английских, французских и итальянских свиней. Бациллы сожрут йоркширский пудинг, улиток и спагетти. Все, что есть у вас съедобного! Вся прелесть в том,

что очень легко заставить эти микробы питаться тем, чем нам захочется.

Мы выпрямились, готовые умереть, как подобает британцам.

— Прыгайте в сторону, Ватсон, — пробормотал Холмс уголком рта, — а потом мы его скрутим! Берете на себя его слепую сторону! Может быть, кто-то из нас доберется до него!

Это был благородный план, хотя я не знал, что смогу сделать, даже если доберусь до фон Борка. В конце концов, он был молод и имел великолепное телосложение.

В этот момент в кустах раздался треск, громкий голос Райха, который приказал фон Борку не стрелять. Командир экспедиции, со слезами на глазах, спотыкаясь, вышел на небольшую поляну. За ним шли другие.

— Я просто держал их на мушке, пока вы не прибыли, — фыркнул фон Борк.

Райх, должен добавить, оплакивал свой воздушный корабль, судьба которого нанесла ему страшный удар. Он любил свое судно, и видеть, как оно умирает, было для него равносильно смерти жены. Возможно, это имело еще большее значение, так как, как я позже узнал, перед началом этой экспедиции он был на грани развода.

Хотя Райх и спас нас, он понимал, что мы готовы сбежать при первой же возможности. Он внимательно следил за нами, хотя и не так внимательно, как фон Борк. Тем не менее он позволил нам скрыться за кустами, чтобы позаботиться о наших физических нуждах, когда немцы разбили лагерь…

Только через три дня после гибели дирижабля мы отправились в путь. И почти сразу нам удалось ускользнуть от своих пленителей.

— Ну что ж, Ватсон, — сказал Холмс, когда несколько часов спустя мы, тяжело дыша, присели под дерево передохнуть. — мы от них ускользнули. Но у нас нет ни воды, ни еды, кроме горсти заплесневелых сухарей в карманах. В этот момент я бы обменял их на горсть табака.

В конце концов мы заснули, и спали как два старых и измученных человека, какими мы, собственно, и были. Я просыпался несколько раз, наверное, из-за насекомых, ползающих по моему лицу, но всякий раз снова быстро засыпал. Около восьми утра нас разбудили свет и шум джунглей. Я был первым, кто увидел кобру, скользящую к нам сквозь высокие заросли. Быстро, хотя и с трудом, я поднялся на ноги. Холмс тоже увидел кобру… Змея, отреагировав на наше движение,

подняла свою верхнюю часть, ее капюшон раздулся, и она закачалась, поворачивая голову то в одну, то в другую сторону.

— Спокойно, Ватсон! — объявил Холмс, хотя этот совет ему лучше было бы дать самому себе. Он был гораздо ближе к кобре, на расстоянии ее рывка, и его трясло сильнее, чем меня. Конечно, его нельзя было винить за это. Он оказался в более неприятном положении.

— Так и знал, что надо было взять с собой фляжку с бренди, — проворчал я. — У нас нет абсолютно ничего, чтобы спастись от укуса змеи.

— Сейчас не самое подходящее время для упреков, мой друг! — ответил Холмс. — Кроме того, что вы за врач, Ватсон? Это чистая суеверная чепуха, что алкоголь помогает предотвратить действие яда.

— В самом деле, Холмс, — согласился я.

В последнее время мой друг стал таким раздражительным, таким обидчивым. Отчасти его можно было извинить, так как он стал очень нервничать, лишившись всех запасов табака. И все же я думал… но мне так никогда и не удалось довести до конца эту мысль. Кобра метнулась к нам, и мы с Холмсом подскочили, закричав одновременно.

Что-то просвистело в воздухе. Кобра была отброшена в сторону, и корчилась, умирая, на земле. Стрела вонзилась ей прямо в затылок.

— Спокойно, Ватсон! — воскликнул Холмс. — Мы спасены, но дикарь, который стрелял в змею, возможно, пощадил нас только для того, чтобы раздобыть свежего мяса для своего котла!

Внезапно мы снова подпрыгнули в воздух, испуганно закричав.

Словно из воздуха перед нами возник человек.

Мое сердце билось слишком сильно, а дыхание было слишком быстрым, чтобы я мог что-то сказать.

Холмс пришел в себя первым.

— Лорд Грейсток, я полагаю?

Глава 7

НЕЗНАКОМЕЦ ПОКАЗАЛСЯ НАМ гигантом, хотя на самом деле был всего на три дюйма выше Холмса. Его кости были большими, необычайно большими, и, хотя он был мускулистым, мускулы его не напоминали рельефную мускулатуру профессионального силача. Борец или штангист напоминает гориллу, а незнакомец напоминал леопарда. Лицо его поражало красотой. Волосы у него были подрезаны у основания шеи, очевидно, с помощью огромного охотничьего ножа, покоившегося в ножнах на поясе из антилопьей кожи чуть выше набедренной повязки из леопардовой шкуры. Волосы у него были черные, как у араба, а бронзовая кожа испещрена шрамами. Его глаза были большими и темно-серыми, и в них было что-то одновременно дикое и далекое. Что еще сказать о его внешности? Нос — прямой, верхняя губа — короткая, а подбородок — квадратный и раздвоенный.

В одной руке он держал короткий толстый лук, а за спиной у него висел колчан с дюжиной стрел.

«Так это и есть прославленный лорд Грей-

сток», — подумал я. Да, его черты достаточно похожи на черты десятилетнего лорда Салтайра, которого мы спасли в монастырской школе. Но от этого человека исходила пугающая свирепость, он был переполнен яростью, более дикой, чем та, которой обладают самые примитивные народы. Это никак не мог быть отпрыск древнего британского рода. Ни в коем случае не тот английский джентльмен, каким был Солтир даже в десятилетнем возрасте. Этот человек вырос в школе, где дедовщина монастыря, регби и экзамены в Оксфорд казались детской забавой… «Конечно, — подумал я, — он может оказаться сумасшедшим. Как иначе объяснить странные слухи, ходившие о нем в клубах и салонах нашей знати и дворянства?.. Однако, — продолжал я рассуждать, он может оказаться типичным продуктом английской цивилизации. Случилось так, что сын нашего острова, каким-то мистическим образом затронутый Востоком и Африкой, стал более туземцем, чем любой абориген. Таким был сэр Ричард Фрэнсис Бертон, больше араб, чем араб, и лорд Джон Рокстон, который, как поговаривали, был более диким, чем индейцы Амазонки, с которыми общался».

В течение следующих нескольких минут я

решил, что первое предположение о том, что он сошел с ума, было правильным.

— Кроме всего прочего, я известен как лорд Грейсток, — сказал наш спаситель глубоким сочным баритоном. Так и не предложив пожать нам руки и представиться, как подобает истинным джентльменам, он поставил на змею голую ногу, покрытую мозолями толщиной в дюйм, и вытащил стрелу. Он вытер ее о траву, положил в колчан и отрезал голову рептилии. Пока мы смотрели на него с восхищением и отвращением, он освежевал кобру,

а затем начал откусывать от нее куски сырого мяса и жевать. Кровь стекала по его подбородку. Все это время он рассматривал нас своими прекрасными, но дикими глазами.

— Не хотите хлебнуть змеиной крови или мясца? — поинтересовался он и улыбнулся нам коварной улыбкой.

— Нет, если только змея не будет приготовлена должным образом, — холодно ответил Холмс.

— Вареная или сырая… Я лучше умру с голоду, — пробормотал я нахмурившись, но искренне.

— Тогда умрешь с голоду, — покачал головой Грейсток.

— Послушайте, — запротестовал я. — Мы ведь

тоже англичане, не так ли? Неужели вы позволите нам умереть с голоду, пока эти немцы…

Дикарь перестал жевать и нахмурился.

— Немцы! — воскликнул он. — Здесь? Где-то поблизости? Где они сейчас?

Холмс изложил нашу историю в общих чертах, в целях безопасности оставив некоторые детали. Грейсток выслушал его, хотя и нетерпеливо, и потом сказал:

— Нужно их всех прикончить.

— Не дав им шанса сдаться? — в ужасе воскликнул я.

— Я не беру пленных, — пояснил Грейсток, свирепо глядя на меня. — Ни один солдат, черный или белый, который сражается за Германию, не смеет ступить на эти земли. Как-то банда черных солдат под командованием белых офицеров убила мою жену и моих воинов, охранявших ее, и сожгли мой дом. С тех пор я поклялся убивать каждого встречного немца, пока война не закончится. И, возможно, даже после того, как все закончится, я продолжил охоту… — добавил он.

— Но эти люди не солдаты! — попытался возразить я. — Это авиаторы, члены германского императорского флота!

— Они умрут.

— Их командир обращался с нами как подобает офицеру и джентльмену, — заметил Холмс. — Мы обязаны ему жизнью.

— За это он получит быструю и безболезненную смерть.

— Может быть, мы сначала разведем костер и приготовим эту рептилию, а потом, может быть, послушаем вашу историю?

Грейсток отбросил скелет змеи, с которого была содрана большая часть мяса, в сторону.

— Поищу что-нибудь более подходящее для вашего цивилизованного вкуса, — вздохнул он. — В конце концов, немцы никуда не денутся, — он сказал это таким мрачным тоном и столь уверенно, что у меня мурашки побежали по спине. — А вы двое оставайтесь здесь.

И он исчез, быстро и бесшумно растворившись в хитросплетении зарослей.

— Боже мой, Холмс! — воскликнул я. — Этот человек — зверь, дикая машина, созданная для мести! И, Холмс, кем бы он ни был, он определенно не тот ребенок, которого мы привезли к герцогу в Пемберли-Хаус[14]! Конечно, он узнал

---

[14] Примечания: 14

Настоящее название герцогского особняка Ватсон назвал Холдернесс-Холл в рассказе «Случай в интернате». Описание поместья можно найти в книге Джейн Остин «Райд и предубеждение». (*Редактор.*)

бы своих спасителей, даже если бы мы стали еще старше! А прошедшие пятнадцать лет не так уж изменили нас!

— А насколько эти годы изменили его? Ватсон, в этом ручье мутная вода… Я наблюдал за этой семьей на протяжении многих лет, правда, время от времени. По какой-то причине мы постоянно натыкаемся на членов семьи герцога или на людей, которые были связаны с ними. Именно герцогиня застрелила Милвертона, именно черный Питер Кэри, как я сильно подозреваю, убил дядю нашего лорда Грейстока. Ну, вы знаете, герцога-социалиста, который некоторое время водил такси…

— Вы о деле с собакой Баскервилей? — я ворвался в его речь.

— Вы же знаете, Ватсон, я не люблю, когда мне мешают, — раздраженно сказал он. — Как я уже говорил, Кэри, вероятно, убил пятого герцога до того, как тот пришел к плохому, но заслуженному финалу в Форест-Роу. У меня есть основания полагать, что Кэри под другим именем находился на борту корабля, перевозившего сына пятого герцога и его жену в Африку, когда был потерян вместе со всем экипажем — то есть всеми, кто знал об этом. Затем меня снова вызвал шестой герцог,

чтобы найти своего незаконнорожденного сына, который, как оказалось, поселился в Штатах, а не в Австралии. Странная паутина связала наши судьбы с судьбами Грейстоков[15].

— Я просто не могу поверить, что этот человек — сын шестого герцога!.. — начал было я.

— Джунгли могут изменить человека, — вздохнул Холмс. — Тем не менее я с вами согласен, хотя черты его лица и голос удивительно похожи. Наш лорд Грейсток — самозванец. Но как ему удалось выдать себя за настоящего лорда Грейстока? Когда случилась подмена? А что случилось с сыном шестого герцога, ребенком, которого мы знали как лорда Салтайра[16]?

— Боже правый! — воскликнул я. — Вы подозреваете убийство?

— Любой способен на убийство, мой дорогой Ватсон, — вздохнул мой друг. — Даже ты и я, учитывая соответствующие обстоятельства и надлежащее или неподобающее эмоциональное

---

[15] Примечания: 15

Более полное описание этих событий смотрите в моей окончательной биографии лорда Грейстрока. (*Редактор.*)

[16] Примечания: 16

У англичан есть обычай обращаться к сыновьям знати с почетным титулом, хотя по закону сыновья являются простолюдинами. У герцога было несколько второстепенных титулов, самым важным из которых был маркиз Салтайр. Таким образом, сын герцога был известен как лорд Салтайр. (*Редактор.*)

состояние. Но у меня есть предчувствие, что этот человек не способен на хладнокровное убийство. Хотя он может быть эмоционально неустойчив.

— А если проверить отпечатки пальцев! — воскликнул я в приподнятом настроении, вспомнив все то, что рассказывал мне Холмс.

Он улыбнулся и сказал:

— Да. Если проверить отпечатки пальцев, можно установить, является ли он самозванцем. Но я сомневаюсь, что есть какие-либо записи об отпечатках пальцев Салтайра.

— Его почерк? — раздавленный, я пытался уцепиться за соломинку.

— Он разыщет и уничтожит все бумаги с почерком Салтайра, все, что попадется ему под руку. Однако — он не смог бы раздобыть все и вся… Да, если бы они нашлись, мы могли бы сравнить почерк Салтайра с почерком Грейстока. Полагаю, Грейсток выучился писать как Салтайр, но специалист, например я, без труда распознал бы подделку. Однако сейчас мы не в том положении, чтобы делать это, и, судя по всему, нам никогда не представиться возможность провести это расследование. Кроме того, прежде чем обратиться к властям с обвинением, я должен был убедиться, что это расследование окажется полезным.

В конце концов, мы не знаем, почему Грейсток его прикончил. Он может быть невиновен в убийстве.

— Надеюсь, — протянул я. — Вы же не собираетесь просить Грейстока признаться?

— Что? Попроси я об этом, нас могут убить на месте… А может быть, съедят… Не думаю, что Грейсток включил бы нас в свое меню, если было бы доступно другое мясо. Если бы он умирал с голоду, то не был бы таким разборчивым.

— Я хочу кое в чем признаться вам, Холмс. Помните, как мы обсуждали Грейстока в кабинете Майкрофта? Вы сказали, что слышали о романе — в высшей степени беллетризованном и романтизированном рассказе о приключениях Грейстока в Африке. Вы также упомянули, что очень немногие экземпляры романа достигли Англии из-за объявления военных действий незадолго до публикации книги.

— Да? — спросил Холмс, странно глядя на меня.

— Зная ваше отношение к моему чтению того, что вы считаете мусором, я не сказал вам, что мой друг в Сан-Франциско — он был моим шафером, когда я женился на своей первой жене, — прислал мне экземпляр не только первой книги, но

и ее продолжения. Я их читал…

— Боже правый! — протянул Холмс. — Понимаю ваш стыд, Ватсон, но сокрытие улик…

— Какие улики? — я ответил более горячо, чем обычно, без сомнения, из-за усталости, голода и беспокойства. — Ведь мы точно не знаем, было ли совершенно преступление!

— Туше! — подвел черту Холмс. — Прошу вас, примите мои извинения. И продолжайте.

— Американский писатель, да еще с таким буйным воображением, утверждает, что настоящий лорд Грейсток родился в хижине у берегов Западной Африки. В романе о Грейстоке мятежники оставили его родителей в диких землях. Не имея возможности вернуться к цивилизации, те построили хижину, и в ней родился молодой Грейсток. Когда его родители умерли, ребенок оказался усыновлен самкой разумной человекообразной обезьяны. Эти обезьяны — плод воспаленного воображения автора, который, между прочим, никогда не бывал в Африке, но, по-видимому, много читал о ней. Короче говоря, мальчик рос, научился читать и писать по-английски, даже не слыша ни слова по-английски… Нелепо! Что все именно так и было. Затем белая девушка, американка конечно, а также ее семья

и партнеры, среди которых есть юноша, унаследовавший титул Грейстока…

— Короче, Ватсон. Вернемся к вашей истории. Дело в том, что американец читал в газетах или журналах рассказы о том, как лорд Грейсток, яркий пример английской эксцентричности или безумия, отказался от своего наследия и обосновался в Африке. Хуже того, он жил как туземец. Нет, хуже, чем туземец, потому что ни один туземец не жил так, как этот лорд, в джунглях в одиночестве, убивая ножом львов, питаясь сырым мясом, общаясь с шимпанзе и гориллами. А этот янки используя лишь часть правды, накропал сенсационный роман и придумал сюжет и характеры, которые обязательно понравятся публике.

— Возможно, — согласился я. — Позвольте мне рассказать вам, что произошло в продолжении, которое написал тот же янки.

Я так и сделал, после чего подождал, что скажет Холмс. Выслушав меня, мой друг долго сидел, прислонившись к стволу дерева, и хмурил брови. Наверное, он сидел бы так всю ночь, словно обдумывая какое-то сложное дело. Однако через несколько минут он воскликнул:

— Боже, как я скучаю по своей трубке, Ватсон!

Никотин — не просто стимулятор мыслительного процесса, это необходимый допинг для любого мыслителя! Удивительно, что до открытия Америки что-то было сделано в науке и искусстве!

Тут мой друг рассеянно протянул руку и поднял с земли палку. Он зажал ее в зубах, без сомнения намереваясь пососать ее в качестве замены, пусть и неудовлетворительной, опустошенной трубки. В следующее мгновение он вскочил с воплем, от которого я вздрогнула.

— Что случилось? — воскликнул я. — Что вы обнаружили, Холмс? Что это?

— Проклятье! — закричал он и указал на палку. Она быстро метнулась на тонких ножках и спряталась под бревном.

— Боже мой! — воскликнул я. — Это было насекомое!

— Как ты наблюдателен, — прорычал мой друг.

Но в следующее мгновение он уже стоял на коленях и пытался нащупать под бревном сбежавшую тварь.

— Господи, что вы делаете? — поинтересовался я.

— Но ведь на вкус как табак, — сказал он. — Целесообразность — это признак…

Больше я ничего не расслышал. В ближайших зарослях поднялся шум, послышались крики смертельно раненных людей.

— В чем дело? — удивился я. — Мог ли Грейсток найти немцев?

Затем я замолчал и схватил своего друга за руку, в то время как новый вопль прокатился по лесу — вопль, от которого заморозилась наша кровь и затаились дикие звери.

Глава 8

ХОЛМС РАЗОГНУЛСЯ И двинулся на звук. Я сказал:

— Подождите, Холмс! Грейсток приказал нам не покидать это место! У него должны быть на то свои причины!

— Герцог или нет, но он не может мне приказывать! — ответил Холмс. Тем не менее он остановился. Не то чтобы он изменил мнение; но теперь было совершенно ясно, что какие-то люди пробиваются через джунгли прямиком к нам. Мы повернулись и нырнули в кусты в противоположном направлении, в то время как крик позади подсказал нам, что нас заметили. Через мгновение на нас навалились тяжелые руки и поволокли вниз. Кто-то отдал приказ на незнакомом мне языке, и нас грубо подняли на ноги.

Нашими пленителями оказалось четверо высоких мужчин, смуглых, европиойдной расы, с чертами лица, напоминавшими черты древних персов. На них были толстые стеганые шлемы из какой-то ткани, тонкие рубашки без рукавов, короткие килты и кожаные сапоги до колен. Они были вооружены маленькими круглыми

стальными щитами, короткими тяжелыми обоюдоострыми мечами, тяжелыми обоюдоострыми стальными топорами с длинными деревянными древками и луками со стрелами.

Они что-то сказали нам. Мы выглядели озадаченными.

Затем они обернулись, услышав слабый крик с другой стороны поляны. Один из них, пошатываясь, выбрался из-за куста и упал ничком. Стрела, в которой я узнал стрелу Грейстока, торчала у него из спины.

Увидев его, воины насторожились, хотя я полагаю, что они были встревожены все это время. Один из них выбежал, осмотрел человека, покачал головой и помчался обратно. Нас наполовину подняли, наполовину потащили с огромной скоростью сквозь заросли, которые рвали нашу одежду и царапали наши тела. Очевидно, они столкнулись с Грейстоком, что я никому бы не посоветовал. Я не знал, зачем они прихватили с собой двух измученных стариков, но догадывался, что это было сделано не во имя благой цели.

Не стану подробно описывать это ужасное путешествие. Достаточно сказать, что мы провели четыре дня и четыре ночи в джунглях, шли весь день, старались спать по ночам. Нас царапали

кусты, кусали насекомые. Мы мучились от непрекращающегося зуда, а иногда нас тошнило… Мы прошли через почти непроходимые джунгли и забрели по пояс в болота, где обитали полчища кровососущих пиявок. Потом мы довольно быстро шли по тропинкам, состояние которых убедило меня, что ими, должно быть, часто пользовались.

На третий день мы поднялись на небольшую гору. На четвертый — мы спустились с нее в бамбуковой клетке, подвешенной на веревках к бамбуковой стреле. Под нами лежало озеро, которое извивалось, теряясь из виду среди окружающих его обрывов. Нас быстро провели к каньону, в который впадал рукав озера. Наши похитители вытащили из укрытия две лодки, и нас погрузили на них. Завернув за угол, мы увидели перед собой берег, который плавно поднимался к обрыву в нескольких милях от него. Деревня из бамбуковых хижин с соломенными крышами раскинулась вдоль берега и на некотором расстоянии от береговой линии.

Увидев нас, жители деревни бросились врассыпную. Где-то забил барабан, и под его бой нас провели по узкой улочке к хижине возле самой большой хижины. Нас втолкнули внутрь, к во-

ротам были привязаны бамбуковые прутья, и мы сидели, прислонившись к задней стене, пока жители деревни по очереди смотрели на нас. В целом они были довольно привлекательными людьми. Средний показатель красоты был намного выше, чем, например, в Ист-Энде Лондона. Женщины носили только длинные матерчатые юбки, хотя на шеях у них висели ожерелья из ракушек, а длинные волосы были украшены цветами. Дети бегали нагишом.

Вскоре нам принесли еду. Она состоял из восхитительной печеной рыбы, жареной карликовой антилопы, пресного хлеба и варева, которое при других обстоятельствах было бы слишком сладким на мой вкус. Мне не стыдно признаться, что мы с Холмсом наелись до отвала, поглощая все, что перед нами стояло.

После этого я заснул и проснулся только с наступлением сумерек. Факел вспыхнул на стойке прямо у входа, где стояли два стражника. Холмс сидел рядом с ними, читая свой практический справочник по пчеловодству, записывая замечания по поводу сегрегации королевы.

— Холмс… — начал я, но он поднял руку, призывая к молчанию. Его чуткий слух уловил странный звук за несколько секунд до моего.

Все это переросло в гул, когда жители деревни высыпали на улицу, а барабан снова забил. Через мгновение мы увидели причину этого шума. К нам направлялись шесть воинов, среди которых были Райх и фон Борк. И пока мы с любопытством наблюдали, двух немцев затолкнули в нашу хижину.

Хотя оба были намного моложе Холмса и меня, они находились в много худшем состоянии, вероятно, потому, что не придерживались старого доброго британского обычая ходить пешком, когда это было возможно. Фон Борк отказался говорить с нами, но Райх, всегда джентльмен, рассказал нам, что случилось с их группой.

— Мы тоже слышали шум и этот ужасный крик, — сказал он. — Мы осторожно пробирались к его источнику, пока не увидели кровавую бойню на поляне. Там лежали пятеро мертвецов, шестеро бежали в одну сторону, четверо — в другую. На груди самого большого трупа стоял белый человек, одетый только в леопардовую шкуру. Это он издал тот ужасный крик, который, я готов поклясться, не смог бы издать ни один человек.

— *Der englische Affenmensch,* — пробормотал фон Борк, и это был его единственный вклад в разговор в тот вечер.

— Трое воинов были пронзены стрелами, а двум другим, очевидно, сломали шеи, — продолжал Райх. — Фон Борк шепнул мне, кто такой этот дикарь, и я приказал своим людям стрелять в него. Но прежде чем мы успели что-то сделать, дикарь-убийца вскочил на ветку, подпрыгнул и исчез. Некоторое время мы безуспешно искали его. Затем мы двинулись на восток, но в сумерках один из моих людей упал со стрелой в шее. Угол наклона стрелы показывал, что стрела прилетела сверху. Мы посмотрели вверх, но ничего не увидели. Затем голос, на превосходном немецком языке, но с бранденбургским акцентом, приказал нам повернуть назад. Мы должны были отправиться на юго-запад. Если мы этого не сделаем, один из нас будет умирать каждый день в сумерках, пока никого не останется. Я спросил его, почему мы должны это делать, но ответа не последовало. Очевидно, мы были полностью в его власти.

— Он утверждает, что немецкие офицеры убили его жену, — заметил Холмс.

— Это ложь! — возмутился Райх. — Опять британская пропаганда! Мы не гунны, какими нас изображает ваша пропаганда!

— В каждой бочке есть гнилые яблоки, — хо-

лодно ответил Холмс.

У Райха был такой вид, словно его что-то внезапно встревожило. Я подумал было, что он ранен, просто скрывал это, но он сказал:

— Итак, вы познакомились с Грейстоком! Это он вам сказал! Но почему он покинул вас, бросил на растерзание этим дикарям?

— Не знаю, — пожал плечами Холмс. — Пожалуйста, продолжайте свой рассказ.

— Моя первая забота была о безопасности и благополучии моих людей. Игнорировать Грейстока значило бы быть храбрым, но глупым. Поэтому я приказал идти на юго-запад. Через два дня стало ясно, что Грейсток намеревался уморить нас голодом. Вся наша еда была украдена в ту ночь, но мы не осмелились покинуть линию марша, чтобы поохотиться, хотя я сомневаюсь, что мы были бы в состоянии стрелять что-нибудь. Вечером второго дня я позвал его, умоляя позволить нам хотя бы поохотиться. Должно быть, он милосердный человек. В то утро мы проснулись и обнаружили в центре лагеря только что убитую дикую свинью с оранжевой щетиной. Откуда-то из ветвей над головой донесся его насмешливый голос:

«Свиньи должны есть свиней!»

Так мы пробирались на юго-запад до сегодняш-

него дня. На нас напали эти дикари. Грейсток не приказывал нам сложить оружие, поэтому мы хорошо себя показали. Но выжили только фон Борк и я. Мы были сбиты с ног ударами их топоров. После нас притащили сюда, одному Господу известно, с какой целью.

— Подозреваю, что лорд джунглей — таков один из неофициальных титулов Грейстока — знает об этом, — мрачно сказал Холмс.

Глава 9

ЕСЛИ ГРЕЙСТОК И знал, что будет дальше, он не сказал нам, чего ожидать. Прошло несколько дней, пока мы спали, ели и разговаривали с Райхом. Фон Борк продолжал игнорировать нас, хотя Холмс несколько раз обращался к нему. Холмс спросил его о здоровье, что показалось мне странным для человека, который не убил нас только потому, что ему не представилась такая возможность.

Холмс, казалось, особенно заинтересовался его левым глазом. Однажды приблизившись к нему на несколько дюймов, мой друг уставился на него. Фон Борк пришел в ярость от такого пристального внимания.

— Отойди от меня, британская свинья! — заорал он. — Или я выколю тебе оба глаза!

— Позвольте доктору Ватсону осмотреть его, — попросил Холмс. — Возможно, он сумеет его спасти.

— Не хочу, чтобы некомпетентный английский врач копался в моем теле, — заметил фон Борк.

Я пришел в такое негодование, что прочитал ему лекцию об очень высоких стандартах бри-

танской медицины, но он отвернулся от меня. Холмс усмехнулся и подмигнул мне.

В конце недели нам разрешили выходить из хижины днем, без сопровождения охраны. Мы с Холмсом не были скованы никакими узами, хотя немцы были в кандалах, так что не могли идти очень быстро. Очевидно, наши похитители решили, что мы с Холмсом слишком стары, чтобы пуститься в бега.

Мы же воспользовались нашей относительной свободой, чтобы прогуляться по деревне, осматривая все вокруг, а также пытаясь выучить язык.

— Не знаю, к какой языковой группе принадлежат наши тюремщики, — вздохнул Холмс. — Их язык не имеет никакого отношения ни к корнуэльскому, ни к халдейскому языку, в этом я уверен.

Холмса также интересовал белый фарфор этих людей, который представлял собой их высший вид искусства. Черные фигуры и узоры, которые они рисовали на нем, напомнили мне ранние греческие вазы. Вазы и блюда были сделаны из отложений каолина, которых полным-полно в Северной Африке. Я упоминаю об этом только потому, что белая глина должна была сыграть важную роль в нашем спасении в ближайшем

будущем.

К концу второй недели Холмс, превосходный лингвист, научился довольно бегло говорить на языке наших тюремщиков.

— Их язык принадлежит к совершенно неизвестной языковой семье, — объяснил он мне. — Но есть некоторые слова, которые, хотя и выродились, очевидно, происходят из древнеперсидского языка. Я бы сказал, что в свое время эти люди имели контакт с отрядами потомков Дария. Их группа обосновалась здесь, а эти туземцы заимствовали некоторые слова из их языка.

Деревня состояла из сотни хижин, расположенных концентрическими кругами. В каждой семье было от двух до восьми человек. Их поля лежали к северу от деревни на склонах, ведущих к обрывам. Стадо состояло из коз, свиней и карликовых антилоп. Их алкогольный напиток был чем-то вроде меда, приготовленный из меда диких пчел. Порой пчелы залетали в деревню, и Холмс отловил несколько для изучения. Они были около дюйма длиной, полосатые черно-белые, и вооружены длинным ядовитым шипом. Холмс заявил, что они принадлежат к новому виду, и не видел причин не отнести их к *Apis holmesi.*

Раз в неделю отряд туземцев отправлялся в горы

за медом. Его члены всегда были одеты в кожаную одежду и перчатки, а поверх шляп надевали сетки. Холмс попросил разрешения сопровождать их, объяснив, что он хорошо разбирается в пчелах. К его разочарованию, ему отказали. При дальнейшем расследовании, проведенном им, он выяснил, что существует труднопроходимый проход через пропасти, отделявшие деревню. Его использовали только в экстренных случаях из-за огромного количества пчел, заполнивших узкий проход. Холмс все это узнал, расспросив ребенка. Видимо, взрослые не додумались сказать своим детям, чтобы те хранили тайны племени.

— Оборудование для защиты от пчел заперто в их храме, — пояснил Холмс. — Без него бежать невозможно.

Храм был большой хижиной в центре деревни. Нам не разрешалось ни входить в него, ни даже приближаться к нему ближе чем на пятьдесят футов. Осторожно расспросив наивных туземцев и беззастенчиво подслушав их разговоры, Холмс выяснил, что верховная жрица, она же королева племени, живет в храме. Мы никогда ее не видели и вряд ли увидим. Она родилась в храме и должна была прожить там до самой смерти. Холмс не мог понять, почему она так ограничена.

Его теория состояла в том, что она была своего рода заложница богов.

— Возможно, Ватсон, она стала пленницей из-за суеверия, возникшего после катастрофы, когда, согласно их мифам, вода затопила эту землю, уничтожив великую цивилизацию, которая тут существовала. Рыбаки рассказали мне, что часто видят на дне этого озера затонувшие развалины каменных домов, в которых жили их предки. Они говорят, что на эту землю было наложено проклятие, и намекают, что только сохранив верховную жрицу-королеву в неприкосновенности, невидимую для нечестивых глаз, не тронутую никем после полового созревания, можно предотвратить гнев богов. Они уклончивы, когда разговор заходит на эту тему, поэтому мне пришлось кое-что самому досочинить.

— Это ужасно! — вздохнул я.

— Потоп?

— Нет, что женщина должна на всю жизнь быть лишена свободы и любви.

— У нее есть имя, но я никогда его не слышала. Они называют ее красавицей.

— Неужели мы ничего не сможем для нее сделать? — поинтересовался я.

— Не знаю, хочет ли она, чтобы ей помогли. К то-

му же вы не должны допустить, чтобы ваша всем известная галантность подвергла нас опасности. Но чтобы удовлетворить законный научный интерес, мы могли бы попытаться заглянуть в их храм. Его крыша имеет большое круглое отверстие в центре. Если бы нам удалось подобраться к верхушке высокого дерева ярдах в двадцати от него, мы могли бы заглянуть в здание.

— И вся деревня увидела бы, чем мы заняты? — вздохнул я. — Нет, Холмс, днем на дерево невозможно забраться незамеченным. А если мы сделаем это ночью, то ничего не увидим из-за темноты. В любом случае, такая попытка, вероятно, будет означать мгновенную смерть.

— Ночью в здании горят факелы, — сказал он. — Послушайте, Ватсон, если вам не по душе это приключение в лесу, я пойду один.

Вот почему, несмотря на мои дурные предчувствия, в пасмурную ночь мы залезли на это высокое дерево… После того как фон Борк и Райх уснули, а наши стражники задремали и в деревне воцарилась тишина, нарушаемая только пением в храме, мы выбрались из хижины. Накануне Холмс спрятал веревку, но даже с ней забраться на дерево оказалось нелегко. Мы были не двадцатилетними юнцами, проворными и

бесстрашными как обезьяны. Холмс перебросил утяжеленный конец веревки через нижнюю ветку, находившуюся на высоте двадцати футов, и связал их вместе.

Затем, ухватившись обеими руками за веревку и упершись ногами в ствол, он пошел, держась почти перпендикулярно стволу, вверх по дереву. Добравшись до ветки, он долго отдыхал, задыхаясь. Он хватал ртом воздух с такими звуками, так громко, что я испугался, как бы он не разбудил жителей деревни в соседних хижинах. Придя в себя, он позвал меня, потребовав, чтобы я поднялся наверх. Так как я был тяжелее и на несколько лет старше, мне не хватало кошачьих мускулов Холмса, имея больше телосложения медведя, я едва сумел подняться. Я обхватил ногами веревку — не ходить же мне под углом девяносто градусов к дереву — и с трудом, задыхаясь, подтянулся… В конце концов, я англичанин, да и Холмс сильно помог мне, втащив на ветвь, когда я уже начал бояться, что это мое последнее приключение.

Отдохнув, мы с легкостью поднялись по ветвям к месту примерно в десяти футах ниже вершины дерева. Оттуда мы могли заглянуть почти прямо вниз через отверстие в середине крыши. Факелы внутри позволяли нам довольно ясно видеть

внутренности храма.

Мы оба ахнули, когда увидели женщину, стоящую в центре здания у каменного алтаря. Красавица — одна из самых изящных созданий, когда-либо украшавших эту планету. У нее были длинные золотистые волосы и глаза, которые казались темными с того места, где мы сидели, но которые, как мы позже выяснили, были темно-серыми. На ней не было ничего, кроме ожерелья из каких-то камней, которые сверкали, когда она двигалась. Хотя я был очарован, я также чувствовал что-то вроде стыда, как если бы я был подглядывал за женской раздевалкой. Мне пришлось напомнить себе, что местные женщины в повседневной жизни не носят ничего выше пояса, а когда купаются в озере, то вообще ничего не носят. Так что мы не делали ничего безнравственного. Несмотря на эти рассуждения, мое лицо (и многое другое) разгорячилось…[17]

Красавица долго стояла молча, что, как я ожидал, должно было вывести Холмса из терпения. Но он не пошевелился и не произнес ни слова, так что я полагаю, что на этот раз он не возражал против бездействия. Жрицы пели, а жрецы ходили

[17] Примечания: 17

Скобки принадлежат редактору. Ватсон вычеркнул эту фразу, но не настолько, чтобы сделать ее неразборчивой. (*Редактор.*)

по кругу, делая знаки руками и пальцами. Затем привели связанного козла, положили на алтарь, и после еще нескольких мумбо-юмбо красавица перерезала ему горло. Кровь собирали в золотую чашу и передавали по кругу в некоем подобии причастия, причем красавица пила первой.

— В высшей степени антисанитарное действо, — пробормотал я, обращаясь к Холмсу.

— Тем не менее эти люди несколько чище, чем обычные лондонцы, — ответил Холмс. — И гораздо чище, чем шотландские крестьяне.

Я чуть было не рассердился на это замечание, так как по материнской линии я шотландец. Холмс знал и это, и мою чувствительность по этому поводу. В последнее время он делал слишком много замечаний такого рода, и, хотя я приписывал их раздражительности, возникающей из-за отсутствия никотина, я, выражаясь по-американски, был сыт по горло. Я уже собрался было возразить, но тут мое сердце подскочило к горлу.

Сверху на мое плечо опустилась чья-то рука. Я знал, что это не Холмс, потому что видел обе его руки.

Глава 10

ХОЛМС ЧУТЬ НЕ свалился с ветки, но его спасла другая рука, ухватившая его за воротник рубашки. Знакомый голос произнес:

— Тихо!

— Грейсток! — ахнул я. А потом, вспомнив, что он все-таки герцог, я сказал: — Я имею в виду, ваша светлость.

— Что ты здесь делаешь, бабуин? — спросил Холмс.

Я был потрясен тоном своего друга, хотя знал, что Холмс говорит так только потому, что он, должно быть, очень напуган. Обращаться подобным образом к высокородному британскому аристократу было не в его обычаях.

— Ну-ну, Холмс, — умиротворяюще протянул я.

— Ну и ну, — ответил он. — Он не платит мне гонорар! Он не мой клиент. Кроме того, я сомневаюсь, что он имеет право на свой титул!

Сверху донеслось рычание, от которого у меня волосы на затылке встали дыбом. Потом тяжелое тело герцога обрушилось на нашу ветку, которая угрожающе наклонилась. Но Грейсток присел на корточки, освободив руки, со всей непринужден-

ностью бабуина.

— Что означает ваше последнее замечание? — поинтересовался он. В этот момент луна пробилась сквозь облака. Луч упал на лицо Холмса, такое же бледное, как тогда, когда он играл умирающего детектива.

— Сейчас не время и не место для проверки вашей родословной. Мы в отчаянном положении, и…

— Вы даже не представляете, как оно ужасно, — фыркнул Грейсток. — Я обычно соблюдаю человеческие законы, когда нахожусь в цивилизованном мире или среди черных братьев на моем ранчо в Восточной Африке. Но когда я в своем большом поместье, в Центральной Африке, когда я в джунглях, где я даже выше герцога, где, проще говоря, я — король, я с удовольствием возвращаюсь к своему первобытному состоянию — состоянию большой обезьяны…

«Боже правый! — подумал. — *И это тот* самый человек, которого Холмс назвал “невнятным”!»

— …тогда я живу по своим законам, а не по законам человечества, к которым питаю величайшее презрение, за исключением нескольких примеров…

В этом утверждении было гораздо больше того,

чем мог бы гордиться любой немецкий философ. Суть его состояла в том, что если Холмс не объяснит свое замечание сейчас, то у него не будет возможности сделать это позже. Герцог также не замедлил заявить, что мне не стоит сообщать о судьбе Холмса во внешний мир.

— Он говорит серьезно, Холмс! — попытался я отрезвить своего друга.

— Я это прекрасно понимаю, Ватсон, — ответил он. — Его светлость покрыт лишь тонким слоем цивилизации.

Эта фраза, как я помнил, часто использовалась американским романистом для описания представлений его главного героя о человеческой культуре.

— Очень хорошо, ваше высочество, — начал Холмс. — У меня нет привычки излагать теории, пока у меня нет достаточных доказательств, чтобы сделать ее фактом. Но в данных обстоятельствах…

Я искал взгляд Грейстока, чтобы выразить свое недовольство саркастическим использованием Холмсом титула, подобающего только монарху. Однако тот только улыбнулся. Я полагаю, что он наслаждался, не ведая о намерении Холмса убить его. Он был уверен, что заслужил этот титул, и те-

перь, когда у меня было время подумать об этом, я с ним согласен. Хотя в Англии он был герцогом, в Африке он правил королевством во много раз большим, чем наш тесный маленький остров. *И он* не платил никаких налогов.

— Мы с Ватсоном были знакомы с десятилетним сыном шестого герцога, вашего предполагаемого отца, — продолжал Холмс. — Этот мальчик, истинный лорд Салтайр, — не вы. И все же у вас есть титул, который должен принадлежать ему. Вы заметили, что я не говорю, что титул по праву должен принадлежать ему. Вы — законный наследник титулов и поместий покойного герцога. Титулы и поместья, кстати, которые никогда не должны были принадлежать ни ему, ни его сыну.

— Боже мой, Холмс! — фыркнул я. — Что такое вы говорите?

— Если вы не будете перебивать меня, то услышите, что я скажу, — резко ответил он. — Ваша Светлость, этот американский писатель, написавший в высшей степени вымышленный роман, основанный на вашем довольно… гм… нетрадиционном поведении в Африке, подошел к истине ближе, чем кто-либо. Кроме вас и нескольких ваших друзей, я полагаю, это никто не осознает.

Ватсон рассказал мне, что в романе ваш отец, который должен был стать седьмым герцогом, был выброшен на берег Западной Африки вместе со своей женой. Там вы и родились, а когда ваши родители умерли, вас усыновило племя больших разумных обезьян, доселе неизвестных науке. Конечно, вся эта история — порождение романтического воображения, и обезьяны, должно быть, были либо шимпанзе, либо гориллами, которых представители западной цивилизации видели в видели в Западной Африке. Однако подобных существ нет в местности, лежащей на десяти градусах южной широты, где, по словам писателя, вы родились и выросли. Я бы перенес место вашего рождения дальше на север, скажем, поближе… или в той самой стране, Габоне, которую посетил дю Шайю.

— Элементарно, мой дорогой Холмс, — ответил Грейсток, снова слегка улыбаясь. Я несколько смягчился, так как по его замечанию было видно, что он знаком с моими рассказами о приключениях Шерлока Холмса. Человек, который читает их с явным удовольствием, не может плохо относиться к моему другу.

— Если это элементарно, — продолжал Холмс с некоторой резкостью, — то я — единственный

человек, достаточно разумный, чтобы постичь истину…

— Не стану спорить, — ответил Грейсток. — Но этот писатель-янки был совершенно прав в своем предположении о том, что племя, которое меня вырастило, было неизвестно науке. Однако это были не человекообразные обезьяны, а своего рода человекообразные существа, находящиеся на полпути по эволюционной лестнице между человеком разумным и обезьяной. У них существовала своя речь, хотя и простая, но все же речь. И именно поэтому я смог научиться говорить, в то время как все другие дикие люди, обнаруженные до сих пор, неспособны. Если ребенок достигает определенного возраста, не сталкиваясь с человеческой речью, он становится умственно отсталым.

— Неужели? — удивился Холмс.

— Не имеет значения, верите вы в это или нет, — вздохнул герцог.

— Но янки заставили вашего дядю принять по наследству титул после того, как его брат умер, а ваши родители были объявлены умершими. Затем ваш дядя, шестой герцог, умер, и ваш кузен, юноша, которого мы с Ватсоном знали как лорда Салтайра, стал седьмым герцогом. До этого места

рассказ янки соответствовал действительности. А вот следующее событие, описанное в его романе, совершенно не соответствует реальности.

— Что вы имеете в виду? — тихо спросил Грейсток.

— Вернемся к тому, что, по словам янки, произошло. В романе «человек-обезьяна» выяснил, что является законным наследником титула. Но он молчал об этом, потому что любил героиню, а его возлюбленная обещала выйти замуж за его кузена и считала себя связанной этим обещанием. Если бы он признался ей в любви, она предпочла бы его, лишившись титула герцогини и, что еще хуже, состояния. Она снова осталась бы без гроша. Поэтому «человек-обезьяна» благородно промолчал. Но, по словам Ватсона, большого любителя фантастики, янки написал продолжение. В начале второй книги двоюродный брат заболевает и перед смертью признается, что видел телеграмму об отпечатках пальцев, уничтожил ее и стыдливо промолчал. К счастью, девушка отложила свадьбу, так что нет никаких сомнений в том, что она девственница, что является важным вопросом для горничных и некоторых врачей, которые читают такого рода литературу. Наш герой становится лордом Грейстоком, и после этого все

живут счастливо — до начала следующего витка приключений… Так вот, я верю, что на самом деле вы женились на девушке, которая стала прообразом героини романа. Но то, что «человек джунглей» присвоил себе этот титул, — чистая чушь. Если бы это произошло на самом деле, то об этом знали бы во всем мире. Неужели вы думаете, что подобное событие светской жизни можно было бы скрыть? Какая аппетитная история для лондонских кумушек: появившийся из африканского леса наследник английского дворянина, о существовании которого никто не подозревал, да еще воспитанный в стаде обезьян. Можете себе представить, какое волнение, какое любопытство охватило бы весь цивилизованный мир? Можете себе представить, каким адом была бы жизнь наследника престола: никакой личной жизни, репортеры преследуют на каждом шагу, полное отсутствие личной жизни не только для него, но и для его жены и семьи?.. Но мы знаем, что ничего подобного не было. Мы знаем, что английский пэр, который вел ничем не примечательную жизнь, за исключением похищения в десять лет, в зрелом возрасте отправляется в Африку и селится на ранчо. А через некоторое время странные истории просачиваются обратно в Лондон

— рассказы об этом пэре, вернувшемся к жизни в джунглях, странствующем по Центральной Африке, одетом только в набедренную повязку, поедающем сырое мясо, убивающем львов ножом, ломающем шеи гориллам полными нельсонами и общающемся с обезьянами и слонами. Этот человек внезапно стал сочетанием Геркулеса, Улисса и Маугли. И еще он Крез, добавлю я, поскольку у него, похоже, есть источник огромного богатства, спрятанный где-то в Центральной Африке. И слухи об этом непременно дошли бы до Треднидл-стрит и Нью-Скотленд-Ярда, разумеется… Интересно, — добавил Холмс после затянувшейся паузы, — может ли эта долина быть тем местом, где сокрыто золото?

— Нет, — ответил Грейсток. — Золотая долина далеко. А здесь есть лишь озеро, богатое рыбой. Когда-то это была процветающая, даже величественная страна с цивилизацией, соперничающей с египетской. Но столица оказалась затопленной, когда естественная плотина обрушилась после землетрясения, и большинство жителей утонуло. Также ушли на дно все достижения их цивилизации. Когда вода прозрачна, в полдень можно разглядеть верхушки крыш и опрокинутые колонны там и сям на дне. А ныне

выродившиеся потомки великого племени ютятся в этой жалкой деревушке и говорят о великих днях, о славе Зу-Вендиса.

— Зу-Вендис! — воскликнул я. — Но…

Герцог нетерпеливо фыркнул и сказал:

— Продолжайте, Холмс…

— Прежде всего позвольте мне задать вам один вопрос. Неужели этот янки каким-то образом услышал рассказ о вас, который не был доступен широкой публике? Искаженный отчет, возможно, но все же в значительной степени соответствующий реальности?

— Один мой друг, у которого были проблемы с алкоголем, во время пьянки рассказал одному парню о некоторых деталях, а тот пересказал их янки, который включил часть этого «пьяного» рассказа в свой роман.

— Я так и предполагал. Янки думал, что у него есть правдивая история твоей жизни, но не осмеливался представить ее как что-то иное, кроме вымысла. Во-первых, на него могли подать в суд. Во-вторых, ваша страсть к мести хорошо известна.

Как бы то ни было, его история о том, как вы получили свой титул, хотя и вымышленная, все же содержит ключ, необходимый для восстановле-

ния истинной истории. Вот как это произошло на самом деле… Вы знали, что являетесь истинным наследником. Вам нужен был титул, и девушка, и все остальное, хотя я подозреваю, что без девушки вы не стали бы бороться за титул…

Грейсток кивнул.

— Очень хорошо… Яхта вашего кузена была временно выведена из строя, а не разбита, как это было изображено в романе. Вы встретили компанию с яхты — они высадились на берег рядом с вашей хижиной. Вся эта чепуха во втором романе о том, что вашу девочку похитили маленькие волосатые человечки из Тайного города сокровищ глубоко в сердце Африки, была настоящей чепухой.

— Если бы это было правдой, похитителям пришлось бы проделать тысячу миль через самую ужасную часть Африки, похитить мою жену и вернуться в свои развалины, — согласился Грейсток. — А потом, когда я ее спас, нам с ней пришлось бы пробираться по джунглям тысячу миль, чтобы добраться до яхты. При сложившихся обстоятельствах это заняло бы несколько лет, и никто не стал бы нас ждать… Кроме того, все это было лишь игрой воображения. Если не считать сам город и дегенератов, которые его населяют.

— Та верховная жрица, которая влюбилась в вас?.. — спросил я.

— Продолжайте, Холмс, — отмахнулся гигант, словно не расслышав моего вопроса.

— После смерти вашего двоюродного брата ваша девушка и ваши друзья сказали вам, что отныне у вас и вашей семьи не будет личной жизни. Итак, вы все решили смухлевать. Однако это не было настоящим мошенничеством, поскольку вы были законным наследником. Вы были очень похожи на своего кузена и поэтому решили выдать себя за него. Когда яхта вернулась в Англию, все решили, что она совершила обычное плавание из Англии вокруг Африки и обратно. Ваши друзья научили вас всему, что вам нужно было знать о друзьях и знакомых, которых вы встретите. Слуги в вашем родовом поместье, возможно, заметили в вас что-то странное, но у вас, вероятно, был вымышленный предлог. Возможно, вы все объяснили временным приступом амнезии.

— Верно, — согласился Грейсток. — Я часто пользовался этим предлогом. Я всегда натыкался на кого-то, о ком мне никто не сказал. А иногда я

вел себя совсем не по-британски[18].

— Господи! Да это — тайна века! — воскликнул Холмс. — И я не моту сказать об этом ни слова!

— Откуда мне знать, что я могу вам доверять? — спросил Грейсток.

При этих словах мое растущее беспокойство достигло пика. Я недоумевал, почему Грейсток был так откровенен, но потом меня охватила тошнотворная уверенность, что ему все равно, что мы узнали, потому что мертвецы не умеют говорить. Я надеялся только на то, что Грейсток все-таки не убил своего кузена. Возможно, он был порядочным человеком, несмотря на всю его дикость. Эта надежда рухнула, когда я предположил, что он, возможно, был не совсем откровенен. А что, если он убил своего кузена?

Хотя я чувствовал, что продолжать эту тему опасно, я не мог сдержать своего любопытства.

— Ваша светлость, надеюсь, вы не сочтете меня чересчур любопытным. Но… что же случилось с вашим кузеном? — поинтересовался я. — Он умер, как описано во втором романе, умер от

---

[18] Примечания: 18

Это открытие определенно опровергает некоторые из предположений и реконструкций в моей биографии Грейстока. Они будут исправлены в будущем издании. Сам лорд Грейсток признал, что теория Холмса верна. См. «Выдержки из мемуаров лорда Грейстока», Филип Хосе Фармер, редактор, Чилтон, октябрь 1974 года.

лихорадки джунглей после того, как на смертном одре признался, что обманул вас, лишив вашего первородства и вашей любимой? Или…

— …Или я перерезал ему горло? — закончил Грейсток то, что я не решался произнести вслух. — Нет, доктор Ватсон, я не убивал его, хотя должен признаться, что мысль не раз приходила мне в голову. И я был рад, что он умер собственной смертью, но, в отличие от многих из вас, цивилизованных существ, я не чувствовал вины за то, что радовался чьей-то смерти. И я не чувствовал ни сожаления, ни стыда, ни вины за то, что убрал с дороги кого-то, кто представлял серьезную угрозу для меня или моих близких… Я ответил на ваш вопрос?

— Более чем, ваша светлость, — сказал я, сглотнув. Возможно, он лгал, но мои надежды снова возросли, когда я понял, что ему не нужно было лгать, если он собирался убить нас.

— Вы намекнули, что читали рассказы Ватсона, — тем временем продолжал Холмс. — Надо признать, мои подвиги в них несколько преувеличены и романтизированы. Но его описание моего характера очень точно. Я всегда держу свое слово.

— Хм! — протянул Грейсток и нахмурился.

Он погладил рукоять огромного ножа в ножнах, и мне стало холодно, словно я на мгновение оказался на Луне. Мертвым.

Холмс казался скорее задумчивым, чем испуганным.

— Мы профессионалы, ваша светлость, — медленно произнес он. — Если мы примем вас в качестве нашего клиента, мы не сможем сказать ни слова об этом деле. Даже полиция не сможет заставить нас сделать это.

— А-а! — мрачно улыбнулся Грейсток. — Я все время забываю, какую огромную ценность цивилизованные люди придают деньгам. Ну конечно же! Я заплачу вам гонорар, и ваш рот будет на замке…

— До тех пор, пока ваша светлость не освободит нас от священных уз конфиденциальности.

— Что вы считаете разумным гонораром?

— Больше всего я заработал в монастырской школе, — пояснил Холмс. — Твой дядя заплатил мне по-царски. Двенадцать тысяч фунтов. — Потом Холмс повторил, смакуя: — Двенадцать тысяч фунтов. — И быстро добавил: — Конечно, это не все… Ватсон, как мой партнер, получил такую же сумму.

— В самом деле, Холмс, — пробормотал я.

— Двадцать четыре тысячи фунтов, — сказал герцог, все еще хмурясь.

— Это было в 1901 году, — сказал Холмс. — С тех пор инфляция подняла цены до небес, а ставка подоходного налога унеслась в небеса, словно ракета, запущенная в зенит.

— Ради бога, Холмс! — воскликнул я. — Не вижу необходимости в этом торге на рыбном рынке! Конечно…

— И все же… — перебил меня Холмс. — Пожалуйста, предоставьте решать финансовые вопросы мне, старшему партнеру и настоящему профессионалу в этом деле.

— Вы вызовете недовольство его светлости и…

— А шестидесяти тысяч фунтов будет достаточно? — осторожно спросил Грейсток.

— Ну, — протянул Холмс, поколебавшись. — Одному богу известно, какова будет девальвация в условиях военного времени в ближайшие несколько лет.

Внезапно нож оказался в руках герцога.

Он не делал никаких угрожающих движений. Он просто посмотрел на него, как будто собирался почистить ногти.

— Однако я считаю, что ваша светлость очень великодушны, — быстро добавил Холмс.

Грейсток вложил нож обратно в ножны.

— У меня нет с собой чековой книжки, — сказал он. — Вы подождете, пока мы не доберемся до Найроби?

— Конечно, ваша светлость, — пробормотал Холмс.

— Тайны вашей семьи останутся за семью печатями. Вот как-то король Голландии…

— Кстати, вы что-то говорили о Зу-Вендисе? — вмешался я, зная, что Холмсу потребуется много времени,

чтобы описать случай, некоторые аспекты которого все еще раздражали его.

— К чему этот разговор? — спросил Холмс, но я не обратил на него внимания. — Насколько я помню, один англичанин, великий охотник и исследователь, написал книгу, описывающую его приключения в этой стране. Его звали Аллан Квотермейн.

— Я читал кое-что из его мемуаров, — кивнул Грейсток.

— Я думал, это романы, — удивился Холмс.

— Мы должны обсуждать дешевую выдумку?.. — тут его голос дрогнул, когда он понял, что Грейсток сказал, что Зу-Вендис в самом деле существует.

— Либо Квотермейн, либо его агент и редактор Х.Р. Хаггард преувеличивали размеры Зу-Вендиса. Предполагалось, что он размером с Францию, но на самом деле занимал площадь, равную площади Лихтенштейна. В основном, однако, за исключением размеров и местоположения Зу-Вендиса, рассказ Куотермейна верен. В экспедиции его сопровождали два англичанина — баронет сэр Генри Кертис и морской капитан Джон Гуд, и великий зулусский воин, Умслопогас, человек, с которым я хотел бы познакомиться. После смерти зулусов и Квотермейна Кертис отослал рукопись Квотермейна Хаггарду. Хаггард, очевидно, добавил кое-что от себя, чтобы придать хронике больше правдоподобия. Во-первых, он сказал, что несколько британских комиссий изучают оригиналы рукописей, где упоминается Зу-Вендис, с целью найти дорогу к этому сказочному царству. Зу-Вендис так и не нашли. Именно поэтому большинство ученых пришло к выводу, что этот рассказ — чистая выдумка… А дело в том, что вскоре после того, как рукопись была отослана, одним из туземцев, сопровождавших отряд Квотермейна, вся долина, за исключением этой возвышенности, была затоплена.

— Значит, бедняга Кертис, Гуд и их прелестные

жены Зу-Вендис утонули? — вздохнул я.

— Нет, — возразил Грейсток. — Они были среди дюжины тех, кто спаслись. Судя по всему, они либо не смогли тогда выбраться из долины, либо решили остаться там. В конце концов, Найлепта, жена Кертиса, была королевой и не хотела оставлять своих людей, хотя их осталось немного. Два англичанина осели, научили людей пользоваться луком, среди прочего, и умерли здесь. Они были похоронены в горах.

— Какая печальная история! — вздохнул я.

— Все люди рано или поздно умирают, — ответил Грейсток, словно сообщив нам великую истину. Возможно, так оно и было.

Потом Грейсток посмотрел на храм внизу и сказал:

— Эта женщина, на которую вы оба смотрели с не совсем научной отстраненностью… Ее тоже зовут Найлепта, она внучка и Гуда, и Кертиса.

Глава 11

— БОЖЕ МОЙ! — ВОСКЛИКНУЛ я. — Британская женщина разгуливает нагишом перед этими дикарями!

Грейсток пожал плечами и сказал:

— Это их обычай.

— Мы должны спасти ее и вернуть в дом предков! — воскликнул я.

— Успокойтесь, Ватсон, а то вся стая будет жаждать нашей крови, — прорычал Холмс. — Похоже, эта красавица вполне довольна своей участью. А может быть, — добавил он, пристально глядя на меня, — вы опять влюбились?

Он произнес это так, словно великая страсть была открытой уборной. Покраснев, я пробормотал:

— Должен признать, что есть определенное чувство…

— Ну, прекрасный пол — это по вашей части, — вздохнул Холмс. — Но в самом деле, Ватсон, в вашем-то возрасте!

— У американцев есть пословица, — сказал

я. — Чем старше самец, тем крепче (рог)[19].

— Успокойтесь, вы оба, — фыркнул герцог. — Я позволил Зу-Вендис захватить вас, потому что знал, что вы какое-то время будете в безопасности. Мне пришлось отправиться в глубь страны, чтобы проверить слух о том, что белая женщина находится в плену у племени чернокожих. Хотя я уверен, что моя жена мертва, все же всегда есть надежда. Господин Холмс предположил, что немцы могли сыграть со мной злую шутку, подменив обуглившееся тело телом местной девушки. Это приходило мне в голову и раньше. То, что я ношу только набедренную повязку, не означает, что я туп как пень[20].

Я нашел белую девушку, англичанку, но она не была моей женой.

— Боже мой! — выдохнул я. — Где же она? Вы что, спрятали ее где-то неподалеку?

— Она все еще с султаном племени, — скривившись, пояснил Грейсток. — Я приложил много усилий, чтобы спасти ее, мне пришлось убить

---

[19] Примечания: 19

Скобки принадлежат редактору, что указывает на другой отрывок, вычеркнутый Ватсоном.

[20] Примечания: 20

Очевидно, Ватсон забыл описать часть комментариев Холмса. Но несомненно, он вставил бы нужный отрывок в нужное место в окончательном варианте.

дюжину туземцев, чтобы добраться до нее, и дюжину на обратном пути. А потом она сказала мне, что совершенно счастлива с султаном и не буду ли я так любезен вернуть ее. Я сказал ей, чтобы она сама отыскала дорогу назад. Я ненавижу насилие, которого можно избежать. Если бы только она предупредила меня заранее… Что ж, ныне все кончено.

Я ничего не ответил. Я счел нескромным указать на то, что эта женщина не могла сказать ему о своих чувствах, пока Грейсток не добрался до нее. И я сомневался, что у нее была возможность до того высказать свое несогласие.

— Я гнал немцев сюда, потому что ожидал, что их, как и вас, подберут цу-венды. Завтра вечером все четверо заключенных будут принесены в жертву на алтаре храма. Я вернулся час назад, чтобы забрать вас.

— И временим у нас осталось не так уж много, не так ли? — спросил Холмс.

— Вы хотите оставить здесь фон Борка и Райха? — в свою очередь поинтересовался я. — Хотите, чтобы их зарезали, как овец? А как насчет женщины, Найлепты? Что же это за жизнь — быть заключенным от рождения до смерти в этом доме, лишенным любви и общения, и убивать

несчастных пленников?

— Да, — протянул Холмс. — Неприятная ситуация… Райх — очень порядочный человек, и с ним следует обращаться как с военнопленным. Я бы не возражал, если бы фон Борк умер, но только он знает, где находятся нужные нам бумаги. От этих бумаг зависит судьба Британии и ее союзников. Что же касается этой женщины, то она из хорошей британской семьи, и мне кажется позорным оставлять ее здесь влачить это убогое существование.

— Лучше будет, если она уедет в Лондон и станет жить там в нищете? — спросил Грейсток.

— Я позабочусь, чтобы этого не случилось, — заверил я. — Ваша светлость, вы можете получить обратно мой гонорар, если возьмете с собой эту женщину.

— Не могу отказать человеку, который любит женщину больше, чем деньги. А гонорар можешь оставить себе.

Глава 12

НЕЗАДОЛГО ДО РАССВЕТА в нашу хижину вошел Грейсток. Немцы тоже ждали его, так как мы рассказали им, чего ожидать, если они не уйдут с нами. Герцог жестом призвал всех к молчанию, что, как мне показалось, было излишне, и мы последовали за ним на улицу. Два охранника, связанные и с кляпами во рту, лежали у двери. Рядом с ними стояла Найлепта, тоже с кляпом во рту, со связанными перед собой руками и веревкой, стреноживающей ее. Ее великолепное тело было скрыто под плащом. Герцог жестом подозвал нас, взял женщину под руку, и мы молча пошли через деревню. Нашей ближайшей целью был пляж, где мы собирались украсть две лодки. Мы хотели уплыть к подножию утеса, на вершине которого была бамбуковая стрела, и потом подняться по веревкам. Когда мы оказались бы наверху, наш спаситель перерезал бы веревки, чтобы нас никто не преследовал.

Только вот наши планы рухнули почти сразу. Подойдя к берегу, мы увидели факелы, вспыхивающие на воде. Вскоре, наблюдая из-за хижины, мы увидели рыбаков, гребущих на веслах со

своим уловом ночной рыбы. В хижине, возле которой мы сидели на корточках, кто-то зашевелился, и не успели мы отойти, как оттуда, зевая и потягиваясь, вышла женщина. Должно быть, она ждала мужа-рыбака. Как бы то ни было, она нас удивила.

Герцог быстро двинулся к ней, но слишком поздно. Она громко закричала и, хотя почти сразу же умолкла, разбудила всю деревню.

Нет нужды вдаваться в подробности долгого и изнурительного бегства через деревню. Грейсток ловко наносил удары направо, и налево и мужчины и женщины падали перед ним, как филистимляне перед Самсоном. Мы были вооружены короткими мечами, которые Грейсток украл из оружейной комнаты, и поэтому оказали нашему спасителю посильную помощь. Но к тому времени, как мы покинули деревню и добрались до полей, мы с Холмсом уже тяжело дышали.

— Вы двое помогите женщине, пусть она идет между вами, — приказал герцог немцам. Прежде чем мы успели возразить, хотя что толку было бы от этого, я не знаю, нас подхватили под руки и унесли прочь. Несмотря на всю тяжесть ноши, Грейсток бежал очень быстро. Земля была всего лишь в футе от моего лица, и я болтался, как тря-

пичная кукла в могучих руках гиганта. Примерно через милю герцог остановился и отпустил нас. Он сделал это, просто бросив нас на землю. Мое лицо ударилось о землю одновременно с коленями. Мне было немного больно, но я счел, что не время жаловаться. Холмс, однако, продемонстрировал знание бранных слов, которое привело бы в восторг портового рабочего. Грейсток проигнорировал слова моего друга, приказав нам двигаться дальше. Далеко позади мы видели факелы наших преследователей и слышали их крики.

К рассвету Зу-Вендис подошли ближе.

Все мы, за исключением неутомимого герцога, быстро уставали. До перевала было всего полмили, и как только мы его преодолеем, сказал герцог, мы будем в безопасности. Дикари позади нас, однако, начали пускать стрелы в нашу сторону.

— Мы все равно не сможем преодолеть перевал! — заметил я, обращаясь к Холмсу. — У нас нет одежды, чтобы удержать пчел подальше от нас! Если стрелы не убьют нас, то пчелиные укусы прикончат без сомнения!

Впереди, там, где холмы внезапно расступались, образуя выход на тропу, воздух наполнился громким жужжанием. Пятьдесят тысяч крошечных, но смертоносных насекомых кружились

в густом облаке, готовясь отправиться в море цветов, где хранился драгоценный нектар.

Мы остановились, чтобы перевести дух и обдумать ситуацию.

— Мы не можем вернуться назад и не можем идти вперед! — сказал я. — Что же нам делать?

— Я прошел через перевал и все еще жив! — воскликнул герцог. Это, как мне показалось, было оптимистичное замечание, но нам оно ничем помочь не могло. Однако Грейсток был человеком практичным. Он указал на соседний холм, у подножия которого располагался карьер белой глины, из которой Зу-Вендис делали свои прекрасные горшки и блюда.

— Натрите себя глиной! — приказал он. — Она должно стать чем-то вроде щита!

И он поспешил последовать собственному совету.

Я заколебался. Тем временем герцог снял набедренную повязку и прыгнул в ручей, протекавший неподалеку. Затем он зачерпнул руками немного глины, смешал ее с водой и размазал по всему телу. Холмс снял с себя одежду, прежде чем обмазаться глиной. Немцы готовились сделать то же самое, в то время как прекрасная Найлепта стояла покинутая всеми. Я сделал единственное,

что мог сделать джентльмен. Я подошел к ней и снял с нее плащ, под которым она ничего не носила. Я сказал ей на своем корявом Зу-Вендисе, что готов пожертвовать собой ради нее. Хотя пчелы, встревоженные, теперь двигались к нам огромным облаком, я должен был убедиться, что размазал всю глину по ней, прежде чем позаботиться о себе.

— Я знаю более легкий способ спастись от пчел, — сказала Найлепта. — Давай я сбегаю в деревню.

— Бедная обманутая девочка! — вздохнул я. — Вы не знаете, что для вас лучше! Поверьте мне, и я благополучно доставлю вас в Англию, на родину ваших предков. А потом…

У меня не было возможности пообещать жениться на ней. Холмс и немцы вскрикнули, заставив меня поднять глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, как Грейсток без сознания упал на землю. Стрела попала ему в голову, и, хотя она нанесла скользящий удар, она вырубил его и оставил большую неприятную рану.

И тогда я решил, что все кончено. Позади нас выла орда дикарей, их стрелы, копья и топоры летели по воздуху прямо в нас. Впереди был рой гигантских пчел. Причем облако было та-

ким плотным, что я едва мог разглядеть холмы позади них. Жужжание было оглушительным. Единственный человек, который был достаточно силен и достаточно мудр, чтобы вытащить нас из джунглей, был временно выведен из строя. Если пчелы нападут, он даже не очнется. Да и все мы погибнем.

И тогда Холмс крикнул мне:

— Не пытайтесь «спасать» эту женщину, Ватсон! Идите сюда, скорее, и помогите мне!

— Сейчас не время предаваться ревности, Холмс, — пробормотал я, но тем не менее подчинился.

— Я уже обмазался глиной! — сказал Холмс. — А теперь ты намажешь на меня эту превосходную черную грязь! Маж полосами, таким образом чередуя белое и черное!

— Вы сошли с ума, Холмс?

— Нет времени на разговоры, — сказал Холмс. — Пчелы почти настигли нас! Их укусы смертельны, смертельны, Ватсон! Быстрее, грязь!

Через минуту передо мной стоял полосатый, как зебра, Холмс. Он подбежал к груде одежды и достал из кармана пиджака большое увеличительное стекло, которое было его верным спутником все эти годы. А потом он сделал нечто

такое, что заставило меня закричать в полном отчаянии. Он побежал прямо к смертоносному жужжащему облаку.

— Постойте! — крикнул я ему вслед, пытаясь оттащить его от пчел. Было слишком поздно уводить его от быстро приближающихся насекомых. Я понял, что умру вместе с ним ужасной смертью. Тем не менее я буду с ним. Мы были товарищами слишком много лет, чтобы я мог хотя бы на секунду подумать о том, чтобы бросить его.

Услышав мой голос, он обернулся и крикнул:

— Вернись! Отведите остальных в сторону! Уберите Грейстока с их пути! Я знаю, что делаю! Убирайся отсюда! Я приказываю вам, Ватсон!

Наше многолетнее общения научило меня повиноваться Холмсу, когда он «говорит» таким тоном. Я слишком долго подчинялась его приказам, чтобы ослушаться его приказа сейчас. Я бросился к остальным. Но я плакал, уверенный, что Холмс спятил, а если у него и есть план, то он провалится. Я попросил Райха помочь мне перетащить бесчувственного, истекающего кровью Грейстока в ручей, и я приказал фон Борку и Найлепте нырнуть в поток. Глиняное покрытие, я был убежден, недостаточная защита. Мы могли нырнуть в воду, когда над нами пролетали пчелы.

Ручей был всего в несколько дюймов глубиной, но, возможно, вода, текущая по нашим телам, отпугнет насекомых.

Лежа в ручье и придерживая голову Грейстока, чтобы он не утонул, я наблюдал за Холмсом.

Он действительно сошел с ума. Он танцевал круг за кругом, время от времени останавливаясь, чтобы наклониться и пошевелить ягодицами самым недостойным образом. Затем он поднимал увеличительное стекло так, чтобы солнечный свет падал через него на Зу-Венди. Туземцы, в свою очередь, остановились и уставились на Холмса с открытыми ртами.

— Что вы делаете? — крикнул я, обращаясь к своему другу.

Но Холмс лишь сердито покачал головой, давая мне понять, чтобы я молчал. В этот момент я осознал, что он сам издает громкий жужжащий звук. Его голос почти тонул в более громком шуме роя, но я был достаточно близко, чтобы расслышать его голос.

Снова и снова Холмс кружился, пританцовывал, останавливался, выставляя свои извивающиеся ягодицы дикарям зу-вендис и позволяя солнцу проходить сквозь увеличительное стекло под определенным углом. Его действия, казалось,

озадачили не только людей, но и пчел. Рой прекратил свое движение вперед и теперь висел в воздухе, словно нацелившись на Холмса.

Внезапно, когда Холмс на мгновение прекратил свой непристойный танец в седьмой раз, рой полетел вперед. Я вскрикнул, ожидая увидеть, как пчелы облепят его. Но рой разделился надвое, оставив островок. А потом они все исчезли, и зу-вендис бросились прочь, крича. Их тела стали черными и пушистыми, покрытыми пчелиным покровом. Некоторые из них падали, начиная кататься взад и вперед, крича, отбиваясь от насекомых, а затем становились неподвижными и безмолвными.

Я бросился к Холмсу с криком:

— Как вы это сделали?

— Помните свой скептицизм, когда я сказал вам, что сделал поразительное открытие? То, которое увековечит мое имя среди великих в зале науки.

— Вы же не хотите сказать…

Он снова кивнул.

— Да, у пчел есть свой язык, даже у африканских пчел. Это на самом деле система сигналов, а не истинный язык. Пчелы, обнаружившие новый источник меда, возвращаются в улей и там

исполняют танец, который ясно указывает направление и расстояние, на котором лежит мед. Я также обнаружил, что пчела сообщает рою о появлении врага. Именно этот танец я исполнил, и рой атаковал указанного мною врага — туземцев зу-венди. Танцевальные движения сложны, и определенные поляризации света играют необходимую роль в сообщении. Их я смоделировал с помощью увеличительного стекла. Но давайте, Ватсон, оденемся и уйдем, пока рой не вернулся! Я не думаю, что смогу повторить этот трюк снова. Мы не хотим, чтобы игра продолжалась.

Мы подняли герцога на ноги и наполовину понесли, наполовину поволокли его к перевалу. Хотя он пришел в себя, казалось, что он вернулся в совершенно дикое состояние. Он не нападал на нас, но смотрел подозрительно и угрожающе рычал. Мы никак не могли объяснить эту пугающую перемену в нем. Самое страшное заключалось не столько в опасности, которую он представлял, сколько в опасностях, от которых он должен был нас спасти. Мы полагались на то, что он поведет нас, накормит и защитит на обратном пути. Без него в джунглях пропал бы даже наш несравненный Холмс.

К счастью, герцог пришел в себя на следующий

день и сам все объяснил.

— Мне почему-то кажется, что моя участь — получать удары по голове, — пояснил он. — У меня толстый череп, но время от времени я получаю такой удар, что даже его стенки не выдерживают. Иногда, скажем, в одном случае из трех, наступает полная амнезия. Затем я возвращаюсь в то состояние, в котором я находился до встречи с белыми людьми. Я снова становлюсь нецивилизованным человеком-обезьяной — не помню ничего из того, что происходило до того, как мне исполнилось двадцать лет. Это состояние может длиться один день, как вы уже видели, или длиться месяцами.

— Осмелюсь заметить, что эта готовность забыть о ваших контактах с цивилизованными народами свидетельствует о бессознательном желании избегать их, — пояснил Холмс. — Вы счастливы, когда находитесь в джунглях и без каких-либо обязательств. Поэтому ваше бессознательное хватается за любую возможность, например, за удар по голове, чтобы вернуться в счастливое первобытное состояние.

— Возможно, вы и правы, — согласился герцог. — Теперь, когда моя жена умерла, я хотел бы забыть о существовании цивилизации. Но сначала я должен дождаться окончания войны, нанеся

максимальный урон нашему противнику…

НАМ ПОНАДОБИЛОСЬ ЧУТЬ меньше месяца, чтобы добраться до Найроби. Грейсток прекрасно позаботился о нас, хотя ему не терпелось снова вступить в бой с немцами. Во время путешествия у меня было достаточно времени, чтобы обучить Найлепту английскому языку и познакомиться с ней поближе. Еще до того, как мы добрались до железнодорожной станции Лейк-Виктория, я сделал ей предложение, и оно было принято. Я никогда не забуду ту ночь. Ярко светила луна, а неподалеку в зарослях «смеялась» гиена.

За день до того, как мы добрались до железной дороги, Грейсток взобрался на дерево, чтобы осмотреть окрестности. Под ногами у него сломалась ветка, и он приземлился на голову. Когда он пришел в себя, то снова стал человеком-обезьяной. Мы не могли приблизиться к нему без того, чтобы он не оскалил бы зубы и не зарычал угрожающе. И в ту же ночь он исчез.

Холмс был очень удручен этим.

— А что, если он так и не оправится от своей амнезии, Ватсон? Тогда мы не получим наши гонорары.

— Мой дорогой Холмс, — сказал я несколько холодно, — мы никогда не заработали нашего

гонорара. На самом деле мы позволили герцогу подкупить нас, чтобы мы молчали.

— Вы никогда не понимали тонкого взаимодействия экономики и этики, — ответил Холмс.

— Вон идет фон Борк, — сказал я, радуясь смене темы. Я указал на парня, который бежал через вельд, как будто за ним гнался лев-людоед.

— Он сумасшедший, если думает, что сможет в одиночку добраться до Германской Восточной Африки, — сказал Холмс. — Но мы должны пойти за ним! У него с собой формула.

— И где она? — спросил я в сотый раз.

— Мы раздевали его дюжину раз и осмотрели каждый дюйм его одежды и кожи. Мы заглянули ему в рот и в…

В этот момент я заметил, что фон Борк повернул голову вправо, чтобы посмотреть на носорога, который выскочил из-за высокого термитного холма. В следующее мгновение он врезался левой стороной головы и туловищем в акацию с такой силой, что отскочил на несколько футов. Он не встал, и это было к лучшему. Носорог искал его и заметил бы любое движение фон Борка. Он пронесся мимо, нюхая воздух… В итоге подслеповатый зверь потрусил прочь. Мы с Холмсом поспешили к фон Борку, пока он не пришел в себя

и снова не убежал.

— Кажется, теперь я знаю, где находится формула, — объявил Холмс.

— И откуда ты это знаешь? — спросил я в тысячный раз с тех пор, как впервые встретил его.

— Я ставлю свой гонорар против вашего, что смогу показать вам формулу в течение следующих двух минут, — сказал он, но я не ответил.

Он опустился на колени рядом с немцем, который лежал на спине с открытым ртом и выпученным глазом. Однако пульс его бился.

Холмс приложил кончики больших пальцев к левому глазу фон Барка. Я в ужасе следил за происходящим.

— Это стекло, Ватсон, — пояснил Холмс. — Я уже давно подозревал это, но не видел причин проверять мои подозрения, пока он не оказался бы в британской тюрьме. Я был уверен, что его зрение было ограничено правым боком, когда я увидел, как он врезался в то дерево. Даже отвернув голову, он увидел бы дерево, если бы его левый глаз действовал эффективно.

Он повертел стеклянный глаз между большим и указательным пальцами, рассматривая его через увеличительное стекло.

— Ага! — воскликнул он и, протянув мне глаз,

предложил: — Посмотрите сами, Ватсон.

— Ну, — вздохнул я, — то, что я принял за массивные кровоизлияния из-за травмы глаза, — это крошечные красные линии химических формул нанесенные на поверхности стекла. А может это не стекло, а какой-то специальный материал, приготовленный для переноса надписей.

— Очень хорошо, Ватсон, — сказал Холмс. — Несомненно, фон Борк не просто получил травму глаза в той автомобильной катастрофе, о которой я слышал. Он потерял его, но хитрый парень заменил его искусственным глазом, который приносил больше пользы, чем… гм-м-м-м-м…

— Похитив формулу, он начертал символы на поверхности этого фальшивого глаза. Они выглядят как результат несчастного случая. Должно быть, негодяй смеялся над нами, когда мы так тщательно его осматривали, но больше он смеяться не будет.

Холмс забрал глаз и спрятал его в карман.

— Ну что ж, Ватсон, давайте разбудим его, вырвем из тисков тех грез, которые ему снятся, и отдадим в надежные руки. На этот раз он заплатит штраф за шпионаж…

ЧЕРЕЗ ДВА МЕСЯЦА мы вернулись в Англию.

Мы путешествовали по воде, несмотря на опас-

ность подводных лодок, так как Холмс поклялся никогда больше не садиться в самолет любого типа. В течение всего путешествия он пребывал в дурном расположении духа. Он был уверен, что Грейсток, даже если к нему вернется память, не пришлет обещанных чеков.

Он передал стеклянный глаз Майкрофту, а тот передал его своему начальству. Это был последний раз, когда мы слышали о Стеклянном глазе, и поскольку формула никогда не использовалась, я предполагаю, что военное министерство решило, что это будет слишком ужасное оружие. Я был рад этому, так как мне казалось, что англичане просто не ведут бактериологическую войну. Однако я часто задавался вопросом: что случилось бы, если бы миссия фон Борка увенчалась успехом. Стал бы кайзер использовать формулу как оружие против своих английских кузенов?

Впереди было еще три года войны. Я нашел жилье для себя и своей молодой жены, и, несмотря на ужасные условия, воздушные налеты, нехватку продовольствия и материалов, тревожные донесения с фронта, нам удалось стать счастливыми. В 1917 году Найлепта сделала то, чего никогда не делала ни одна из моих предыдущих жен. Она подарила мне сына. Я был вне себя от

радости, хотя в моем возрасте мне приходилось терпеть много насмешек от коллег по поводу отцовства. Я не сообщил Холмсу о ребенке. Я боялся его саркастических замечаний.

Однако 11 ноября 1919 года, через год после известия, превратившего весь союзнический мир в карнавал счастья, пусть и кратковременного, я получил телеграмму.

Везу бутылку скотча и сигары, чтобы отпраздновать радостную весть.
Холмс.

Я, естественно, предположил, что он имел в виду годовщину перемирия. Мое удивление было поистине велико, когда он появился не только с бутылкой скотча и коробкой гаванов, но и с пачкой новой одежды и игрушек для ребенка и коробкой шоколадных конфет для Найлепты. Последнее было редкостью в то время и, должно быть, стоило Холмсу кругленькую сумму.

— Ах, бросьте, друг мой, — сказал он, когда я попыталась выразить свою благодарность. — Я уже давно знаю, что вы стали отцом. Я давно намеревался явиться и засвидетельствовать свое почтение престарелому, но все еще энергичному отцу и прекрасной госпожи Ватсон. Не стоит

будить ребенка, чтобы показать его мне, Ватсон. Все младенцы выглядят одинаково, и я поверю вам на слово, что он красив.

— Вы, кажется, навеселе, — удивился я. — Не помню, чтобы когда-нибудь видел вас таким.

— Все не зря, Ватсон, не зря!

Он сунул руку в карман и вытащил чек.

Я посмотрел на него и чуть не пошатнулся. Он был выписан мне на сумму в тридцать тысяч фунтов.

— Я отказался от дела Грейстока, — сказал он. — Слышал, что он пропал, затерялся где-то в глубине Африки, возможно, мертв. Похоже, однако, что он все-таки нашел свою жену живой и теперь выслеживает ее в джунглях Бельгийского Конго. Он нашел ее, но попал в плен к какому-то довольно странному племени. В конце концов, его приемный сын, лейтенант Драммонд, который должен был доставить нас в Марсель, отправился за ним и спас своего родителя. Итак, мой дорогой друг, как только герцог вновь оказался в лоне цивилизации, он послал чеки! Оба, разумеется, на мой адес!

— Такая сумма мне точно пригодится, — заверил я своего друга. — Теперь я смогу уйти на пенсию, а не работать до восьмидесяти.

Я налил нам два бокала, и мы подняли тост за нашу удачу. Холмс откинулся на спинку стула, попыхивая превосходной гаванской сигарой и наблюдая, как миссис Ватсон хлопочет по хозяйству.

— Она не разрешает мне нанимать горничную, — вздохнул я. — Она настаивает на том, чтобы делать всю домашнюю работу, включая приготовление пищи, сама. Кроме меня и ребенка, она не любит, когда к ней прикасаются… Иногда мне кажется…

— Значит, она отгородилась от всего мира, кроме тебя и ребенка, — подытожил мой друг.

— Можно и так сказать, — ответил я. — Но она счастлива, и это самое главное.

Холмс достал маленький блокнот и начал делать в нем пометки. Он то и дело поднимал глаза на Найлепту, смотрел на нее с минуту и что-то записывал.

— Что вы делаете, Холмс? — поинтересовался я.

Его ответ показал мне, что он тоже мог шутить, когда был в приподнятом настроении.

— Я готовлю к выпуску новую книгу — «Некоторые замечания по поводу сегрегации королевы»…

Virgil
Finlay

Рассказы ужасов

Волк, пуля и мотылек

МЕНЬШЕ, ЧЕМ ЧЕЛОВЕК, больше чем волк… Он бежал.

Больше чем человек, меньше чем волк, он с восторженным воем бежал по лесу.

Он помнил себя человеком не больше, чем волком, Только вот когда он снова станет человеком?

Всякий раз, как завывающий ветер ненадолго разрывал грозовые тучи, в небе появлялась полная июльская луна. Ему казалось, хотя в этом он был неуверен, что его вой творит магию, разрывавшую облака. Но он понятия не имел о магии. Ему не хватало слов и Самого Главного Слова…

Сверкнула молния, белая, как коровий жир. Гром, похожий на предсмертный крик быка, оглушил. Но будучи волком, он не думал об этих сравнениях. Верхушки деревьев плясали под хлесткими порывами ветра и казались ему живыми. Он чувствовал, что гром и молния порождения оргазмов самой земли, запертой с безумной луной, хотя эти ощущения не имели никакой связи с человеческими мыслями и образами. Будучи волком, он не находил слов, чтобы

выразить свои чувства. Слова людей никогда не могли передать волчьих чувств.

Он бежал и бежал.

Там, где человек увидел бы деревья, кусты и валуны, он видел существ, которые не имели имен и не были связаны ни словом, ни мыслью. В его сознании они не имели вида или рода, но были индивидуальностями.

Растительность и валуны, мимо которых он пробегал, двигались, слегка меняя форму с каждым его прыжком. Казалось, у них своя жизнь и они тоже двигаются, но как-то по-особому. Возможно, так оно и было. Волк мог знать то, чего не мог знать человек. Человек знал то, чего не мог знать волк. Хотя они жили в одном и том же физическом теле, они жили в разных ментально-эмоциональных континуумах.

«А» — вовсе не «а». Не «а» оно, не «а».

Поэтому они никогда не встретятся. Не в мире разума. Но оборотни… Кто они?

«А» плюс «а» не превращает «а» в «б»?

Он бежал и бежал.

Дождь шел ниоткуда. Волк не знал, что он идет сверху…

Его природа изменилась, когда он ударился о землю и вода брызнула на его мех, попала в глаза,

залила нос. Капли дождя стали чем-то другим, просто влагой. У волка не было названия для сырости. Влага была живым существом. Она притупляла его зрение и обоняние. Но ветер донес до него запах испуганного молнией скота прежде, чем дождь поглотил тысячи миллиардов молекул запаха, проносящихся мимо.

Волк перелетел через проволочную изгородь и оказался среди скота. После он проделал огромную работу. Полуоглохший фермер, его полуоглохшая жена и их обкуренные сыновья в доме в ста футах от загона не слышали громких криков страха скота. Гром, молния и грохот телевизора заглушали шум с пастбища.

Волк ел спокойно.

— НИКОГДА НЕ ВИДЕЛ, чтобы человек так быстро набирал вес или терял его, — заметил шериф Игер. — Мне кажется, что ты мчишься по кругу, словно сливовый сок в перегонном кубе. Ты набираешь двадцать или больше фунтов в месяц. А потом, когда наступает полнолуние, ты теряешь все в одночасье. Как ты это делаешь? Почему?

— Если бы ты ел, а не спрашивал, ты давно был бы толстым, — фыркнул доктор Варглик.

Во время медосмотра бледно-голубые, но живые глаза шерифа не отрывались от огромной

волчьей шкуры, натянутой на противоположной стене кабинета. У шкуры не было ни ног, ни головы, но пушистый хвост присутствовал.

— Неестественно выглядит, — не сводя взгляда со шкуры, заметил Игер.

— Ты о чем? А, волчья шкура? Она не искусственная.

— Нет, я имею в виду невероятные изменения твоего веса. Это неестественно.

— Все в природе естественно.

Доктор снял с руки Игера надувную резиновую манжету.

— Сто двадцать на восемьдесят. Тридцать шесть лет, а давление у тебя подростковое. А теперь можешь убираться со стола… Спусти штаны.

Варглик достал из настенного дозатора латексную перчатку. Шериф, в отличие от большинства мужчин во время этого осмотра, не стонал, не морщился и не жаловался. Он был стоиком.

— Доктор, вы все еще не ответили на мой вопрос.

«Этот сукин сын начинает что-то подозревать, — подумал Варглик. — Может быть, он что-то знает. Но он также должен думать, что сходит с ума, если искренне верит, что то, на что он не так тонко намекает, правда.

Доктор убрал палец. Он сказал:

— Все в порядке. Поздравления. Округ будет доволен еще год.

— Я не хочу быть назойливым или слишком любопытным, — никак не успокаивался шериф Игер. — Отнеси это на счет научного любопытства. Я спросил тебя…

— Я не знаю, почему я так феноменально быстро теряю и набираю вес, — вздохнул Варглик. — Никогда не слышал о подобном случае у совершенно здорового человека.

Настенное зеркало поймало его и Игера в ртутном свете. Оба были тридцати шести футов двух дюймов ростом, худощавые, поджарые и весили по сто восемьдесят фунтов. Оба жили в Вагнере (население пять тысяч, за исключением туристического сезона), расположенном вдоль южного берега озера Вирджиния, округ Рейнольдс, штат Арканзас. Игер имел степень магистра и служил в лесном хозяйстве, но через несколько лет стал полицейским, а затем шерифом. Варглик был доктором медицины из Йеля и доктором биохимии из Стэнфорда. После нескольких лет практики на Манхэттене он отказался от блестящей и богатой карьеры, чтобы приехать в эту сельскую местность.

Как и большинство людей, знавших об этом, Игер недоумевал, почему Варглик покинул Парк-авеню. Разница между Игером и остальными состояла в том, что он проверял или перепроверял прошлое доктора.

Несмотря на то что у них было много общего, они были очень далеки друг от друга. Варглик был добычей, Игер — охотником.

«Если только, — подумал Варглик, — я не смогу изменить ситуацию». Но тогда «а» и «не-а» поменялись ролями?

Доктор снял перчатки и вымыл руки. Шериф стоял перед волчьей шкурой и пристально разглядывал ее.

— Действительно вещь, — заметил он. Выражение его лица было странным и непонятным. — Где ты его застрелил?

— Не знаю, — ответил Варглик. — Это что-то вроде семейной реликвии. Мой шведский дед передал ее мне. Моя мать — финка хотела избавиться от нее, не знаю почему, но мой отец, он родился в Швеции, но вырос в верхнем Нью-Йорке, не позволил ей.

— Думал, ты повесишь его на стену над камином в своем доме.

— Там ее никто увидит. Здесь мои пациенты

могут лицезреть ее, пока я их осматриваю. Еще одна тема для беседы.

Шериф тихонько присвистнул.

— Она весит не меньше ста восьмидесяти. Чертовски большой волк!

Доктор улыбнулся.

— Примерно такой же большой, как волк, который терроризирует округ. Но что волку делать в Озарках? Здесь его не было уже лет пятьдесят, а то и больше.

Игер медленно повернулся. Он улыбался довольно самодовольно и без всякой причины. Разве что… Сердце Варглика вдруг забилось сильнее. Ему не следовало быть таким смелым. Почему он упомянул волка? Зачем переводить разговор на это? Но почему бы и нет?

— Это волк… Все верно! Не знаю, как он сюда попал, но это не собака!

— Хорошо, — подытожил Варглик. — Но лучше бы его поскорее поймали! Скот, овцы и собаки — достаточно плохо! Но двое детей!

Шериф вздрогнул.

— Съедены!

— Мы его поймаем, хотя он чертовски неуловим! — заверил шериф. — Завтра утром большая часть окружной полиции, тридцать полицейских

штата и двести гражданских добровольцев будут бить по кустам. Мы не остановимся, пока не затравим его! — Игер помолчал, искоса взглянул на шкуру, потом повернулся к Варглику. — Охота не прекратится ни днем, ни ночью, пока мы не поймаем его!

— Даже туристы начинают бояться, — поддакнул Варглик. — Плохо для бизнеса.

Шериф снова повернулся к шкуре.

— Ты уверен, что эта шкура не искусственная? Ты меня не обманываешь?

— Зачем мне это делать?

— Точно не знаю. Минуту назад, когда я смотрел на него, мне вдруг показалось, что она светится. Мне показалось, что мои глаза играют со мной злую шутку. От нее исходит свет, очень тусклый, но вполне определенный. Я…

— Ага!

Игер слегка подпрыгнул. Он сказал: «Ага?»

Варглик улыбался так, словно пытался что-то за этим скрыть. Его зеркальное отражение показывало это слишком ясно. Он разгладил морщины на лице.

— Извини. Я думал о результатах эксперимента, который недавно провел в лаборатории. Я получил результаты, которые меня озадачили.

Прошу прощения за то, что не уделил тебе должного внимания. Это невежливо.

Игер поднял брови. Он так же, как и доктор, понимал, что объяснение с доктором может завести их слишком далеко. Но он ничего не сказал. Он надел шляпу и направился к двери. В дверях появилась Хиби, секретарша и медсестра Варглика.

— Вам звонят, шериф.

Игер вышел в приемную. Варглик последовал за ним к двери кабинета и прислушался. Очевидно, волк добрался до скота Фреда Бенджера прошлой ночью и убил четверых и искалечил пятерых бычков. Дети Бенджеров ничего не слышали, а родители не заметили резни, пока не вернулись из города с покупками. Из вопросов Игера и его ответов Варглик сделал вывод, что оба сына должны были загнать скот в сарай вечером перед дойкой. Но они уснули — вырубились, если быть ближе к истине, — еще до того, как началась буря. В трубке раздавались угрозы Бенджера убить сыновей. Но он, как и все в округе, знал, что они сидят на наркотиках и им нельзя доверять.

— Сейчас приеду, — пообещал шериф. — Не ходите по пастбищу и не путайся следы.

Он повесил трубку и выскочил из кабинета.

— Ублюдок знает! — пробормотал Варглик. —

Или он думает, что знает. Но он, должно быть, тоже испытывает большие сомнения. Он очень рассудителен, ни капельки не суеверен. Он изо всех сил пытается поверить в это, как и я когда-то.

В течение многих лет, как в его манхэттенском офисе, так и в офисе в Озарке, волчья шкура висела так, чтобы его пациенты могли видеть ее, а он мог наблюдать за их реакцией. Игер первым заметил свечение! Во всяком случае, первый, кто сказал об этом. Только один тип людей мог видеть свет. Отец называл такого человека кваллульфом. Вечерний волк. Мать назовет его Ихмиссуси. Человек-волк.

Варглик вышел в приемную и сказал Хибе, что завтракает у себя в кабинете. Хиби исчезла. Ровно в двенадцать она сбежала, как дневная Золушка, убегающая с бала, включив автоответчик и пообещав вернуться в час. Если он обедал дома, то должен был следить за входящими звонками. Сегодня он позволит машине сделать всю работу за него.

В своем личном кабинете он сел и открыл коробку с тремя сэндвичами с говядиной, двумя порциями картофеля фри, огромным салатом, тремя бутылками пива и банкой меда. С огром-

ным куском сандвича во рту Варглик вскрыл конверт в коричневой обложке, пришедший с сегодняшней почтой. Утром Хиби, следуя его распоряжениям, отложила его в сторону, не открывая. Конечно, ей должно быть интересно, что содержится в конверте, который приходит каждые четыре месяца. Наверное, она думала, что это какой-нибудь порножурнал для извращенцев, «Хастлер» или «Пикантные истории онанистов», или еженедельник некрофилов с обновленным списком легкодоступных книг, посвященных всевозможным извращениям, фото из моргов и фотопортрет с прелестным женским трупом этого месяца.

Глянцевый бумажный журнал, который он вытащил, был ВАО, издание очень ограниченного распространения. Откуда редакторы Всемирной ассоциации оборотней узнали о нем? В ответ на его запрос в ВАО последовала загадочная записка. «У нас есть способы все знать.

Журнал, хотя и на английском, издавался и рассылался по почте из Хельсинки (Финляндия). Небольшой раздел был посвящен статьям о проблемах азиатских тигров-оборотней, африканских крокодилов-оборотней, южноамериканских ягуаров-оборотней, аляскинских и канадских

медведей-оборотней и горных львов. В одной статье о вымирании японских лис-оборотней был сделан вывод, что перенаселение, загрязнение окружающей среды и, как следствие, потеря лесных площадей привели этот вид к гибели. Последняя строчка статьи была мрачной. Ситуация в Японии может повториться и у нас.

Другой журналист, под явно ложной подписью Лона Чейни III, привел результаты своего опроса по почте. Его интересовали сексуальные привычки оборотней. Выборка показала, что 38,3 % мужчин и женщин-ликантропов бессознательно находились под влиянием фаз луны. В своей человеческой фазе они предпочитали, чтобы самка стояла на четвереньках, а самец использовал ее задний подход. Кроме того, они часто выли и визжали во время секса. Это привело к травмам у 26,8 % партнеров не-ликантропа.

Одна из самых интересных статей предполагала, что гены ликантропии рецессивны. Таким образом, оборотень мог родиться только у родителей, у каждого из которых были рецессивные гены. Но сын или дочь должны были быть укушены оборотнем, прежде чем наследственность проявилась. Или же отпрыск должен был получить шкуру, снятую с мертвого оборотня. Отсюда

и крайняя редкость ликантропов…

Проглотив всю твердую пищу, с набитым желудком, но все еще чувствуя голод, Варглик ложкой отправил мед из банки в рот, читая колонку личных данных.

ВМ, холост, 39 лет, красивый, жизнерадостный, состоятельный колл. град, любит Моцарта, старые фильмы, долгие вечерние прогулки, ищет молодую, милую, колл. град, полиморфно-извращенный ВФ. Дети без проблем. Фото по запросу. Напишите в ВАО.

Джейн, вернись домой. Я люблю тебя. Все прощено. Вы можете использовать кошачий мусорный ящик.

Эрнст.

Журнальные статьи были серьезными научными работами. Но, конечно же, большую часть личной колонки составляли сотрудники ВАО. Может быть, чтобы облегчить их жизнь. В конце концов, быть ликантропом совсем не весело. Он должен знать.

Прочитав журнал, он сунул его в измельчитель. Это ранило его библиофильскую душу, но призывы издателя к своим подписчикам уничтожить номер после прочтения имели смысл. С другой

стороны, издатель мог держать в тайном хранилище несколько экземпляров каждого выпуска, зная, что они могут стать весьма ценными коллекционными предметами. Его сомнения в их намерениях, вероятно, были необоснованными. Но быть ликантропом, вроде обитателя Большого Яблока, делало человека прямо-таки параноиком. У Варглика была двойная причина знать, что лучше быть подозрительным, чем сожалеть.

И еще лучше всегда перестраховаться. Но ликантроп отбрасывал всякую осторожность, когда всходила полная луна. Это было вчера. Но это не имело значения. Две ночи до и после полной луны оказывали почти такое же сильное влияние. Варглик был так же беспомощен против захватившего его процесса — скоро он превратится в вспышку — как Луна, которая не в силах покинуть свою орбиту.

Не в силах бороться с процессом перемен, даже не зная, как это сделать, он однажды попытался запереть себя в клетку во время метаморфозы. Когда его время приблизилось, он заперся в комнате без окон в своем доме в Вестчестере с говяжьим боком в качестве подпитки для повторного превращения обратно в человека. Затем он вставил ключ в замок так, что тот упал на

бумагу в прихожей, прямо за дверью. Как только он почувствовал начало перемены, дрожь пробежала по его телу, еще более сладостная и сильная, чем сексуальное возбуждение, он разбил мебель, откусил дверную ручку и завыл так, что разбудил бы всю округу, если бы его дом не был изолирован.

Он не помнил своих мук во время отчаянных попыток вырваться на свободу. Но разгромленная комната и раны на руках, ногах и ягодицах в тех местах, где он укусил себя, были столь же убедительным доказательством, как если бы он записал драму на пленку. Очнувшись человеком, он был так измучен и слаб от потери крови, что едва смог протащить под дверью бумажку с ключом.

Каким-то образом он встал, отпер дверь, оделся, разрезал и разорвал одежду на ранах и позвонил знакомому врачу — своему коллеге, чтобы тот приехал к нему домой, осмотреть его. Доктор явно не поверил его рассказу о том, что на него напала большая собака, когда он гулял в лесу, но ничего не сказал.

Поскольку полиция не смогла найти собаку, Варглику пришлось сделать несколько болезненных уколов от бешенства.

Это была его первая и последняя попытка посадить себя в клетку.

Прилежный и опытный детектив, шериф наверняка узнал бы о том, что пострадавший сочинил историю о нападении. Но нескольких телефонных звонков или писем в Нью-Йорк оказалось достаточно, чтобы замять все дело. Он также узнал бы о собаках и лошадях, убитых в этом районе, хотя места убийств находились в двадцати милях от дома Варглика. Игер наверняка узнал бы об убийстве двух туристов и двух влюбленных в лесу. Полиция подозревала, что убийца был человеком, который разделал всех четверых так, чтобы они выглядели убитыми и частично съеденными дикими собаками. Игер склонялся к мысли, что убийца не был ни человеком, ни собакой.

— Он, должно быть, с ума сходит, если верит в это, — пробормотал Варглик. — Добро пожаловать в дурдом, шериф.

Что бы ни делал Игер, во что бы он ни верил и что бы ни собирался сделать, Варглик ничего не мог поделать со своим вторым я. Единственное, что Варглик мог контролировать, так это заранее выбрать место, где будет находиться, когда произойдет неизбежное.

В шесть вечера Варглик вышел из кабинета. Свернутая волчья шкура лежала в кейсе, который он нес. Он подождал в своем доме, съев огромный ужин, а затем жевал картофельные чипсы, до 10:30 вечера. Затем он поехал на своей машине через город, высматривая, чтобы не было слежки, используя окольные пути, останавливаясь время от времени, чтобы проверить, нет ли возможных преследователей. Через полчаса он оказался на проселочной дороге в дикой глубинке, к северу от округа Рейнольдс. Через десять минут он свернул на боковую дорогу и остановил машину в тени дубовой рощи. Единственными звуками кроме его учащенного дыхания были пронзительные крик саранчи и кваканье лягушек на соседнем болоте. А потом — вой москитов, налетевших на него.

Там Варглик торопливо открыл багажник, достал шкуру, снял одежду и положил шкуру на переднее сиденье. Его дыхание резало нос. Он тяжело дышал. Его тело, казалось, горело изнутри. Лихорадка метаморфозы приближалась к своему пику.

Волчья шкура висела у него на плечах, когда он вышел из тени и встал в потоке лунного света. Хотя он и не держал шкуру, она, как живое существо, прилипла к его спине.

Лучи лунного света, бледные, как стрелы, пронзили его. Его кровь глухо стучала. Большая артерия на шее Варглика билась, как лиса, попавшая в мешок. Он пошатнулся, упал в облаке сверкающего серебристого дыма. Волосы на его голове и шее встали дыбом, кудрявые волосы на лобке выпрямились. Необычайно приятное ощущение пронзило его. Он раздулся, как горловой мешок болотной лягушки-быка. Из носа у него потекло, жидкость сочилась по губам, которые раздувались.

Без его воли, его руки поднялись и выпрямились. Его ноги раздвинулись, как будто кровь проступила сквозь кожу. Его кишечник сжался и выжал испражнения со странным звуком сердитого плевка кошки. Он опустошил свой мочевой пузырь, описав струей мощную дугу. Затем его пенис стал огромным и поднялся к Луне, почти касаясь живота, и Варглик-волк пронзительно завыл.

Глубоко взвыв, он тяжело упал навзничь на землю. Волчья шкура все еще липла к нему, как гигантская кровососущая летучая мышь. Он почувствовал, как силы наполняют его, текут через него как волны осциллографа с пилообразным верхом, сначала хаотичные, а затем организу-

ющиеся в параллельные, но изогнутые линии. Из-за них тело его вибрировало. Ему даже пришлось глубоко вцепиться в грязь вытянутыми руками, чтобы не соскользнуть с поверхности планеты.

Он выплескивал свою сперму снова и снова, как будто спаривался с самой Матерью-Землей. Его человеческие сперматозоиды исчезли, а железы уже изливали в протоки волчью жидкость.

После этого он потерял последнее от человека, что в нем еще оставалось.

Только Луна видела, как его волосы и кожа таяли, пока он не стал похож на массу желе, которая превратилась в человеческую фигуру. Примерно через минуту желе задрожало и продолжало дрожать еще некоторое время. Оно сияло бледное и полутвердое, как лимонное желе. Словно он стал каким-нибудь первобытным слизняком, выползшим из-под земли и умирающим.

Но он жил. Яростные метаболические пожары в этом желе уже поглотили часть жира, который Варглик так быстро накопил. Огонь съедал все это, а затем атаковал часть нормального жира, прежде чем процесс был завершен. На заре осознания Варгликом того, что он является наследником, он попытался сесть на диету. Он

рассудил, что если ему не хватает жира, то ему не хватает энергии, необходимой для осуществления метаморфозы. Но спящий в нем волк победил его. Варглик не мог перестать есть огромное количество пищи, как не мог перестать потеть.

Желе темнело, меняя форму. Руки и ноги сжались. Голова стала длинной и узкой, а новообразованные зубы блестели, как стальные копья. Ягодицы уменьшились, и из зарождающегося позвоночника, теперь темной линии в массе, вытянулось щупальце. Оно стало хвостом, сначала гладким, потом волосатым. Стали формироваться голова, туловище, ноги и руки. Поначалу клетки стали меняться по мере того, как тело трансформировалось магнитными линиями, генерируемыми в нем волком.

Волк не приходил в сознание, пока изменение не завершилось. Волчья шкура стала живой частью живого желе, а затем и нового создания. Тот, кто упал на землю как двуногое, поднялся как четвероногое. Варглик встряхнулся, словно только что вынырнул из воды.

Он сел на мохнатые задние лапы и завыл. Затем он принялся рыскать вокруг, принюхиваясь к фекалиям и жидкостям. Он осмотрел машину, несмотря на омерзительную и всепоглощающую

вонь бензина и масла.

Мгновение спустя Варглик уже бежал через лес. Он бежал и бежал. Он мчался через мир, в котором не было времени. Он видел кусты, деревья и скалы, мимо которых проносился, и это были живые существа, которые двигались. Он видел луну как шар, которого до этого не существовало. Он не имел понятия о неизменной Луне, скользящая над Землей по своей орбите. Это было что-то новое. Она родилась вместе с ним.

Но волк знал, чего хочет. Плоть и кровь. И, будучи оборотнем, он жаждал человеческой плоти больше всего на свете. Однако, как и все двуногие и четвероногие существа, он ел все, что мог. Там он перепрыгнул через забор, схватил за горло лающую сторожевую собаку и перенес ее через забор в лес, где убил и съел. Но этого было недостаточно. Ему нужно было больше добычи, чтобы истощить свои нервы экстазом и наполнить свой живот топливом для превращения обратно в человека. Он бежал, пока не добрался до пастбища, на котором паслись лошади. Они спали. Волк убил кобылу, выпотрошил ее и принялся рвать плоть, пока разбуженные фермеры не набросились на него с фонариками и ружьями.

Затем, сделав широкий круг по лесу, он пересек

залитый лунным светом луг, потому что оттуда до него донесся овечий запах. Когда он приблизился к опушке леса, он почувствовал запах овец, мяса, которого он больше всего жаждал. Из темноты деревьев вышел человек. Луна осветила ствол винтовки. Он поднял оружие, когда волк с рычанием прыгнул на него.

ШЕРИФ ИГЕР НЕ присоединился к охоте к северу от фермы Бенджера. Вместо этого, разгадав все уловки своей жертвы, обнаружил след, отправился за Варгликом в дубовую рощу. Он сидел в машине у дороги, пока

волчий вой не подсказал ему, что случилось то, чего он ожидал. Через десять минут он вышел из машины и осторожно приблизился к роще. Он как раз успел заметить пушистый хвост, исчезающий в темном лесу.

Посветив фонариком, он пошел по следам на мокрой земле. Через некоторое время он услышал отдаленные выстрелы. Определив, с какой стороны они идут, шериф срезал путь, отправившись через лес. Еще до того, как он добрался до луга, он увидел огромного волка, скачущего по лугу. Шериф подождал, пока зверь будет почти готов броситься в лес, и вышел. Его винтовочные патроны были не серебряными. Утверждение «Серебро

— смертельно для оборотней» — полная чушь. Высокоскоростная свинцовая пуля 30-го калибра убила бы любое животное, включая человека, весом в сто восемьдесят фунтов. Оборотень может оказаться существом сверхъестественного происхождения, но он подчинялся тем же законам физики и химии, что и любое другое животное.

Пуля вошла в зияющую пасть зверя, отскочила от неба, вонзилась в горло и вошла под углом в печень. Волк был мертв, как и Варглик. Также не было обратного превращения в человеческое тело, как показано во многих фильмах. Существо было мертво, и принцип трансформации не мог действовать на клетки. Волк остался волком.

Игеру не нужны были ни вопросы, ни огласка. Шериф освежевал труп, вырыл могилу и похоронил волка. В процессе повторной метаморфозы кожа отвалилась бы, предположил он, отделившись от тела и других частей кожи. Но теперь она оставалась целой, процесс изменения остался в тайне.

ТЕПЕРЬ ШКУРА ВИСЕЛА над камином в доме шерифа. С каждой ночью ее свет, казалось, становился все ярче. Шериф подумывал о том, чтобы уничтожить ее. Он знал, или думал, что знает, что сделает в ближайшее время, если шкура останет-

ся в поле его зрения или в пределах досягаемости его руки… Он должен сжечь ее, иначе…

Голодный волк попытается добраться до мяса, даже если увидит ловушку. Железные опилки устремятся к магниту, что бы ни случилось. Мотылек не погасит пламя, но полетит на свет…

Призрак из канализации
Глава 1

ВЕСЬ ДЕНЬ РЭД Мак-Кьюн работал в городе, как галерный раб. Как Бен-Гур он с трудом «тащил свой прекрасный многопалубный корабль по воде». Рэд работал, сливая струей из шланга уродливые куски дерьма в канализации. Они были его бременем, и Ред, всегда поэт, однажды назвал их «фарделями». Его напарник, Ринго Рингголд, спросил:

— …Мне кажется, в фарделиях царстве гниль…

— Ладно, а что такое «фардель»?

По выражению лица Ринго было видно, что он считает, будто фардели — старые пердуны. Вот что делает с человеком работа в канализации.

— Это слово использовал один мой коллега, — пояснил Рэд. — Коллега-поэт. Билл, Оквокский бард.

— Боже, неужели еще один? — сказал Ринго. — Что он здесь делал?

— Как-то составил мне компанию.

Ринго хмыкнул. Если бы речь шла о Второй мировой войне, Ринго не перестал бы говорить.

Он был одним из первых черных морских пехотинцев, отправленных в южную часть Тихого океана, чтобы убить или быть убитым, а может быть, и то и другое. Ринго сделал выбор в пользу «убить» и вернулся с полным вещевым мешком сувениров и множеством историй.

— Восхищаюсь этими маленькими желтыми ублюдками, — сказал он однажды Рэду. — Только они не были желтыми. Они противостояли нам, белым, как настоящие мужчины. — Рэд тогда закатил глаза, и Ринго быстро добавил: — И все таки все мы, американцы, белые, а они все желтожопые.

Ринго был немного странным. В этом можно было бы обвинить всех морпехов, но Рэд считал, что Ринго повредил голову, работая в канализации. Поток дерьма делает это со всеми рабочими, включая самого Рэда. Темнота, мусор и говно на темной воде, газы, жара — все это создавало коктейль, от которого у самого крепкого парня голова кругом пойдет…

Рэд подцепил туфлю на высоком каблуке, осмотрел ее, прежде чем отшвырнуть обратно. Видимо, ее носила какая-то счастливая молодая красавица 1909 года. Эта соска никогда бы не поверила, что вскоре гордость ее туалета станет

мято-сморщенной, согнутой и расходящейся по швам, воняющей кислым… Вышедшая из моды, устаревшая туфля, точно как ныне и ее хозяйка.

Газы — пессимизм живота, а пессимизм — газы души. Рэд очень страдал и от того, и от другого. Но он считал себя одновременно и поэтом, и археологом. Один из способов скоротать время в канализации — вообразить себя археологом. Забудьте все, что знаете о реальности. Представьте себе, что реконструируете цивилизацию наверху только на основе того, что проплывало мимо, на основе того мусора, который он поливал из шланга.

Там, наверху, странный мир. Когда-то здесь плавало много презервативов, но теперь их стало совсем мало. Это означало, что у них там перенаселение, а на фабриках резиновых изделий кризис. А может, каучука стало меньше, и через несколько месяцев там, где раньше косяками маленьких белых рыбок, подпрыгивая, кружа и ласково обнюхивая друг друга, плыли презервативы, остались лишь одиночки. Им не с кем было ткнуться носом или поиграть в пятнашки.

Из этого Рэд сделал вывод, что там, наверху, произошло что-то ужасное. Это снова была Красная маска Смерти, хотя на этот раз это были не

красные пятна на коже, а импотенция. Существо в маске бродило по улицам города Золотых Ворот, прикасаясь то к одному, то к другому своей палочкой. Не имело значения, кто были эти люди: банкиры, гангстеры, толкачи, просто янки, битники, носильщики, сторожа, астрологи, ведущие ток-шоу… Их концы обмякли, когда сигареты упали в унитаз.

Рэд прошел в восторг от этого образа. Сам он был так уродлив, что мало кто из женщин хотел иметь с ним дело, а с теми, кто хотел, он не хотел иметь ничего общего. Это был случай, когда подобное отталкивало подобное.

Рэд представлял себя современным Квазимодо. Там, где горбун полез на шпиль, Рэд решил спуститься вниз. От высоты у него закружилась бы голова.

Иногда он слишком увлекался своей фантазией уменьшающегося населения. Когда он как-то выполз из люка, он был удивлен тем, что улицы не пусты.

— Нет, они все мертвы, просто не знают этого, — пробормотал он.

Сегодня Рэд разрабатывал новую археологическую теорию на основе качества экскрементов, проплывающих мимо него. Когда он начал

работать, двенадцать лет назад, плоды жизнедеятельности человека проплывали мимо, похожие на сосиски-гондолы, плывущие по темной Венеции, были высшего качества. Ничего, что могло бы сравниться с вещами во флигеле его деда. Конечно, вещи были не класса АА, но все же класса А. Вещи, с которыми он сталкивался сейчас, были «подводными лодками периода Первой мировой войны» по сравнению с великолепными «Королевами Елизаветами», «Титаниками» и «Лузитаниями» прошлого. В те дни даже отбросы бедняков превосходили лучшие из богатых отбросов 1966 года. «И если ныне мусор так плох, подумай, каким он станет в 1976 году?»

Рэд не знал, что вызывает вырождение. ДДТ, искусственные удобрения и обилие сахара? Мы есть то, что мы едим, включая в себя мысли. Желудок — тень разума, и он стремится туда, куда стремится разум.

Ни от Сократа, ни от Канта вы бы ничего подобного не услышали. Они были мыслителями; современные философы были вонючками.

— Эй, Рэд, что тебе снится? — поинтересовался Ринго.

— Сократ, — ответил Рэд.

— Ты имеешь в виду того грека, который го-

товил сандвичи для подводной лодки капитана Немо? Да, ныне фастфуд уже не тот, что раньше. И что твой Сократ об этом думает, черт возьми?

— Именно об этом я и размышлял.

— Лучше перестань думать и приведи свою задницу в порядок, — посоветовал Ринго. — Сегодня явится инспектор… Слушай, а что вообще Эрни делает? Должно быть, тоже дурачится. Нигде не вижу его шланга.

Рэд оглядел туннель. На протяжении ста ярдов тот шел прямо, а затем сворачивал. И что там за поворотом? На углу горел тусклый фонарь, как светлячок в жару. Он исходил от лампы в шлеме Эрни Маццео. Его шлем был похож на шахтерский, хотя Эрни не копал уголь. Эрни ничего не выкапывал, вот почему он охотно спускался сюда. Ему было все равно, где находиться: здесь или наверху. А сейчас он, похоже уснул, прислонившись к стене туннеля.

— Может, стоит его разбудить, — сказал Рэд. — Инспектор уволит его, если застанет спящим.

Лампа Рэда освещала воду, поэтому он первым заметил почти черную жидкость в темно-коричневом потоке. Она напоминала осьминога, попавшего под паровой каток.

— Что это? — спросил он.

— Если бы я не знал Эрни так хорошо, я бы сказал, что это кровь, — отозвался Ринго.

И тут мимо проплыла голова Эрни. Его рот был широко открыт, и зубы блестели в луче каски, оставшейся на углу. Среди них блестело достаточно золотых зубов… Да, тут было за что прикончить Эрни.

Глава 2

СНАЧАЛА ПРИЕХАЛА ПОЛИЦИЯ, потом «скорая», потом появился инспектор Блик. Детективы допросили Мак-Кьюна и Ринголда, сделали снимки, замеры и сложили фрагменты тела Эрни в кучу. Среди них были голова, отрубленные руки и ноги и сердце. Гениталии отсутствовали. Они могли быть брошены в канализацию и проплыть незамеченными. Никто их не высматривал. Ричи Вашингтон и Абдул И, убитые много раньше, тоже были разрезаны на части, а их головы и конечности нашли. Но гениталий у них не было. Теория состояла в том, что убийца забрал их с собой. Никто не знал, зачем он это сделал, но продажа горных устриц в ресторанах упала почти до нуля.

— Вам двоим придется отправиться в уча-

сток, — сказал лейтенант Холлот, обращаясь к Рэду и Ринго.

— Не волнуйтесь, ребята, — успокоил их Блик густым, как мед, голосом. — Я позабочусь, чтобы вам наняли адвоката и внесли залог. Я забочусь о людях, находящихся на госслужбе.

Он приобнял Рэда, а потом и Ринго, чтобы показать, что у него нет фаворитов.

— Вы не арестованы, — добавил Холлот. — Я просто хочу, чтобы вы дали исчерпывающие показания.

— Возьми выходной, когда закончишь с ними, — посоветовал Блик. — Боже! Что за чудовище здесь разгуливает? Почему он пристает к рабочим канализации? Ричи в прошлом месяце, Абдул в позапрошлом. Что он имеет против вас, ребята? Нас, я имею в виду. Или это заговор какой-то подпольной организации? Они пытаются вывести из строя канализацию, чтобы город заболел?

Блик выглядел таким же расстроенным, как и Рэд. Инспектор был крупным мужчиной, на голову выше Рэда, на локоть шире в плечах и почти такой же уродливый. Зеркало лопалось каждое утро, но это его, похоже, не беспокоило, так же как и Рэда. У инспектора была жена, китайская иммигрантка с Тайваня, которую не смущало

уродство супруга. Все белые мужчины выглядели для нее одинаково.

Блик приобнял Рэда и сказал:

— Крепись, старина!

Ринго усмехнулся, когда они с Рэдом ушли, оставив вонючие коридоры.

— Этот сладкоголосый инспектор так любит тебя, потому что по сравнению с ним ты — задница бородавочника, а он на твоем фоне — павлин.

Рэд ничего не сказал. Им пришлось отойти в сторону, пока санитары уносили Эрни под простыней на носилках. Кровь растекалась по тоннелю, как будто искала новый дом.

— Пожалуй, я пойду, — объявил Ринго. — Черт возьми, мы даже не получим надбавки за этот кошмар!

Следующие два часа Рэд почти ничего не говорил, разве что отвечал на вопросы детективов. Было очевидно, что те считали его и Ринго виновными, но это Рэда не беспокоило. По их словам, все были виновны, в том числе и судьи. К тому времени, как они закончили допрос, они даже друг на друга смотрели с подозрением.

Однако сами по себе допросы длились недолго. Красные лица полицейских быстро позеленели от подземных запахов, и они, пошатываясь, один

за другим убрались из туннелей. Рэд наконец сообразил, что это потому, что они с Ринго сильно подняли уровень воды.

«Странно», — подумал он. Их не смущает здешняя моральная атмосфера. На самом деле большинство из них кажутся такими толстыми. Потом он подумал о канализационных крысах и о том, какие жирные эти твари.

Глава 3

БЫЛО ДАЛЕКО ЗА полдень, когда они вылезли из-под земли. Свет был такой же, как и каждый день в Голден-Гейт-сити в безоблачный день. Яркий свет придавал суровость реальности, но делал здания и людей нереальными. Как будто изумрудный город страны Оз побелек. А может, в этот раз мир рисовал ученик художника. Или друзья Тома Сойера.

Ринго закурил.

Ринго был невысокого роста, с очень круглыми головой, телом и ногами. Это, в сочетании с его блестящей черной кожей, делало его похожим на бомбу анархиста, которая была готова взорваться. Фитилем служила сигарета.

— Давай поедим, — предложил Ринго.

— Боже мой, это после того, что случилось с Эрни! — воскликнул Рэд. Он хотел только пойти в свою комнату, где на самом деле ничего такого-этакого не было. Но это было лучше, чем идти куда-либо еще. Рэд пошел в душ, не снимая комбинезона и ботинок, и долго стирал одежду. Потом он умывался. Затем он открыл холодную банку пива — пиво тоже было холодным, и включил духовку на минимум, уложил в духовку мокрую одежду, но оставил дверцу открытой. Запах чистоты распространится по его комнате и ванной. Это было бы как прощение от священника после долгой, тяжелой исповеди. Раскаяние. Впрочем, он не выпендривался. Он с самого начала знал, что снова согрешит и на следующий день спустится в канализацию. «Топь отчаяния, — подумал он. — Уныние было грехом, но в туннелях специфический запах заглушал все остальные». Более того, здесь, наверху, он впадал в еще большее уныние, потому что ему приходилось терпеть такое дерьмо. Он уходил вниз к дерьму, только там оно было безликим.

Потом он снова примет душ и будет ходить голым, проходя мимо зеркала дюжину раз и избегая смотреть в него. Когда он забывался и заглядывал в него, он всегда показывал своему отражению

указательный палец. Отражение тоже показывало ему палец, но никогда не делало это первым. Оно пыталось, но Рэд обладал самым быстрым пальцем на Западе…

К тому времени, как он включил старый телевизор, в дверь постучали. Это, должно быть, заглянула на огонек старая миссис Нильссен, его овдовевшая квартирная хозяйка. Миссис Нильссен прокричала из-за двери своим надтреснутым семидесятилетним голосом, что хочет поговорить с ним. На самом деле она была пьяницей, которой хотелось выпить. Прооравшись, она захочет уложить его в коечку. Миссис Нильссен, бедняжка, давным-давно почему-то решила, что, как бы он ни был уродлив, он будет благодарен ей за секс. Пару раз она оказалась права. Но он не хотел ее успокаивать. Он едва справлялся с собственной депрессией.

Сегодня после того, как он несколько раз крикнул ей, чтобы она убиралась, она ушла. Потом он сел за стол, давным-давно купленный в «Гудвилле», и, открыв банку пива стал сочинять стихи. Он смотрел в окно с высоты пяти этажей и видел, как другие окна смотрят на него сверху или снизу. Где-то за ними прятались Золотая бухта и большой мост, по которому когда-то ездили

в экипажах Джек Лондон, Амброз Бирс, Марк Твен и Джордж Стерлинг. Он знал, что мост был построен, когда все они уже умерли, но ему было приятно представлять себе, как они едут по этому мосту. Если бы мост был построен в те времена, они бы ездили по нему.

Ему предстояло пересечь собственный мост. Этим он заканчивал свое стихотворение, которое назвал «Королева тьмы». Когда-то он написал его на желтых листах, конвертах, пакетах из-под продуктов, а одно четверостишие на пыльном письменном столе. Пыль вдохновила его; она порождала самые великие строки, которые он когда-либо писал. Он так разволновался, что напился, а когда на следующий день вернулся с работы, бросился к столу, чтобы прочитать их, потому что не мог вспомнить. Их там не было. Старая госпожа Нильссен убирала у него в комнате. Это был первый и последний раз. Уборка была лишь предлогом, чтобы поискать бутылку,

которую, она была уверена, он спрятал. Она думала, что у всех есть своя спрятанная бутылка.

Рэду так и не удалось восстановить эти строки, и поэтому он упустил свой шанс стать великим поэтом. Эти строки были записаны в момент вдохновения. Это было бы не что иное, как запал.

По крайней мере, приятно было в это верить.

Теперь, записав пару миллионов срифмованных строк, Рэд вынужден был признать, что не может играть даже в низших лигах поэзии. Его вещи воняли так же, как и канализация. На самом деле именно канализация разрушила его поэзию, хотя вначале она вдохновляла его. Он собирался написать что-нибудь такое же хорошее, может быть, даже лучше, чем томпсоновский «Город ужасной ночи», может быть, не хуже Китса «La Belle Dame Sans Merci». Но нет, его свеча погасла в темноте, сырости и вони подземного мира. Та белая колеблющаяся красота, муза, которую он представлял себе идущей к нему, а затем прочь, манящая его в дальние туннели, чтобы показать любовь и смерть, умерла. Как менестрель на собрании черных мусульман.

И все же временами ему казалось, что он видит ее смутно, как мерцание, в дальнем углу темного канала.

Глава 4

О ЧЕМ, ЧЕРТ возьми, ты думаешь, парень? — поинтересовался Рэд. — Я не могу сейчас есть. Давайте сначала немного выпьем.

Ринго это вполне устраивало. Они прошли сквозь толпу, не слишком плотную, к таверне Танго Тангл-фута.

Та была наполовину заполнена алкашами и толкачами, а другая половина состояла из нарков, пьяного проповедника из неосуфитской церкви, что на соседней улице, а также нескольких его последователей. Преподобный Хаджи Фоукс приветствовал их, когда они вошли.

— Есть ли Бог в канализации? Ходит ли он в прохладе этого запаха?

— С прошлого вторника его там не было, преподобный, — сказал Ринго и подтолкнул Рэда вперед. Рэд хотел бы поговорить с преподобным; религия, которая поощряла опьянение как Путь, казалась ему достаточно интересной. Тот же интерес выказывали и другие посетители, пока Фоукс покупал им выпивку. Но у Ринго не было никакой веры белого человека, и не важно, бесплатная выпивка или нет.

Они сели возле музыкального автомата, который играл «Покажи мне дорогу домой» — один из официальных церковных гимнов. Они заказали по кувшину пива и пару гамбургеров для Ринго. Увидев выражение лица Рэда, Ринго спросил у него, когда официантка отошла к другому сто-

лику:

— Как твои стихи?

— Я собираюсь сдаться и написать книгу. Ода о мифах и легендах канализационной системы города Золотых Ворот.

— Блин, звучит жутко, — сказал Ринго. — Ты ведь не веришь во все это дерьмо, правда?

— Призрак канализации? Почему нет? Он мог быть просто каким-нибудь пьяницей, который обезумел и решил подражать Лону Чейни. Есть много мест, где он мог бы спрятаться, и в любом случае ему не нужно проводить все свое время, бродя по вонючим туннелям. Он мог бы жить часть времени наверху. Может быть, он сейчас здесь, стоит у стойки бара, пьет и смеется над нами.

Ринго быстро оглядел посетителей бара и подытожил:

— Только сейчас его тут нет.

— Разве Призрак когда-нибудь причинял кому-нибудь вред, кроме того, что пугал до полусмерти? И чем же? Маска черепа на Хэллоуин и черная мантия? Я не думаю, что кто-то плеснул ему в лицо кислотой и она съела его лицо, так что виден череп. Это прямо как в старом фильме, Ринго.

— Во всяком случае, я видел его однажды, —

продолжал Ринго. — Он плыл на длинной лодке. Правил стоя. Его одежда развевалась на ветру — он был возле одного из больших вентиляторов. Его глаза были большими и белыми, а лицо наполовину скрыто в тенях. Но то, что было видно, выглядело достаточно страшно, но что действительно заставило меня задрожать, так это его пассажир. Он выглядел как куча плоти… чего-то, куча, которая пульсировала, как жаба. У него был один круглый глаз без век, который пристально уставился на меня.

— Ты же вроде говорил, что не веришь во всю эту чушь, — удивился Рэд Мак-Кьюн.

— То, что я говорю, и то, во что верю, не всегда одно и то же.

— Многие люди так утверждают, — покачал головой Рэд. — Похоже, Призрак подружился с Ужасным Турдотером.

Он ухмыльнулся, но эта ухмылка лишь показывала, что он говорит несерьезно. Если бы Ринго думал, что он говорит серьезно, он никогда больше не спустится в канализацию. Точно так же как его работа, и стаж, и пенсия, и сувениры времен Второй мировой. А вместе с ним и удовлетворение, потому что Ринго любил свою работу. Что бы он ни говорил, Рэду это нравилось.

Каждой летучей мыши — своя колокольня.

— Не знаю, — медленно произнес Ринго. — С тех пор я не видел Призрака, и никто другой, насколько мне удалось выяснить, тоже. Ты полагаешь, что Призрак был загипнотизирован Ужасным Турдотером и тот приказал ему отвести его в свое тайное логово, где он мог бы съесть Призрака?

Какое-то время они молча прокручивали фильмы ужасов на кинескопах своего сознания. Список был огромным: «Дракула против Существа из Черной Лагуны», «Голем встречает гигантского спирохета», «Эббот и Костелло против дочери мистера Хайда и Женщины-Гиены»... Когда чудовищам надоедало есть людей, они пожирали друг друга.

В качестве фоновой музыки музыкальный автомат, теперь выключенный из религиозного ритма, орал кантри: «Дочь фермера подарила мне вчера вечером два акра земли», а старика, кричащего, что он непризнанный наследник рокфеллеровского состояния, вынесли через заднюю дверь в переулок. Другой старик кашлял кровью под столом. Его дружки заключали пари на выпивку из его бутылки, за или против того, что он сегодня снова выпьет.

Миф о Турдотере звучал примерно так. Не

безумный ученый создал Турдотер. В прежние времена так бы оно и было, но люди больше не верили в сумасшедших гениев. Вера в их существование исчезла. Они вымерли так же, как Зевс, Один или даже Бог.

Новой угрозой стал сумасшедший писатель. Прототипом образа стал Виктор Шейсмиллер, человек, который действительно жил. Все видели его фотографию в газетах и журналах и читали о нем. Он не был чем-то выдуманным.

Он действительно сошел с ума, «сбился с курса», как самолет Корригана. После восемнадцати лет написания сценариев для конкурсных шоу, детских шоу, вестернов, полицейских и грабителей, научно-фантастических сериалов и мыльных опер, он спятил. Однажды он исчез, и в последний раз его видели спускающимся в канализационный люк. В записке, которую он оставил, говорилось, что он собирается создать чудовище и выпустить его в мир. После того, как чудовище съест всех рабочих в канализации, оно вылезет на свет божий и сожрет все население, пока они сидят загипнотизированные перед своими телевизорами.

Люди на поверхности решили, что это большая шутка. Люди в туннелях смеялись над этим, когда

были наверху. Но оказавшись внизу, они часто оглядывались через плечо.

Никто не видел Виктора Шейсмиллера в канализации, но некоторые видели вздымающуюся вонючую массу дерьма с одним стеклянным глазом — глазом Шейсмиллера, как говорили некоторые. Еще рабочие говорили, что именно эта тварь убила их приятелей и отрезала им головы, ноги и руки. Но те, кто видел эту тварь, говорили, что у нее нет зубов. Должно быть, чудовище жевало своих жертв до смерти, а может, засовывало им в глотки щупальца с дерьмом и душило их. Затем оно обвилось вокруг них и растворяло их в своих соках.

Как чудовище могло выжить, когда в канализации исчезло всего несколько человек? Легко. Крыс оно тоже ело. И, вероятно, этот каннибал ел дерьмо.

Тогда чудовище стало еще больше и смогло превратиться в колосса, поскольку в пище недостатка не было, если только водопроводчики не объявят забастовку. Его основное тело, однако, должно было напоминать скелет из старых костей, собранных Шейсмиллером. Там были нервы из нитей и кетгута и презерватив, раздувающийся и сжимающийся, как сердце, качающий мускат

из бутылки, который безумный сценарист приспособил вместо крови, баночка вагинального желе для печени, сигарные окурки, встроенные в тело, втягивающие кислород. И так далее.

Другие говорили, что это неправильно. Чудовище было 300-фунтовой массой дерьма — никаких костей или бутылок внутри. Оно текло и меняло форму.

Все, однако, согласились, что у чудовища был один стеклянный глаз, который оно использовало для обнаружения новых жертв.

— В основном это мертвые человеческие надежды, — высказал новое предположение Рэд.

— Что? — удивился Ринго.

— Будь я проклят, — неожиданно воскликнул Рэд. — Смотрите, кто пришел!

Ринго вскочил с криком, опрокинув кувшин с пивом, и, обернувшись, закричал:

— Только не сейчас!

— Значит, ты веришь? — усмехнулся Рэд. — Нет, Ринго, это не чудовище из дерьма. Это инспектор Блик.

— Что он здесь делает? — удивился Ринго. Он сел и попытался скрыть дрожь, сжимая кувшин Реда двумя руками и наливая себе стакан пива. Только у него ничего не получалось.

Блик пододвинул стул и наклонился, придвинув свое уродливое лицо через стол как можно ближе к лицу Рэда.

— Я только что получил заключение коронера, — объявил он. — Эрни был изнасилован, как и те два других мальчика.

Ринго заказал еще два кувшина пива. Ред помолчал немного, потом спросил:

— Это было до или после того, как их убили?

— До того как, — ответил Блик.

— Все, — фыркнул Ринго. — Я ухожу. Если меня зарежет сексуальный извращенец, пусть делает это на солнышке.

— Со всей вашей охраной? — спросил Блик. — Я боялся, что вы двое подумываете об увольнении, вот почему я здесь. Держитесь, старые приятели. Завтра полиция собирается провести массовую облаву по всей канализации. Им нужны проводники, так что вы двое можете помочь, если захотите.

Он обнял Рэда и сжал его плечо.

— Департамент общественных работ ожидает, что каждый человек выполнит свой долг. Кроме того, завтра там будут съемочные группы. Ты можешь увидеть себя по телевизору.

Как можно было устоять перед этим?

Глава 5

ОХОТА НА ЧУДОВИЩЕ заняла четыре дня, и все получилось так, как и ожидал Рэд Мак-Кьюн. Горели огни, кричали люди, лаяли ищейки. Темнота наступила после того, как зажглись огни, люди охрипли и замолчали, собаки не учуяли ничего, кроме канализационного газа. Псы все равно не знали, что ищут. Ни у кого не было перчаток от Призрака, чтобы позволить им понюхать, ни капли от вещи, которая была сплошным пометом. А Убийца из Канализации, как его называли газеты и телевидение, так и не вышел пообедать. Кем бы и чем бы он ни был, он не был идиотом.

— Видишь? — сказал Рэд.

— Здесь полно мест, где можно спрятаться, тайных выходов, ниш, старых туннелей, замурованных кирпичом, и тому подобного, — ответил Ринго. — В любом случае откуда нам знать, что он не прятался под водой? Призрак Оперы ходил под водой, дыша через трубку.

Зато они нашли пекинеса, которого замучили до смерти, и три человеческих эмбриона, похожих на марсиан, совершивших аварийную посадку. Еще они нашли крыс, или, может быть,

все было наоборот. Это было, когда охотники вошли во вкус. Пройдя мили по темным мокрым вонючим тоннелям, устав, испытывая тошноту и скуку, находясь в убийственном настроении, они должны были кого-то убить.

Крысы бежали впереди них уже несколько часов, и теперь их сопровождала целая вереница — около четырехсот пушистых серых пионеров, загнанных в угол индейцами. Большинство из них плавали по каналам и поэтому выглядели как пыльные швабры, попавшие под дождь. Их глаза светились красным, как маленькие светофоры. «ОСТАНОВИТЕСЬ», — говорили они, и люди действительно остановились на минуту, осматривая визжащую вздымающуюся массу. Луч фонарика выхватил расплывчатое пятно, спрыгнувшее с выступа в дальнем конце комнаты. Эта «крыса» была в три раза больше, чем остальные, и ее единственный глаз, казалось, светился сам по себе. Он был не серым, а белым вверху и черным внизу.

— Должно быть, это их предводитель, — сказал один из полицейских. — Господи, как я рад, что все они не такие большие!

Тут-то и началась стрельба. Револьверы 38-го и 45-го калибров, а также дробовики загремели,

оглушив всех за несколько секунд. Крысы взрывались, как маленькие фугасы. Большинство из них бегало взад и вперед, вместо того чтобы попытаться пробиться сквозь толпу людей. Они слышали, что загнанная в угол крыса всегда дерется, и верили в это. Часть крыс бросилось на охотников, укусив нескольких за руки и ноги. Большинство крыс было перебито, но некоторым удалось спастись.

Ринго прыгал вместе с остальными, размахивая самурайским мечом из своей коллекции.

— Банзай! — кричал он, а когда крыса прыгала на него, он отрубал ей голову в воздухе. — Ах так!

Позади него инспектор Блик с широкой ухмылкой на лице, как у тыквы на Хэллоуин, выстрелил в орду из шестизарядника. Это была фамильная реликвия его прадеда, покорившего Запад. Ствол револьвера был достаточно длинным и широким, чтобы осчастливить слона-проктолога. Он выплевывал пули 44-го калибра, которые косили крыс, словно они и в самом деле были индейцами.

В другой руке Рэд держал большой охотничий нож. В какой-то момент он даже задумался: а не снять ли скальпы с грызунов, когда бой закончится. Расстреляв барабан патронов, Рэд присел

у стены. Крыс он не боялся, но и убивать их тоже не любил. Он хотел отойти в сторону, потому что знал, что пули начнут рикошетить. И действительно, вскоре какой-то коп закричал, что крысы стреляют в ответ. Позже выяснилось, что его контузила пуля, которая едва коснулась его лба, а он, оцепенев, подумал, что крысы раздобыли какое-то оружие.

Люди начали пригибаться, но продолжали стрелять. Через некоторое время один человек оказался ранен в ногу, и охотники начали приходить в себя. Взрывы затихли, как остатки попкорна на сковороде… Эхо затихло, и наступила тишина, нарушаемая лишь журчанием воды за спиной и отдаленным лаем собак. Их владелец не рисковал своей ценной собственностью из-за чего-то столь незначительного, как крысы.

Кровь потекла по бетонному стоку в канал. Потом все прекратилось, как иссякшая нефтяная скважина.

— Идите домой, ребята, динозавры кончились.

Уцелела только большая старая крыса — Кастер, 7-го подземного кавалерийского полка. Она перелезла через кучу мертвых товарок и скользнула вниз, волоча задние лапы, на которых не хватало пальцев. Она собиралась скрыться под водой.

— У него точно раскосые глаза, — объявил Ринго и прыгнул, крикнув: «Банзай!» — и мечом отрубил крысе голову.

— Черт побери! — сказал Блик. — Я сам хотел это сделать!

— Я сделал это, потому что восхищался этим сукиным сыном, — сказал Ринго. — Это была мужественная крыса. Она заслужила почетную смерть.

— Ты спятил, — фыркнул Блик. Он огляделся, размахивая своим пистолетом, как будто это была дубинка.

— Эй! — окликнул его полицейский. — Вы только посмотрите!

В углу лежала куча тел и кусков тел. Их отшвырнуло к стене потоком из шланга, и пули повалили на землю. Все твари, казалось, были убиты по меньшей мере три раза. Но тут куча останков зашевелилась, а потом затряслась, появились трещины, и вдруг появилась гигантская крыса, которую они мельком видели, когда началась резня. Только это была не крыса. Это был кот-рычащий. Его единственный глаз блестел, как выхлопная труба мотоцикла байкера, спина изогнулась, как будто он был луком, готовым выстрелить в людей. Несмотря на кровь, стру-

ившуюся по его телу, его шкура, белая сверху и черная снизу, казалось, светилась.

— Да это же старик Полумесяц! — воскликнул Рэд.

— Кто такой этот чертов Полумесяц? — поинтересовался Блик.

Ред ничего не сказал о том, что Полумесяц — еще одна легенда канализации.

— Он живет здесь по меньшей мере пару лет. Когда я впервые увидел его, он был просто старым бродячим котом. Но он стал расти, потому что крысы хорошо питаются. Посмотрите на него! Он пережил сто боев наверху и двести внизу! Одного глаза нет, а оба уха разорваны на части. Но он — ужас для крыс. Я видел, как он однажды схватился с десятью и убил их всех.

— Да? — недоверчиво протянул Блик. Он сделал несколько шагов в сторону старого Полумесяца. Кот присел, словно готовясь к прыжку. Блик взмахнул ножом, кот остановился.

— По-моему, он подружился с крысами, — проворчал инспектор. — Он их предводитель. В конце концов, ты — то, что ты ешь, а он ест только крыс, значит, он сам наполовину крыса.

— Ты тоже то, чем дышишь, — пожал плечами Рэд. — Это делает нас, канализационных рабочих,

наполовину дерьмом.

— Этот человек сумасшедший, — пробормотал Ринго.

— Кота поймали, когда выскочили крысы, — заметил Ред. — Ему пришлось бежать впереди них. Черт, даже он не справился бы с таким количеством крыс.

— Я не хочу, чтобы он выскочил из темноты и напугал меня, — сказал Блик. Он попятился от кота, который, казалось, вот-вот снова бросится в бой. Он был похож на кота Везувия, а его Помпеи — на инспектора Блика.

— Он не обращает внимания на нас, рабочих, — пояснил Рэд. — Черт возьми, мы с ним раз десять проходили мимо друг друга, просто кивали и шли каждый своей дорогой. Он ценное животное и убивает больше крыс, чем дюжина отравителей. И сверхурочных он тоже не просит.

— Мы могли бы подобрать его, — заметил полицейский. Рэду показалось, что он потянулся за наручниками, но решил, что это ему показалось.

— Оставьте его, — сказал Рэд.

— Твою мать!

— Если вы убьете эту кошку, я уйду.

Блик нахмурился, а затем, после недолгой внутренней борьбы, сунул нож в ножны под курткой.

Улыбка медленно проявилась у него на лице, как будто какой-то маленький человечек внутри него работал над трещотками, прикрепленными к уголкам его губ. Наконец, с широкой улыбкой хэллоуинской тыквы, заключенной в пластик, он обнял Рэда.

— Ты ведь любишь этого кота, правда?

— Он такой же, как я, уродливый, и ему лучше здесь, в темноте.

Блик рассмеялся и сжал плечо Рэда.

— Ты вовсе не урод, парень! Ты прекрасен!

— У меня есть зеркало.

Блик рассмеялся, отпустил плечо Рэда и шлепнул его по заднице. Кот пронесся мимо них, словно был рад увидеть их в последний раз. Крыс ему тоже давно хватало.

Глава 6

ОТ КОМИССАРА ОБЩЕСТВЕННЫХ работ пришел приказ о том, что ни один канализационный рабочий никогда не должен работать в одиночестве. У каждого всегда должен быть на виду напарник. Рэд и Ринго соблюдали это правило. Но по прошествии двух недель они иногда оставались одни. Старые привычки, в отличие от старой одежды,

не так-то легко изжить. Однако, как только один из них начинал осознавать, что напарник ушел вперед за изгиб туннеля или отступил назад, он начал звать и не останавливался, пока напарник вновь не появлялся в поле зрения. Все это время, Рэду снились кошмары. Всегда крысы. Он видел, как они прыгают вокруг, а потом, пока он стоял, не в силах убежать, они неслись к нему, и через некоторое время он чувствовал, как они пробегают по его ногам. Крысы останавливались чуть ниже ягодиц и начинали принюхиваться, и он знал, что они собираются сделать, и напрягался в ожидании — когда их зубы вопьются в его плоть, чтобы грызть и грызть.

Рэд просыпался. Крыс не было. Ужас таял, как кусок льда, только что вынутый из холодильника.

— Укус, укус, укус и вот… — пробормотал Рэд, обращаясь к Блику. — Человек не должен умирать от укусов.

— Сны не могут убить.

— Они убили больше людей, чем когда-либо убивали автомобили. Наполеон и Гитлер были мечтателями. Грезили наяву. Если подумать, именно мечтатели изобрели автомобиль.

— А кто придумал сны? — спросил Блик.

Вопрос удивил Рэда, и он забыл, что собирался сказать дальше. Блик казался славным парнем с хорошими знакомствами, достаточно умным для своей работы. И все же время от времени он отпускал странные замечания. В голове его среди тараканов пруссаков было несколько зеленых тайских.

Блик взглянул на свои наручные часы.

— Да, знаю, — отмахнулся Рэд. — Нам пора идти.

Ринго начал спускаться в люк. Ожидая его, Рэд огляделся. Небо было, или казалось, самым глубоким голубым из всех, что он когда-либо видел. Высокие здания, стоявшие вдоль улицы, были подобны горам. Люк находился в том месте, где солнечный луч, проскользнув между двумя зданиями, высветил асфальт. «Как индейцы, идущие через перевал, — подумал Рэд. — Или Золотая Орда, вторгшаяся в страну теней». Ощущение нереальности, которую солнечный свет всегда накладывал на город Золотых Ворот, была самой острой, из всех, что он когда-либо чувствовал. Тени боролись с ним, пытаясь удержать власть над реальностью, но не отступали.

Блик стоял рядом с ним, явно пытаясь придумать, что сказать, прежде чем сесть в машину и

уехать. Мимо проехала машина с молодой парой, и девушка, прелестное создание, указала на Рэда и что-то сказала водителю, симпатичному парню. Тот быстро проследил за ее взглядом, потом взглянул на Блика, и губы его сложились в слова.

— Боже мой!

— Парад уродов, — прошептала девушка.

Рэд продемонстрировал ей средний палец. Девушка, оглянувшись, сначала испугалась, но потом рассмеялась, повернулась к юноше и что-то сказала. Рэд на мгновение подумал, что молодой человек может дать задний ход и выскочить из машины и броситься в драку, но, сбросив скорость, машина рванулась вперед. Оба пассажира запрокинули головы, как будто смеялись.

Рэд пожал плечами. Он уже много раз видел подобную реакцию. Люди всегда были шокированы, когда обнаруживали заговор его генов, направленный на то, чтобы исказить человеческое лицо. Потом они рассмеивались.

Скривившись, Рэд нырнул в люк и начал спускаться по лестнице.

— Как продвигается твоя поэма? — неожиданно поинтересовался Блик.

Рэд удивился, почему он спрашивает его об этом, но ответил:

— «Королева Тьмы»? Нет, ничего не писал. Муза не посещает. Во всяком случае, я никогда не относился к стихоплетству серьезно. Поэзия лишь пофлиртовала со мной. А вдохновение не собирается меня целовать, как настоящих поэтов.

— Странный ты какой-то, — пробормотал Блик. — Хотя среди моих «клиентов» странных полным-полно. Канализационные работы привлекают нестандартных, кроме того, это же Калифорния… Значит, ты больше не собираешься писать стихи?

— С меня хватит, — покачал головой Рэд. — Все, чего я хотел за последние два года, — это написать четыре идеальные строки. К черту эпические творения, особенно о канализации. Все, что мне было нужно, — это четыре строчки, которые заставили бы всех запомнить меня навсегда… Я бы согласился и на две строки. Две строки, запечатленные в памяти всего мира, и чтобы человечество не видело лица за ними. Это не так уж много, но… Но муза покинула меня. Она больше не приходит в мои сны. Теперь туда приходят только крысы.

Блик выглядел расстроенным. Однако он часто таким казался.

Плоскости его лица естественным образом сложились в дорожную карту человеческого горя.

— Ты хочешь сказать, что ты покончил с творчеством?

— Как поэт — да. А так как я наполовину поэт, хотя и плохой, то выжил во мне только человек.

Блик, казалось, не знал, что сказать.

— Увидимся, — сказал Рэд и спустился по лестнице. Они с Ринго взяли инструменты и зашагали по коридору. Где-то впереди забился сток, и они должны найти его и убрать.

Они прошли участок, где над головой горели постоянные огни, а затем через темные места, где единственным источником света были их фары. «Как шахматная доска, — подумал Рэд, где единственными фигурами были пешки».

Потом их лампы высветили большую кучу чего-то неопределимого. Эта масса напоминала плотину, по крайней мере на фут выше, чем вода, подпирающая ее.

Ринго, опередивший Реда на несколько шагов, остановился на дорожке и посмотрел вниз. Рэд начал было что-то говорить, но тут Ринго закричал.

Масса ожила. Она стала подниматься из канала, и два щупальца обвились вокруг ног и талии Ринго.

Рэд был парализован. Туннель превратился в пушечный ствол, по которому выпалила нере-

альность.

Ринго боролся со щупальцами, отрывая большие куски мягкого коричневого вещества. Кости, соединенные вместе в суставах, вываливались из материала на бетонную дорожку, но другие псевдоподии выросли из массы и схватили Ринго за горло и между ног. Они вытягивались, обвивая Ринго, а Рэд смотрел. Луч его фонаря высветил открытый рот Ринго, белые зубы, белки глаз. Это также отразилось на единственном выпученном глазу — на шишке сбоку рядом с Ринго.

Внезапно у Ринго отвисла челюсть, а глаза начали стекленеть, как у чудовища. Либо он потерял сознание, либо у него случился сердечный приступ. Что бы это ни было, он упал на массу, недалеко от глаза, и погрузился в нее лицом вниз.

Рэд хотел убежать, но не мог оставить Ринго в этой тошнотворной массе. Внезапно, словно внутри него захлопнулся выключатель, он прыгнул вперед. На краю дорожки он наклонился и схватил Ринго за левую лодыжку. Щупальце, мягкое, скользкое, вонючее, поднялось над краем бетона и обвилось вокруг его ноги. Он закричал, но не отпустил лодыжку. Рэд знал, что если бы он смог ухватиться получше, то, вероятно, смог

бы его вытащить. Он должен был освободить его, потому что Ринго, если он еще не умер, скоро задохнется.

Прежде чем Рэд успел перехватить лодыжку и выбраться, он оказался по пояс в этой массе. Она просочилась на дорожку, окутала его и втянула в себя.

Стеклянный глаз застыл перед его лицом — он был на конце стручка, раскачиваясь взад и вперед перед Рэдом.

Рэд, все еще крича, снял шлем и ударил в глаз. Тварь в ответ ударила его, вырвала, и он оказался в темноте. Шлем был сорван и погрузился в огромное тело. На мгновение внутри загорелся красный свет, а затем исчез.

Рэд совсем забыл о Ринго. Он бился, отбивался и вдруг оказался на свободе. Всхлипывая, он пополз прочь, пока не уперся в стену. Он не знал, в какую сторону идти вверх, но надеялся, что идет в правильном направлении. Тварь не могла далеко продвинуться по воде. Рэд вылез из канала, чтобы встать на дорожку,

и вода хлынула вниз по открытому проходу. Теперь в канале было сильное течение, против которого тварь, несомненно, не могла плыть очень быстро.

К тому же, лишившись глаза, она стала таким же слепым, как и он. Только вот как теперь ему сориентироваться? По запаху?

«Может, я свихнулся, — подумал Рэд. — Эта тварь не может существовать. Должно быть, я в бреду, вообразил ее. Может быть, я действительно нахожусь в другом месте, сижу в смирительной рубашке. Я надеюсь, что они смогут дать мне что-нибудь, чудо-лекарство, шоковую терапию, чтобы вывести из этого состояния. Что, если я навсегда заперт в этом кошмаре?»

Он услышал позади крик, человеческий голос. Он перестал ползти и обернулся. Луч фонаря искрился примерно в пятидесяти ярдах от него. Он не мог разглядеть фигуру под ним, но она, должно быть, была около шести футов двух или трех дюймов высотой. Кто-нибудь, кого он знал?

Луч заплясал вокруг, ослепил, затем вернулся, чтобы указать вверх и вниз по течению. Уровень воды понизился, хотя все еще был выше, чем следовало бы. Существо исчезло вместе с Ринго.

Луч заискрился на дорожке, когда человек подошел к Рэду. Тот сидел, прислонившись спиной к стене, не слыша приближающихся шагов из-за собственного громкого дыхания и стука сердца в барабанных перепонках. Человек остановился

прямо перед ним, луч на его шлеме ударил в глаза Рэда, так что он не мог разглядеть лица под ним.

— Послушайте… — начал было Рэд.

Что-то ударило его по макушке, и когда он проснулся, свет уже погас. Сильно болела голова, но у Рэда не было времени думать об этом. Его одежда была снята,

и он лежал на спине, а руки были под ним и связаны вместе на запястьях. Его лодыжки тоже были стянуты проводом.

Рэд застонал и поинтересовался:

— Что вы делаете?.. Кто вы?

Раздался звук, как будто кто-то внезапно втянул в себя воздух.

— Ради бога, — продолжал Рэд. — Отпустите меня. Разве вы не знаете, что случилось? Рин-го — убит. Это правда, да поможет мне Бог! Его проглотила тварь, в существовании которой вы не поверите. Она ждет там, за углом. Одному человеку с ней не справиться. Вместе мы могли бы это сделать.

Он вздрогнул, когда чья-то рука коснулась его лодыжки над пленками. Он задрожал, когда рука начала двигаться вверх по его ноге. Он снова подпрыгнул, когда что-то холодное и твердое на мгновение коснулось его ноги.

— Кто вы? — крикнул он. — Кто вы? Кто вы такой?

Он слышал только тяжелое дыхание. Рука и нож остановились, но теперь они скользили вверх по его телу.

— Кто вы такой?

Рука и нож остановились. Голос, хриплый, как мед, произнес:

— Твой приятель.

— Инспектор Блик?

— Это там, наверху, я Блик. А здесь, внизу, я призрак канализации, любимый…

Рэд знал, что кричать бесполезно. Но он завопил изо всех сил…

Никто не идеален

РУДОЛЬФ ИСКУПИТЕЛЬ ТОЛЬКО что закончил сосать мою кровь. Мой мозг пылал, словно в голове включили электрическую лампу, а клитор пульсировал.

Я хотела умолять его продолжать сосать, но девушка в очереди позади меня закричала:

— Давай, сука!

Гремели барабаны, ревели горны. Публика, заполнившая концертный зал, вопила во все горло.

Телохранители Рудольфа, стоявшие под сценой и за кулисами, должно быть, стали еще более бдительными. Год назад убийца застрелил Рудольфа во время этого ритуала. Три месяца спустя произошло то же самое.

Ошеломленная, на подгибающихся коленях, я направилась к ступеням, ведущим вниз со сцены. Но он крикнул:

— Ты та, кого я искал много лет! Мне кажется, я люблю тебя!

Я была одновременно взволнована и удивлена. Вы ожидаете, что такие нежные слова вам будут шептать в спальне, где единственные посто-

ронние звуки — ваше тяжелое дыхание и скрип пружин кровати… Как говориться: «Ухаживали, трахались, судились… так что стены тряслись». Но я не собирался спорить с этим утверждением.

Кровь стекала в уголке его рта. Он улыбнулся, показывая красные стальные клыки, прикрепленные к его настоящим клыкам. Его глаза сверкнули. Действительно, он «зажигал». А виной тому, как я узнала позже, его привязанность к новому чуду химии «Путь Бога». Он делает ваши глаза похожими на открытые двери в ад, хотя некоторые утверждают, что он широко распахивает врата в рай. Что бы он ни делал, он наверняка превосходит героин, крэк иже с ними. Хотя, как я вскоре обнаружила, Рудольф он их всех переплюнул.

Но Рудольф-то не замешан во всем этом дерьме по той же причине, по которой большинство людей замешаны. То есть он принимает эту гадость, чтобы чувствовать себя нормально, чтобы чувствовать себя человеком. Что и я принимаю «Путь Бога» по той же причине. Философией я никогда не увлекалась. Какое мне дело до гуру и махариши, до кармы и мантр — все они фальшивки. Какое мне дело до того, была ли у Иммануила Канта любовница?

— Приходи ко мне в полночь! — крикнул он.

— Я не любовница на одну ночь! — крикнула я в ответ.

Я лгала, и он это знал. Но он схватил следующую девушку, откинул ее голову назад, обхватил ее грудь левой рукой и укусил в шею. Снова ударили барабаны, и толпа завизжала, как потерянные души, внезапно увидевшие надежду. У девушки случился оргазм или она притворялась, так часто бывает ныне. Но мужчинам все равно. Ты — это то, чем ты притворяешься, как однажды сказал мой друг.

Однако я точно не притворялась. Так что, возможно, девка на сцене чувствовала тот же восхитительный холодный огонь, который загорелся в пальцах моих ног и взмыл вверх по моему телу. Я онемела от экстаза, с которым даже эффект «Пути Бога» не мог сравнится.

Рудольф отпустил девушку и схватил прыщавого мальчишку. Юноша мог и не быть натуралом или геем, но сиял от восторга. Отчасти религиозный, отчасти сексуальный экстаз. Разве есть какая-то разница, как бы мне ни было неприятно это говорить? Конечно, нет никакой разницы, когда Искупитель принимает тебя в Благословенное Тело… Нет никакой разницы, мужчина ты или

женщина, когда ты принимаешь посвящение и причастие одновременно. Только это обратное причастие, потому что Рудольф, священник в данном случае и претендующий на роль Божьего Наместника, пьет вино вашего организма — вашу кровь. Но ты получаешь немного его святой слюны…

На ступеньках девушка распылила бактерицид на рану на моей шее и наложила на ранку пластырь. Взяв билет, я подписал бланк, освобождающий Рудольфа Искупителя от ответственности за любые инфекции или эмоциональный стресс, предположительно вызванные укусом в шею. Рудольф не боялся заразиться СПИДом или еще чем-нибудь. Он утверждал, что вампиры не затронуты человеческими болезнями.

Волновалась ли я? Да! Но даже когда я, как говорится, дымилась под шелком, мне было интересно, действительно ли Рудольф имел в виду то, что сказал. Если он думал, что я буду готова потушить его огонь и отдаться ему в любое время в любом месте, пока не исчезнет прежний трепет, он был прав. Но если он думал, что будет продолжать качать из меня кровь, как фермер, доящий корову, то он ошибался. Я не могу позволить себе потерять большую часть моего драгоценного

гемоглобина. У меня достаточно проблем с анемией и псевдогепатитом. «Путь Бога» не только подогревает твою кровь. Он настоящий яд для печени. Но оно того стоит.

Почему он выбрал именно меня? Не хочу отступать, признав, что у меня великолепные ноги и большие, торчащие в стороны силиконовые сиськи…

Когда-то я думала, что лицо Тейлор сделает меня кинозвездой. Никто никогда не говорил мне, что для того, чтобы попасть на вершину, нужно обладать хотя бы умеренно хорошими актерскими способностями. Я была по-настоящему невинна, а может быть, просто обкуренный лузер. Слишком глупа, чтобы знать, что продюсеры и режиссеры пообещают тебе все что угодно, если смогут залезть тебе под юбку.

Во всяком случае, я была не единственной богиней в этой толпе, и он, должно быть, трахнул много божественных девиц. Так почему же я? Видел ли он что-то, что выделяло меня, как помешанную на сексе тараканиху, занимающуюся любовью с орехом в банке, полной других орехов?

Но я все узнаю, когда, доберусь до его квартиры. И где он там живет? Поэтому я была удивлена и

обрадована, когда один человек сунул мне записку и сказал:

— От Искупителя.

Я развернула ее. На ней было отпечатанное сообщение. Вероятно, он не был уверен, что я умею читать написанное от руки. Печать означала, что он, должно быть, видел меня до начала ритуала, глядя на телеэкран, сканирующий толпу. Он все еще сосал кровь у посвященных и был слишком занят, чтобы тратить время на то, чтобы самостоятельно передать мне сообщение.

В записке говорилось, что водитель желтого лимузина заберет меня, когда церемония закончится.

Вот это действительно заставило меня почувствовать себя особенной! Или он делал так на каждом шоу, выбирал какую-нибудь красотку, у которой мозги в заднице, которая выглядела так, словно она уже впала в немилость Судьбе и вот-вот упадет в его постель? Насколько мне было известно, за этот вечер целая толпа фанаток получила такие же записки, как и я. Каждому было сказано прийти в разное время. Так что, когда мое время истечет, я получу пинок под зад.

Слава, слава, слава! Даже если девушку вышвырнут без благодарности после часа, проведен-

ного с Рудольфом, она не должна злиться. Не за что. Тебе повезло, ты стала одной из Избранных. Теперь у тебя не только есть чем похвастаться, но и осталось что-то еще, кроме его спермы. Это был крошечный кусочек Царства Искупителя, пришедший в вас, — вечное благословение, непоколебимая уверенность, что вы были одна из Избранных, и вам будет дарована вечная жизнь на Новой Земле.

Его последователи знали это: когда Рудольф выкупил Старую Землю, они стали бессмертными… Они действительно будут жить вечно, телом и душой. Более того, женщины, с которыми он спал, занимали особое место в небесном особняке. Как будто Рудольф расплатился с тобой за то, что ты с ним трахалась, но не деньгами, а нимбом святой. Блажена через кровавое причастие. Канонизирована через пенис.

После того, что казалось невыносимым ожиданием, потому что я хотела быть с Искупителем прямо сейчас, начался заключительный ритуал. Рудольфа подняли музыканты Кровавого Причастия. Его руки и ноги были прибиты к распятию, образованному комбинацией креста, звезды Давида, полумесяца и свастики. Последний символ получил много нареканий от неверующих, но

Рудольф сказал, что это древний буддийский символ, правша по форме и этим отличается от левой свастики, которую опозорили нацисты…

Кровь текла из его рук и ног, и оркестр, за исключением барабанщика, отбивающего ритм, слизывал кровь, стекающую по древку Священной Мантры. Затем они выковыряли гвозди из Мантры и перенесли Рудольфа к гробу, положили его в него и закрыли крышку.

При этом звучали стенания. Многие в толпе били себя кулаками в грудь. Музыканты вернулись к своим инструментам и сыграли несколько тактов из композиции «Кровь — это Жизнь». Это звучало как сплав кузнечного дела древних языческих божеств и ангелов, работающих в небесной оружейной, как будто группа ковала оружие для Сумерек Богов и Армагеддона, вместе взятых. От этого ритма начинало казаться, что конец света не за горами.

По крайней мере, так написал музыкальный критик. В кои-то веки он не был полным дерьмом.

Затем, после долгой паузы, во время которой толпа затихла, оркестр загремел:

— Встань, Встань И Сияй, Свет Мира!

Крышка гроба медленно поднялась. Потом

Рудольф сел и подпрыгнул. Я имею в виду, выпрыгнул из гроба из сидячего положения и приземлился на ноги, улыбаясь, широко раскинув руки.

Толпа взревела, все двести тысяч. Их голоса звучали так, словно это и не толпа была вовсе, а колоссальный лев. И его гигантская глотка породила звук, который не просто потряс стены храма, а покачнул столпы самого космоса.

Я действительно чувствовала себя возвышенной, ощущало прекрасное безумие радости. Я не хотела этого чувствовать. Но я не могла игнорировать вспышку эмоций, вырвавшихся из всех этих людей. И я тоже присоединилась к ним. Никто не совершенен.

Рудольф стоял на сцене, все еще с поднятыми руками, раны на руках и ногах начали закрываться, как ночные клубы после чеырех утра, А затем толпа стала расходиться, распевая «Восстань!» Сильно потрясенная, хотя и молчаливая, я медленно вышла вместе с певцами.

В Лос-Анджелесе было одиннадцать часов вечера, но огни за пределами зала сделали улицы почти таким же светлыми, как в свободный от смога полдень. Большая толпа антиискупителей ждала нас. Он хотел съесть нас, как львы, под-

жидающие христиан. В данном случае все было как раз наоборот. Собственно, люди там были христиане разных сект и иудеи, мусульмане, индуисты, буддисты и даже некоторые неовудуисты. Но весельчаки, они же буквалисты или святые ролики, были самыми многочисленными и самыми опасными. Если бы не армия копов, фанатики попытались бы проломить нам головы символами своей веры.

— Отмщение мое, говорит Господь!

Но эти люди были Божьими посланниками, и они не были готовы осуществить Его план. Если кому-то и придется подставить щеку, то только не им. Но, как я уже говорила, никто не совершенен.

Объективный человек — разве такие вообще существуют? — мог бы сказать, что у этих фанатиков достаточно причин, чтобы злиться. Вот Рудольф Искупитель утверждает, что он настоящий вампир, но в то же время Спаситель, помазанный Создателем, чтобы снова сделать Землю зеленой и решить большинство ее проблем. И у него есть пара миллионов учеников, которые поцеловали бы больше, чем его задницу, если бы он попросил их. Тогда этот кровососущий похотливый богохульствующий подонок-нар-

коман, который выставляет свои желтые шары и фиолетовый член во время своих ритуалов, утверждает, что он единственный истинный спаситель мира. Разве это не слишком много даже в этой стране свободы слова?

В списке людей, которые должны быть убиты, Рудольф занимает первое место. Его ненавидит больше людей, чем президента США или нынешних злодеев из мыльных опер. Он был застрелен, а также ранен во время взрыва бомбы. И все же через несколько минут после покушения его раны зажили. Значит, он настоящий вампир?

На самом деле, если то, что утверждают его враги, правда, Рудольф должен быть демоном, прилетевшим первым классом из ада, передовым агентом Антихриста. А может, он и сам Антихрист. В таком случае, согласно верованиям и логике фанатиков, убить его не грех. Это даже не убийство. Поэтому в следующий раз убийца должен использовать крупнокалиберный дробовик или бомбу побольше. Как насчет противотанковой ракеты?

Находиться в сотне ярдов от Рудольфа было опасно, но сотни тысяч поклонников шли на этот риск. И вот я сделала то же самое. Это дает вам представление о харизме Рудольфа.

Все в гигантской толпе, выходящей из зала, были прокляты и обруганы демонстрантами. Бумажный мешок с человеческим дерьмом пролетел мимо моего плеча и плюхнулся на девушку позади меня. Крики: «Антихрист!», «Проклятый дьявол-кровопийца!» и многие другие, некоторые непристойные, все горячие от ненависти, поднимались, как горящая бумага на сильном ветру. Повсюду развевались вывески.

ТЫ НЕ ДОЛЖЕН ПОЗВОЛЯТЬ ВЕДЬМЕ ЖИТЬ САТАНА НА СВОБОДЕ, ЕГО ЗОВУТ РУДОЛЬФ
ЕГО НОМЕР 666

Одно знамение, «ДЕНЬ СУДА ОТДЕЛИТ ОВЕЦ ОТ ВОЛКОВ», явило больше, чем религиозный пыл его создателя.

Как раз перед тем, как желтый лимузин подъехал к тротуару, я увидела большое, напоминающее тыкву лицо Джорджа Рекингема и его морковный нос. Он был в первом ряду демонстрантов, который извивался, как раненая змея, когда фанаты пытались прорваться сквозь двойную линию потеющих полицейских. Он помахал мне рукой и что-то крикнул. Я покачала головой, показывая, что не слышу. Тогда он поднял руку, большой и указательный пальцы которой обра-

зовали букву «О». Но я могла читать по его губам, меня этому учили.

— Ты сделала первый шаг и второй. Да благословит тебя Господь и укажет тебе праведный путь, чтобы сделать третий шаг.

Он имел в виду, что первым шагом было избавление от наркотиков, чего я никогда бы не сделала бы без его любящей помощи. Я не думаю, что в аду есть что-то хуже, хотя Джордж с этим не согласился бы, но сам он никогда не проходил через огонь. Вторым шагом было примирение с самим собой. Третий шаг был тем, против чего он возражал. Он сказал, что для моей души слишком опасно продолжать общаться с наркоманами (для него это не означало «химических иждивенцев»). И моя душа была в величайшей опасности, если я «подружусь» (еще один эвфемизм) с Антихристом.

Он подозревал, что я тоже стану много трахаться, как и до встречи с ним. Никаких ему «сексуальных отношений». Он сказал все как есть. Что ж, я это знала. Но я ни за что не откажусь от этого. Вагина, забитая пылью и паутиной, не соответствует замыслу Создателя, не для того Он ее сотворил.

Он был из фанди. Только никому не рассказы-

вайте. У них есть правые крылья, и левые крылья, и середняки, и дальние обитатели окраин. Даже если все настаивают на том, что Хорошую Книгу следует понимать буквально, они во многом расходятся в толковании буквы и духа. Но у них есть одна общая черта. Вера в Бога движет ими всеми, как касторовое масло движет содержимое кишечника. Они не могут бороться с этим.

То же самое можно было сказать и о последователях Рудольфа…

Я улыбнулась и помахала Джорджу, а затем села в лимузин, и он медленно нырнул в поток машин. Как водитель вычислил меня из толпы? «Лучше не спрашивай», — сказал я себе. Если тут и была замешана черная магия, я не хотела этого знать.

Меня отвезли в новый многоквартирный дом на Уилшир в Вествуде. Я должна был пройти через систему безопасности с сотней электронных глаз, через батальон охранников, которые обыскали меня, возможно более тщательно, чем следовало. Я миновала один бог знает сколько датчиков, прежде чем я вышла из лифта в пентхаус. Наверно, мне в лифте сделали рентген.

Я оказалась одна в комнатах, демонстрирующих убогую роскошь или роскошное убожество.

Но мое внимание привлек большой герб над камином. Я видела его фотографии по телевизору и в газетах. Это был герб шотландского благородного рода Рутвенов, от которого происходил Рудольф. Какой-то безымянный человек начертал его в подарок Рудольфу. Но там, где на первоначальных гербах были изображены баран и козел, поддерживающие боковые стороны щита, даритель нарисовал огромный шприц для подкожных инъекций. Это была шутливая дань уважения хорошо известной привычке Рудольфа к наркотикам.

Еще одним предметом, который вряд ли можно найти в квартире вампира, было огромное распятие на стене. Это меня не удивило, потому что Рудольф смеялся над этим во время ток-шоу.

— Кресты на нас не действуют, — заявлял он. — Это просто фольклор без крупицы правды. Вампиры, знаете ли, существовали уже в каменном веке, задолго до появления христианства. Фильмы раскрутили фольклор, так что все думают, что распятия пугают нас до чертиков. То же самое со святой водой. Черт, я храню в своей квартире святую воду в бутылках! Я пью эту дрянь только для того, чтобы доказать, какая это чушь!..

Комнаты недавно не убирали, и воздух в них был густым от нескольких токов дерьма, вонявших еще хуже. Пепельницы были завалены окурками сигарет и марихуаны, а на столах, стульях и полу валялись иглы и шприцы, многие из которых были использованными, пластиковые пакеты с белым или малиновым порошком и контейнеры для рецептов, содержимое которых, как я догадался, было получено без рецепта. То тут, то там башнями возвышались кальяны.

Это был эротический сон нарка, но Рудольф, казалось, не беспокоился о том, что его поймают. На свои деньги он мог бы купить несколько правительственных агентств, а также полицию штата и местную полицию. Вероятно, так оно и было.

Меня удивило, что стол накрыт на двоих. На нем стояло несколько накрытых тарелок, все серебряные. Через пятнадцать минут в квартиру вошли несколько телохранителей и быстро проверили все комнаты с помощью электронных детекторов. Когда Рудольф вошел, ушли. Его рыжие волосы струились по плечам, делая его похожим на шведского гуру. Но лицо его было чисто выбрито, и на нем был деловой костюм. Боже, ради бога!

— Ну, Полли, как тебе обстановка? — он произ-

нес это глубоким сочным баритоном, которого достаточно, чтобы любая из дочерей Евы, какой бы пуританской она ни была, огляделась вокруг в поисках дерева с афродизиакальными яблоками и мягкого ложа, на котором можно было расслабится и полакомиться плодами.

— Декор? — удивилась я. — Воздержусь от комментариев. Я не судья для дурного вкуса.

Он рассмеялся, и его темно-синие глаза сверкнули. Он был похож на Дракулу примерно так же, как волк на питбуля.

— Ты честная, никакой не отстой. Давай поедим.

— Что? — поинтересовалась я.

Он снова рассмеялся и жестом указал на стол. Когда я садилась, он подвинул мне стул, как будто я была рок-звездой, а он — метрдотелем, настоящим джентльменом.

— Это — вся еда? Я думала…

— Эй! — вздохнул он, садясь. — Это суеверная чушь. Это причинно-следственная вселенная, состоящая из энергии, входящей и выходящей и определенного количества экскрементов. Вампир не может питаться только кровью. Если только вы не летучая мышь, а ее масса не требует относительно большого количества пищи.

Мне, как и тебе, нужна сбалансированная диета. Но мне нужно определенное количество крови, чтобы удовлетворить жизненно важную биологическую потребность. Я дважды пытался бросить курить, один раз в 1757-м и один раз в 1888 году. Я чуть не умер. Я имею в виду, действительно чуть не умер.

— Ты определенно не выглядишь на свой возраст, — заметила я, чувствуя себя глупо. Мне хотелось быть остроумной, произвести на него впечатление. Это потому, что я вдруг, против своей воли, влюбилась в него. Именно так. Такое случается, хотя это был первый раз, когда я влюбилась после нескольких минут знакомства. Но я не была так счастлив, как вы могли бы подумать. Каждый раз, когда я глубоко увлекалась мужчиной, все заканчивалось эмоциональным крушением поезда, самолетом в тумане, разбивающимся о горный склон. Я знала, я знала… О боже…

Я знала, знала, что из этой любви ничего не выйдет! На самом деле будет только хуже! Я действительно знала!

Но какого черта! «Фильтруй базар!» — вот мой девиз. Сливайте плохие вещи каждый день и держите хорошие воспоминания близко к сердцу.

Что за тошнотворное положение! Но это то, что я есть, от этого никуда не денешься.

Мы набросились на пищу, как стервятники, а потом мы отправились в спальню. Никакого гроба в ней не было. Это еще одно суеверие. Вампирам не обязательно спать в гробу, хотя иногда это хорошее укрытие. И еще… Вампиры могут выходить днем, но не любят. Днем они быстро устают, становятся нервными и раздражительными, как заядлый курильщик, пытающийся избавиться от своей привычки.

Теперь вы можете понять, что я действительно верила, что Рудольф был тем, за кого себя выдавал. Я и раньше в это верила, но не совсем, не глубоко-глубоко внутри. Для меня это не имело никакого значения. Я любила его тогда и была совершенно без ума от него еще до того, как закончилась эта долгая ночь.

Я не сразу легла с ним в постель. Он нежился, готовый к встрече со мной, ожидая, когда я, саморазрушающаяся бабочка, сяду на его булавку. Но мой взгляд привлекла небольшая картина в рамке на столе. Я не пыталась дразнить Рудольфа, оттягивая важный момент, чтобы еще больше возбудить его. Я только что пережила небольшое потрясение. Женщина на картине была одета

в одежду восемнадцатого века. Она выглядела почти в точности как я!

— Моя мать, — сказал он. — Умерла в 1798 году.

Мне потребовалось некоторое время, чтобы собраться с мыслями.

— Ты выбрал меня, потому что я похожа на нее? У тебя Эдипов комплекс?

Он кивнул.

— За триста восемьдесят три года я был глубоко влюблен семь раз. Каждая из них была похожа на мою мать. Но я не извиняюсь. Никто не совершенен.

— Ах ты, сукин сын! — сказала я. — Я-то думала, ты выбрал меня, потому что с первого взгляда ты понял, что я родственная душа!

— Так и есть, — согласился он.

— Эй, у меня может быть лицо твоей матери! Но как насчет моей личности? Тебе может не понравиться, когда ты узнаешь меня получше. А как насчет всех остальных? У них был характер твоей матери?

— У всех до единой, — ухмыльнулся он. — И все же у каждой была своя индивидуальность. Но это не имело значения. Моя мать, бедная красавица, страдала множественной личностью. Всего, по-моему, около тридцати трех. Она умерла запертая

в комнате в моем замке, когда мне было сорок шесть. Но я полюбил каждую из ее личностей после того, как перестал путаться, хотя трое из них были убийцами. Так что, как видишь, не будет никаких проблем с подбором одной из ее персон для тебя. Иди сюда.

Хотя я была очень зла на то, что стала просто гребаной заменой матери, я все равно забралась в постель. Прежде чем рассвело, я уже почти успокоилась. Рудольф был изношен, как и я. Температура его тела не была нечеловечески низкой, как говорят все истории о вампирах. Но его сперма оказалась шокирующе холодной, и не важно, была ли она у меня во рту или в анусе. Меня не зря называют полиморфноизвращенной Полли. Она была как наэлектризованные сосульки — ощущения, которых у меня никогда не было раньше и за которые я бы умерла снова. Снова, и снова, и снова…

Мы разговаривали, и я много о нем узнала. Его много раз кусала женщина-вампирша, которую он любил, когда ему был тридцать один год. Вопреки фольклору, один укус вампира не мог превратить нормального человека в навязчивого кровососа. Смена происходила только после непрерывной серии ночных кормлений.

Вот почему тысячи юношей, которых Рандольф укусил только один раз во время ритуалов, не стали вампирами.

Он называл себя Искупителем, чтобы организовать молодежь в группы, которые будут посвящены превращению этой планеты в настоящую Зеленую Землю. Сначала он не собирался становиться религиозным лидером, но враги подтолкнули его к этому. Он сказал мне, что не был ни Антихристом, ни демоном из ада. Он не убедил меня в этом, хотя я и не стала спорить. Он употреблял наркотики уже двести лет, но они не причинили ему ни малейшего вреда. Еще одна причина верить, что он не совсем человек. Его мотив для проведения кровавого причастия был отчасти эгоистичен, отчасти гуманен. Высосав всю кровь из детей во время церемонии, он утолил свой голод, и ему не пришлось никого убивать.

Днем он не умирал. Он просто впадал в своего рода спячку. Его сердце замедлялось, но не переставало биться. Это было доказано научно.

— Если мое сердце остановилось бы полностью, как бы оно забилось снова? — удивился он…

КОГДА РАССВЕЛО, ПОКА я наблюдала, он погрузился в сон, который был не совсем сном

мертвеца. Хотя меня трясло от усталости и страха и все тело болело, я встала с постели и быстро прошла на кухню. Я нашла отвертку и вошла в большую гостиную. С помощью отвертки я выломала один из огромных шприцев, приклеенных к гербу. Затем я смешала святую воду (это не повредит) из одной из бутылок Рэндольфа с лошадиной порцией героина. Я наполнил шприц.

Жидкость была такой густой, что я не была уверена, что она не забьет твердую иглу. Я нажала на поршень достаточно, чтобы выпустить тонкую струю. Затем я отнесла шприц в спальню. Я бы предпочла молоток и заостренный деревянный кол, но мне нужно было работать с подручными материалами. Не думаю, что шприц и игла должны были быть сделаны из дерева, но лучше не рисковать. Те, кто послал меня, убедились, что шприцы сработают, прежде чем отправить герб вместе с письмом от якобы ревностного ученика Рудольфу…

Рудольф лежал навзничь на кровати, обнаженный и неприкрытый. Его руки были сложены на груди, как будто он был похоронен. Я положила руку ему на грудь, которая уже остывала. Я плакала, мои слезы падали ему на грудь. Думала, что не почувствую ничего, кроме неистовой радости,

когда сделаю это. Но я, конечно, не предвидела, что полюблю его.

Я говорила себе, что дьявол — самое соблазнительное существо на свете. И мое начальство предупреждало меня, что его обаяние огромно. Я должна была думать только о своем долге перед Богом и Его душами. Все, что я должна была сделать: добраться до него и выполнить приказ. А потом я буду оправдана и прощена. Однако мне придется навсегда отказаться от блуда после того, как я выполню эту миссию. Я устно согласилась на это, но сделала оговорку. Я не собиралась сдаваться. Меня ждал рай на Земле, и я, конечно, ожидала этого. Но, с другой стороны, было маловероятно, что я проживу достаточно долго, чтобы еще кого-нибудь трахнуть. В таком случае мне не придется грешить снова.

Я вставила острие деревянной иглы между двумя ребрами, как меня учили, поколебалась мгновение, затем опустила поршень вниз. Рудольф открыл глаза, но не сказал ни слова. Думаю, это был просто рефлекс. Надеюсь, так оно и было. Во всяком случае, теперь в его сердце было достаточно яда, чтобы проехать весь путь в ад.

Мне сказали, что, возможно, деревянного кола деревянной иглы и инъекции героина будет

недостаточно, чтобы убить его. В конце концов, его тело могло восстанавливаться дьявольски быстро. Мне было приказано на всякий случай отрубить ему голову. Но я не могла заставить себя.

Плача, я подняла трубку. Я звонила не Джорджу Рекингему. Он провел меня через холодную ломку, а затем привел к спасению. Но он считал, что убийство — это всегда грех. Вот почему он оставил Воинов Иеговы и почему убеждал меня бросить их. Я пожалела, что не послушалась его.

Я позвонил генералу Воинов. Он так быстро снял трубку. Должно быть, прождал всю ночь.

— Все прошло по плану, — объявила я. — Дело сделано!

— Благослови тебя Господь, Полли! Вы будете сидеть по правую руку Бога!

— И очень скоро, — вздохнула я. — Я не смогу выбраться отсюда, не попавшись. И я просто не могу покончить с собой, чтобы они не смогли допросить меня. Я поклялась, но я трусиха. Мне жаль. Я не могу этого сделать. Я просто хочу, чтобы вы придумали, как вытащить меня отсюда в целости и сохранности.

— Никто не совершенен, — сказал он и повесил трубку…

Зло, будь добром

Герру профессору доктору Вальдману, Университет Ингольштадта, Великое герцогство Бавария 7 октября 1784 г.

МОЙ УВАЖАЕМЫЙ И ДОСТОЙНЫЙ КОЛЛЕГА!

Это письмо от того, кого вы, должно быть, давно считали умершим и погребенным. Я, герр профессор доктор Кремпе, ваш коллега на протяжении многих лет, не мертв, как вы думали. Потерпите немного. Не отвергайте это письмо как плод безумного воображения. Прочтите его до конца и хорошенько обдумайте, что здесь написано.

Хотя я диктую это письмо, руки, которые пишут это письмо, огромные и неуклюжие, не мои собственные маленькие и артистичные. Более того, они замерзают, как и чернила в горшочке. В этом Богом забытом ледяном краю не хватает письменных принадлежностей. Очень ограниченные средства, доступные мне, были привезены с обледеневшего корабля. Поэтому я не могу подробно рассказать о том, что произошло со мной с тех пор, как меня опустили в могилу.

Да, это, в переносном смысле, голос того, кого

все считают мертвым. Это будет шоком и вызовом как здравому смыслу, так и логике. Только профессор натурфилософии сможет поверить этому рассказу.

Я говорю «возможно», потому что даже вам, самому непредубежденному и либеральному человеку, которого я знаю, будет трудно поверить в это…

Я повторяю, пожалуйста, не уничтожайте это письмо, даже если вы сочтете, что оно и мошенническое, и написано маньяком. Одна вещь, которая заставит вас поверить, что это безумная шутка, — это почерк. Вы сравните его с образцами моего почерка, которые находятся в ваших папках, и увидите, что письмо писал не я.

Это не я. И все же это так. Пожалуйста, продолжайте читать. Я объясню, хотя, возможно, и не удовлетворю вас.

Я отправлю письмо с туземцем на лыжах с этого убогого русского форпоста к востоку от Архангельска. Очень сомневаюсь, что оно когда-нибудь дойдет до вас. Тем не менее вы единственный человек, который может подумать, что моя история может оказаться реальностью. Я не могу отослать его жене. Она ничего не поймет, она сочтет это жестокой шуткой, если ей объяснят.

Более того, она, вероятно, снова вышла замуж. Должен признаться, что мы, мягко говоря, никогда не заботились друг о друге. Так что скандал устраивать не стоит — держите известие о том что я жив, при себе.

Но вернемся к моему рассказу! Сдерживайте свое чувство неверия, пока не прочтете мое послание целиком. Возможно, тогда… Но нет, я сомневаюсь, что вы когда-нибудь получите его…

Первый удар молнии парализовал меня. Это произошло, как вы знаете, в сентябре 1780 года на территории нашего великого университета.

Второй удар молнии в ноябре, о котором вы ничего не знаете, освободил меня.

И все же, во многих смыслах, вторая молния заточила меня в тюрьму гораздо худшую, чем первая. Я мог ходить и говорить после удара адской энергии с небес.

В то же время я не мог ни ходить, ни говорить… Другое существо ходило и говорило за меня, хотя я не хотел, чтобы оно поступало так, как он поступало.

Вы, без сомнения, спрашиваете себя: какой второй удар молнии? Будьте терпеливы. Я все объясню…

В течение многих недель после того, как пер-

вый удар молнии мумифицировал меня, я был верен своей жене, медсестрам и лучшим врачам Ингольштадта. Но все врачи оказались шарлатанами. Они могли бы сделать несколько простых тестов, чтобы установить, был ли я в сознании, несмотря на то что я не мог пошевелить ни одним мускулом. Но в своем невежестве и высокомерии они предположили, что я в коме. И, чтобы попытаться вылечить меня, они пустили мне кровь. Таким образом, они убедились в своих предположениях, а я потерял сознание от потери крови и, пока мое тело не восстановило потерянную жидкость, находился в царстве грез!

Пусть они все отправятся к черту! И пусть их парализует так, чтобы они не могли даже веками шевелить, когда услышат, как их жены, родственники, няньки и врачи-шарлатаны говорят о них, как будто они уже в гробу! Это состояние, вы, глупые, безмозглые и напыщенные практикующие коллеги, приносящие смерть тем, кого Природа могла бы исцелить, заставило бы вас болезненно осознать, что на самом деле думают о вас ваши якобы заботливые няньки, любящие жены и слуги!

Я испытал больше мук, чем ожидают в аду самых жестоких и самых беспощадных убийц, ка-

лек, людоедов, богохульников, масонов, врачей, адвокатов, банкиров и содомитов! Вы отправитесь в ад, обреченные на это! Но там мало что узнаешь о настоящей боли! Пытки проклятых мертвецов бледнеют рядом с пытками невинных, которые должны жить в аду полностью парализованных!

Я, герр профессор доктор Кремпе, дважды мертвый, хотя и не совсем мертвый, вернулся из двух могил, чтобы написать это! И все же не моя рука двигает перо!

Всем своим вторым адом я обязан моему ученику по натурфилософии, вечно вопиющему, высокомерному и морально беспринципному Виктору Франкенштейну. Я знал, каково его личное мнение обо мне, потому что другой студент сообщил мне об этом. Франкенштейн — самодовольный, эгоцентричный, совершенно безответственный и совершенно испорченный младенец в мужском теле, этот властный и совершенно сопливый студент, сказал, что я низенький и приземистый, а отвратительность моего хриплого голоса превосходит только мое лицо. Кроме того, он сказал моему информатору, что только милость Божья удержала мою глупость от того, чтобы стать роковой для меня. Услышав это от

моего информатора в тот мрачный октябрьский вечер, я пришел в такую ярость, что, не обращая внимания на холод и проливной дождь, а также на грозу ночного неба, рискнул отправиться пешком, чтобы встретиться лицом к лицу с негодяем клеветником в его собственной квартире. И я был поражен молнией по пути в апартаменты Франкенштейна, чтобы встретиться с ним лицом к лицу. Есть ли в мире справедливость? Есть ли Бог, Который верит в справедливость?

Позже я смог отомстить ему, хотя это было сделано через очень странного викария. Что не удовлетворило меня, должен признаться, так это моя месть. НАША месть, я бы сказал. Вы скоро поймете, что я имею в виду под НАШЕЙ! Ничто из того, что можно было бы сделать с Франкенштейном на земле или в аду, не превратило бы огонь в моей груди в сладость и свет. За что, казалось бы, нехристианское утверждение я полностью оправдан.

Однако, согласно слову Божьему, напечатанному в Библии, я должен прощать даже своего злейшего врага. Иначе я тоже попаду в ад. Стоит ли оно того? Я часто размышляю над этим вопросом. Мои главные мысли вращаются вокруг одного из возможных решений моей дилеммы.

Неужели Франкенштейн совершил непростительный грех? Конкретный грех, который он совершил, определенно не указан в Священной Книге. Это уникальное преступление против Бога, я полагаю, также сделало бы его грех первородным грехом. Таким образом, есть еще два серьезных вопроса, которые должны волновать богословов, и Бог знает, что у них есть ответить. Могут ли существовать два непростительных греха? То есть два первородных греха?

К сожалению, или к счастью, им не придется заниматься этими вопросами. Никто никогда не узнает о паре грехов, если этот рассказ не дойдет до цивилизованного мира. Или если кто-то другой не напишет книгу о чудовищном Франкенштейне и его чудовищном творении. Но это кажется очень маловероятным. И если бы такая книга была написана, то, вероятно, была бы напечатана как романтическая повесть, вымысел. Кто из непросвещенной публики, невежественных масс поверил бы подобному рассказу, если бы он был представлен как факт? Если уж на то пошло, какой ученый человек поверит в это?..

Настал день, когда я умер. То есть гнойные мошенники, сопровождавшие меня, объявили меня мертвым. Вы можете себе представить, что я пере-

жил! Хотя картина, нарисованная воображением, должна стать лишь тенью настоящего ужаса. Вот как я себя чувствовал! Япытался протестовать, громко кричать, что я еще жив! Я так яростно боролся с собой, хотя и тщетно, что просто диву даешься, как у меня не случился настоящий инсульт! Меня отвезли в похоронное бюро, где меня обмыли, одели в мой лучший костюм и непристойно пошутили о размерах моих гениталий. В конце концов мне все-таки удалось пошевелить веками. Эти пьяные бездари так этого и не заметили! Потом, лежа в постели и слушая комментарии обо мне от этих лицемеров, моей жены и родственников, я еще раз попытался моргнуть. Но на этот раз у меня ничего не вышло.

К счастью для меня, практика бальзамирования тела среди английских богачей еще не стала популярной в Ингольштадте. Даже если бы это было так, моя жена не позволила бы этого из-за расходов. В результате я выжил, хотя, честно говоря, хотел бы, чтобы все было иначе. Я обезвоживался, конечно. Настоящий ад на земле…

Мой дорогой коллега, запишите в своем завещании, чтобы вам вонзили нож в сердце, прежде чем вы будете похоронены! Убедитесь, что вы действительно мертвы, прежде чем быть похо-

роненным!..

Похороны состоялись… Без сомнения, вы там были… Гроб закрыли. Сразу же после этого меня поместили в родовой склеп. Я ожидал, что умру быстро, хотя и ужасно, когда воздух в моем гробу иссякнет. Но мое очень поверхностное дыхание заставляло кислород задерживаться дольше. И вот, когда я уже был готов умереть, крышку гроба подняли.

Вы, должно быть, уже догадались из моих предыдущих замечаний, чье лицо я увидел при свете факела в его руке. Молодой Виктор Франкенштейн, конечно!

С ним были два грязных парня, которых он нанял себе в помощники. Они вытащили меня из гроба, завернули в промасленную тряпку с кусками льда и уложили в повозку. При ярком дневном свете! Но моя могила находилась в отдаленной части кладбища, и все равно Виктор отчаянно торопился…

Когда ткань была развернута, я оказался в грязной и захламленной комнате. Я предположил, что это квартира Виктора за пределами кампуса. Она выглядела как типичная комната дегенерата-студента, если не считать огромного количества дорогостоящего научного оборудо-

вания. Обычную вонь немытого тела и пустого ночного горшка заглушал запах разлагающейся плоти. Не могу вдаваться в подробности того, что последовало за этим, из-за ограниченного запаса бумаги и убогого почерка существа, которое пишет это. Его руки становятся все холоднее и холоднее, так что я должен торопиться. Я должен максимально сжать этот невероятный рассказ.

Короче говоря, Франкенштейн осмелился поверить, что он может создать искусственного человека из мертвых костей и тканей и дать этому существу жизнь! Он сделает во второй раз то, что Бог сделал в первый! Человек сотворенный станет творцом! Его существо не было видно, так как оно лежало в деревянном ящике, наполненном льдом и каким-то консервантом, который он обнаружил благодаря своим химическим исследованиям.

Я верил и до сих пор верю, что этот отпрыск аристократической семьи был верхом высокомерия, глупости и эгоизма. Но Бог по какой-то неизвестной причине наделил это отвратительное существо гением сатаны. Юноша знал, что делает, или же он натолкнулся на успех. Вероятно, последнее. Да, успех!

Он поместил меня в ящик, наполненный льдом,

обрызгал каким-то веществом, которое я не могу определить, а затем приступил к распиливанию моего черепа. Я потерял сознание от ужаса и боли, хотя порез оказался не таким болезненным, как я ожидал.

Что случилось, когда у меня началось кровотечение, я не знаю. Могу только предполагать, что он знал тогда,

что я все еще жив. Но вместо того, чтобы попытаться оживить меня, он продолжал свою богохульную и убийственную работу. Я знал, что он презирает меня, но не понимал всей глубины его ненависти ко мне и его безжалостного и бессовестного стремления к цели, которую только безумец может желать или пытаться достичь.

Я проснулся поздно ночью. Энергия молнии, которую он извлек из грозовых туч при помощи громоотвода, оживила тело, в котором я очутился. Его тело жило, как и мозг.

Однако этот мозг был моим!

Как этот глупый неопытный студент сумел соединить энцефалические нервы, выше моего понимания. Я бы не стал этого делать, несмотря на мои глубокие познания в анатомии.

Хотя я хорошо известен своим знанием языка, у меня нет слов, чтобы описать ощущения от

того, что я всего лишь мозг, установленный в чужом теле. И каком теле! Как я узнал позже, рукотворный голем был восьми футов ростом и представлял собой разрозненное собрание человеческих и животных частей. Как говорят рабочие: строили с нуля.

Конечно, в момент пробуждения я не знал, что нахожусь не в своей плотской оболочке. Но мне не потребовалось много времени, чтобы понять истинное положение вещей, когда чудо подняло мои руки. МОИ руки! Они принадлежали великану, но должны были принадлежать мне! Медленно и неуклюже я поднялся из-за огромного стола, на котором сидел. Нет, не я, он. Его усадили в кресло еще до того, как Франкенштейн спустил с неба пылающую жизненную энергию. Я осознавал не только свое тело, но и ощущал все, что чувствует существо. Это было очень запутанно и продолжалось еще некоторое время, прежде чем я смог приспособиться к неестественной ситуации.

Я сказал, что его ощущения были также и моими. Его мысли, слабые и хаотичные, вначале были восприняты мною. Интегрированы мной — было бы лучше сказать. И, пожалуй, не стоит описывать мысли как таковые. У чудовища не

было языка, а значит, и слов, чтобы думать. Он действительно обладал способностью использовать ментальные команды… Полагаю, даже у собаки есть такая способность. Но его эмоции были вполне человеческими. У него не было запаса образов в мозгу, который был настоящей табулярой. Все, что он впервые увидел, понюхал, потрогал и услышал, было для него новым и непонятным. Даже в первый раз, когда он ощутил урчание в кишечнике, он был удивлен и испуган, и, если вы простите ему нескромность, его утренняя эрекция беспокоила его почти так же, как и меня.

Как мы были связаны? Во-первых, почему его мозг оказался пустым, когда он был возвращен к жизни? На самом деле это был мой мозг, но отныне я буду называть ту часть моего мозга, которую он использовал, своим собственным мозгом. Его собственный мозг при оживлении должен был вместить все, чем он обладал до смерти. Но этого не произошло. Что-то, шок или какой-то неизвестный биологический или даже духовный механизм начисто стер все его содержимое. Или затолкал его так глубоко, что существо не имело к нему доступа.

Если часть мозга была вычищена начисто,

почему часть осталась нетронутой? Почему мое сознание было загнано в угол или, так сказать, под церебральный ковер? У меня нет объяснения этому феномену. Процесс творения должен был иной, чем у Бога, создающего Адама, а как у Бог, возвращающий Адама к жизни.

Однако наша ментальная связь была односторонней. Я знал обо всем, что он чувствовал и думал. Он совершенно не осознавал, что какая-то его часть — это не он. Я не мог общаться с ним, хотя и пытался послать ему какой-то мысленный сигнал. Я был пассажиром в экипаже, кучер которого ничего не знал ни о лошадях, ни о дороге, по которой ехал, ни о том, почему держал вожжи. В отличие от пассажира, который мог хотя бы выпрыгнуть из машины, я ничего не мог поделать со своим бедственным положением. Я был еще более беспомощен и расстроен, чем он, когда меня парализовал первый удар молнии. Я был также более напуган и отчаялся, чем когда находился в «коме». Это была неестественная и неслыханная ситуация. Но это было уникально.

Я видел глазами чудовища. Видел, кстати, лучше, чем раньше. Хотя Франкенштейн сильно подпортил глаза, так же, как он испортил все остальное, хотя он хотел сделать совершенное че-

ловеческое существо. Почему, во имя Бога и всех Его ангелов, Франкенштейн построил восьмифутового человека? Было ли это его представление о существе, которое не будет выделяться в толпе?

Как я уже сказал, я видел глазами это богохульного создания. Хотя они нуждались в очках для чтения, их недостатки не были ответственны за остроту моего зрения. Я видел все так, словно смотрел в большой телескоп — все вокруг как бы уменьшилось в размерах. В то же время получаемые мной изображения выглядели так, словно большой конец телескопа был погружен прямо под поверхность пруда с чистой водой. Движение лучей света через стеклянную призму и жидкость создавало своеобразную и несколько размытую картину.

Это искажение распространялось и на мой слух. Таким образом, строение глаз не было причиной этого раздражающего явления. Должно быть, виновато строение мозга или неправильная связь между ним и мной, которая мешала реальному восприятию окружающего мира. Или, может быть, именно так существо видело и слышало.

Великий Боже! Как же мне успеть обо всем рассказать? Я знаю, что мое время и количество бумаги ограничены. То ли я умру, то ли бумага

закончится. И все же я, как человек, всегда отличавшийся ясностью, краткостью и абсолютной уместностью темы лекций для апатичных и тупоголовых студентов нашего университета, стал глуп и болтлив, как любой из сотни пассажиров «Корабля дураков» Себастьяна Бранта. Простите меня. Мне нужно рассказать как можно больше, чтобы вы поняли историю Франкенштейна, его чудовища и меня.

Только что чудовище, несмотря на мои ментальные побуждения, запиналось в копировании моего послания. Не холод в этой лачуге способствует его слабости. Это ледяной палец смерти прикасается к нему и, следовательно, ко мне. Надо торопиться, время подгоняет. Однако, как вы должны понимать, вы бы не читали эти строки, если бы я не сумел снова активизировать чудовище и заставить его продолжать исполнять задачу, которую я поставил перед ним…

Он буквально разваливается на части. Я уверен, что это случилось бы давным-давно, если бы Франкенштейн, эта несчастная комбинация дурака и гения, не ввел в него какое-то химическое вещество, чтобы его органы, собранные от разных людей и даже разных видов, не отторгали друг друга. Однако химические вещества, исполь-

зуемые для этого, утратили свою силу.

Вчера у него отвалилось правое ухо. Накануне его левая нога распухла и почернела. Неделю назад он выблевал все мясо белого медведя и тюлений жир, которые давно стали основными ингредиентами нашей диеты. С тех пор он не мог держать в себе много пищи. Большая часть его зубов сгнила.

Будем надеяться, что я смогу продолжать давить на него, пока он не передаст это письмо посыльному.

Этот безнадежно безответственный Франкенштейн был так напуган, когда его творение ожило, что убежал, оставив чудовище, невинного, как младенец, и столь же полного потенциального добра и зла.

Мне ничего не оставалось, как вместе с чудовищем попытаться осознать окружающий мир. Все мы, конечно, не, взирая на наши желания, попали в эту суровую и равнодушную вселенную. Но у большинства детей был кто-то, кто заботился об их потребностях, любил их и воспитывал. Это существо было единственным в своем роде, и оно было человеком, самым несчастным ребенком из всех. Хотя поначалу я испытывал к нему отвращение, со временем я стал ему сочувствовать, даже

отождествлять себя с ним. Почему нет? Разве он — не я, и разве я не он?..

Попробуем еще быстрее. Его смерть приближается, поэтому нужно поскорее закончить это письмо.

Нет времени на подробности, как бы они ни требовали освещения и объяснения.

Существо (то есть я) бежало из Ингольштадта в близлежащие горные леса. Он многое узнал о себе, о мире и людях в этой области. Он жаждал признания и любви. Он не получил ни того, ни другого. Он научился добывать и использовать огонь. Он отправился в деревню и был ранен — люди бросали в него камнями. Он укрылся в неиспользуемой части коттеджа и шпионил за его обитателями, когда-то богатыми французскими аристократами, изгнанными и ныне живущими в нищете.

Подслушивая он научился говорить по-французски. Отчасти это была моя вина. К тому времени я успел послать ему несколько сообщений, о которых он даже не подозревал. Это не были команды, которым он подчинялся, или что-то еще, что заставляло его осознавать мое присутствие, но информация, хранящаяся в моем мозгу, включая отличное знание французского.

Кстати, я обнаружил новые детали электрических, химических и нейронных структур мозга. Увы! У меня нет времени поделиться этой невероятно важной информацией, которая перенесла бы наши знания о мозге на ту высокую ступень, которой, как я полагаю, будут наслаждаться граждане двадцатого века. Но я не могу удержаться, чтобы не сообщить вам, что древовидные сплетения нервов доставляют удовольствие исследователю. Мои путешествия вверх и вниз по его стволам, ветвям и сучьям были единственной радостью, которую я испытал во время моего заключения в тюрьме — в теле чудовища. Я был в некотором смысле большой обезьяной, перепрыгивающей с ветки на ветку в упорядоченных джунглях нервной системы, зверем, обучающемся на ходу. Я обнаружил, что спланхический нерв на самом деле состоит из трех нервов и все они контролируют висцеральные функции различными способами. Я называю их Великими и Меньшими.

Существо… У него никогда не было имени, этот недостаток сильно подавил его самооценку, но усилил его ярость и жажду мести. Вы не представляете, что делает с человеком безымянность. Так вот существо показало… раскрылось перед

обитателями коттеджа. Он ожидал сочувствия, но получил отвращение и ужас. Люди разбежались. Тогда он сжег коттедж, а потом бесцельно бродил по окрестностям. Он спас тонущую девушку и за свой героический поступок был ранен из ружья. Такая неблагодарность, конечно, усилила его боль и гнев. Затем он приехал в Женеву, родной город Франкенштейна.

Здесь он убил брата Виктора, маленького Уильяма. Когда он это делал, я мысленно кричал, требуя остановиться, если можно говорить о том, что безгласное существо кричит.

Бесполезно. Руки чудовища — мои руки — задушили младенца.

Созданное человеком существо встретилось со своим создателем и заставило его пообещать сделать для него женщину. Виктор отправился на Оркнейские острова и сделал, как обещал. Но, испытывая отвращение, Виктор уничтожил самку, которая была такой же огромной и уродливой, как и ее самец.

Калейдоскоп ужасов! Безумное существо убило Генри Клерваля, лучшего друга Виктора, изнасиловало и убило невесту Виктора в их первую брачную ночь. После этого отвратительного поступка чудовище объявило, что отныне станет

служить добру. Он был искренен, когда говорил это. Но эти слова не принадлежали ему по происхождению, даже если они принадлежали ему по духу. Это был парафраз дерзкого заявления сатаны из «Потерянного рая» Мильтона: «Зло, будь добром».

Да, чудовище прочло этот благородный труд. В этой книге, как вы знаете, содержатся одни из величайших стихотворных строк. Однако есть сухие отрывки, которые растягиваются до невыносимой длины. Читатель ощущает себя иссохшим путешественником, заблудившимся в Сахаре пятистопного ямба.

Я был невольным актером в трагедии, которая была реальной, а не мильтоновской. Вы не можете себе представить, какие муки и стыд я испытывал, когда чудовище надругалось и убило Элизабет — невесту Франкенштейна. И все же, должен признаться, я тоже разделял экстаз его оргазма, хотя вскоре после того, как меня «пересадили», я возненавидел себя.

Франкенштейн, после того как его посадили в тюрьму окончательно сошел с ума. Когда чудовище убило отца, Виктор начал выслеживать свое творение, чтобы уничтожить его. После долгих скитаний Франкенштейн и его существо

оказались в Арктике, путешествуя на собачьих упряжках. Виктору было очень плохо, но он нашел убежище на ледяном корабле. Рассказав свою историю англичанину на борту судна, он умер.

Тем временем ледяной покров распался. Проход в теплые края был открыт. Но чудовище поднялось на борт сразу после смерти своего создателя. К тому времени его уже мучили угрызения совести, возможно, потому, что он смутно ощущал мою реакцию на его сатанинские поступки, хотя я так же, как и он, жаждал убить Виктора, и это странным образом заставило чудовище раскаяться.

Я не думаю, что у него было достаточно оснований решиться на самоубийство. Из них двоих он был гораздо более ранен. Чего ожидал Франкенштейн? Что это существо, как истинный христианин, подставит другую щеку? Искусственное создание не познало христианство. Да и простил бы наш Господь такое великое зло?

На самом деле, то, что у чудовища была такая нежная и высоконравственная совесть, говорит о его врожденной доброте.

А может быть, мои страдания к тому времени уже воздействовали на него, какими бы слабыми они ни были. Я пытался заставить чудовище по-

кончить с собой, ради него же самого и, должен признаться, ради себя. Какую жалкую жизнь я вел! Голодать и мерзнуть вместе с ним, страдать вместе с ним, страдать от ярости и желания отомстить вместе с ним. Мне нужно было растоптать наши жизни — вообще-то, прервать мое одинокое существование…

Один из непростительных грехов — самоубийство. Но я убивал себя не прямым действием. Безымянное и жалкое неестественное существо сделает это. Мои руки были чистыми, его — грязными. Но ему не придется гореть в аду за этот поступок. У него не было души. И я не сгорю. Однажды я умер и должен был попасть на Небеса. Вместо этого Франкенштейн, отвратительное воплощение архидемона, вернул меня к жизни. За это богохульное преступление Франкенштейн будет вечно существовать после смерти как тень на огненной равнине. Пески в седьмом круге ада. Там на него обрушится вечный огненный дождь. Там, по словам великого итальянского поэта Данте, находятся богохульники и содомиты, насильники против Бога, каковым, несомненно, и был Франкенштейн. Есть также ростовщики, то есть насильники искусства. Он нарушил Божье искусство, создав чудовище. Трижды проклятый,

трижды замученный!

Его чудовище, наконец, простило его, но я не могу этого сделать. Таким образом, чудовище было более христианином, чем я. Теологический и философский вопрос для вас, коллега. Означает ли это, что Бог наделил чудовище душой? Если да, то кому принадлежит мозг этой души? Мой мозг — это его мозг, и всегда два будут одним. Последствия этого ошеломляют. Колледж Св. Аквината мог бы рассматривать этот вопрос целую вечность.

Так продолжим. Существо заявило англичанину на корабле, где умер Франкенштейн, что оно устроит погребальный костер и будет лежать на нем, пока его отвратительное тело не сгорит дотла. Конечно, вы решите, что это смешно.

Где, в этой арктической пустыне, он мог найти хоть одну ветку для топлива?

Затем он сел на большой кусок льда и поплыл. Когда ледяной остров не причалил к берегу, мне наконец удалось связаться с другой частью моего мозга. Это была односторонняя связь, то есть я мог передать ему некоторые из моих мыслей внушений или команд, хотя он не знал ни о моем присутствии, ни о команде. Не знаю, как мне это удалось. Я думаю, что именно его слабеющее

здоровье, его разлагающаяся плоть позволили мне преодолеть все существовавшие ранее препятствия.

Он… Мы бродили по заснеженной и покрытой льдом земле, пока не вышли к этому отдаленному аванпосту, населенному несколькими несчастными туземцами. Нам дали пишу, отвратительную, но питательную, и приют, едва ли достойный этого названия. Теперь я мог передавать свои команды, хотя они искажались, как будто телом манипулировал пьяный семафорист. Без сомнения, это было из-за быстро разлагающегося тела, в том числе нервной системы чудовищ. Конечно, это повлияло на меня, и мои передачи тоже могли быть ошибочными.

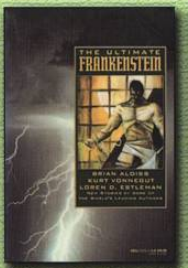
Главная проблема заключается в том, что чем слабее и неорганизованнее становился мозг существа, тем легче мне воздействовать на него, но само устранение ментальных препятствий снижает эффективность чудовища в выполнении моих посланий.

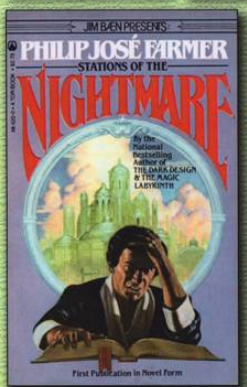
Выражаясь проще, вы платите за то, что получаете. Кроме того, чем дальше вы продвигаетесь в решении проблемы, тем больше проблем вы встречаете…

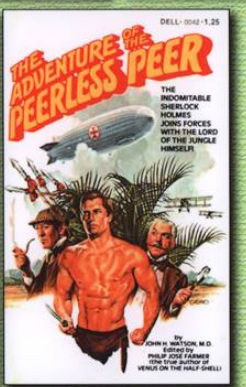
Теперь я уже не вижу, насколько разборчив по-

черк. Объекты, которые я наблюдаю его глазами, становятся все меньше и меньше. И водянистая завеса теперь, кажется, содержит в себе кружащиеся частицы. Их становится все больше….

Фервейл… Вот и все… Собачья любовь… Франкенштт… Пес… Приблудный пес… Боже… Спаси меня Боже… И прости… Прости за то, что я человек был чудовищем… Боже… Боже… Спаси меня…







ISBN 978-5-93835-154-7

·Северо-Запад·